«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

ISSN 2074–7306

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2026

Периодичность: 1 раз в квартал

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым

Издание включено в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список»

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-76204 от 02 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

Главный редактор

- **Шапсугов Дамир Юсуфович** – доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист РФ, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции отделения «Высшая школа правоведения» юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности, РАНХиГС (Россия, г. Москва).

Состав редакционной коллегии

- **Авакян Р. О**. – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности (Армения, г. Ереван).
- **Авдеев Д. А.** – доктор юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Академический департамент Школы права и управления, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (Россия, г. Тюмень).
- **Алиев А. И.** – доктор юридических наук, ректор Академии Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, профессор кафедры «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Алиева С. И.** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Бакинский инженерный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Баранов П. П.** – доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Душакова Л. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Егорова М. А.** – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва).
- **Корецкий А. Д.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, судья Ростовского областного суда (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Лазарева Н. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, член Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Маремкулов А. Н**. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Россия, г. Нальчик).
- **Мехмет Али Бейхан** – доктор исторических наук, профессор, Стамбульский университет (Турецкая Республика, г. Анкара).
- **Овсепян Ж. И.** – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры конституционализма юридического факультета, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Овчинников А. И.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Шатковская Т. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шелухин С. И.** – доктор права, университетский профессор, Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции (США, г. Нью-Йорк).

Состав редакционного совета

- **Акопов Л. В** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» юридического факультета, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону).
- **Бойко А. И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).
- **Волова Л. И.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Казинян Г. С.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Исмаилов М. А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического института, Дагестанский государственный университет (Россия, г. Махачкала).
- **Исмайлов Х. Д.** – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку).
- **Ляхов Ю. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Озова Ф. А.** – доктор исторических наук, Академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доцент, заведующий отдела истории народов, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова (Россия, г. Черкесск).
- **Радачинский Ю. Н.** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Сайдумов Дж. Х.** – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва), профессор кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет (Россия, г. Грозный).
- **Титова Е. В**. – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, г. Челябинск).
- **Фаргиев И. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

16+

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, 2026

"To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives"

I. A. Pokrovsky
History of Roman Law. Introduction.
Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 2, 2026

The frequency is 1 time per quarter

Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications – the "White List"

The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)

Registration number and date of the decision on registration:
series PI № FS77-76204 dated August 02, 2019

Founder – Federal state budget educational institution of higher education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Editorial board

Chief Editor

- **Damir Yu. Shapsugov** – Doctor of Law, Professor, Academician of AMAN and MANEB, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Center for Legal Studies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).

Deputy Chief Editor

- **Konstantin P. Krakovskiy** – Doctor of Law, Professor of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence, Department of the Higher School of Jurisprudence, M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow).

The editorial board

- **Ruben O. Avakyan** – Doctor of Law, Professor, Academician of MANEB and All-Armenian Academy of National Security Problems (Armenia, Yerevan).
- **Dmitry A. Avdeev** – Doctor of Law, Associate Professor, Tyumen State University, Academic Department of the School of Law and Management, Head of the Tyumen Branch of the Interregional Association of Constitutionalists of Russia, member of the Tyumen Regional Branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia" (Russia, Tyumen).
- **Amir Ibragim ogly Aliev** – Doctor of Law, Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department "Human Rights and Information Law", Baku State University (Azerbaijan, Baku).
- **Sevindzh I. Alieva** – Doctor of History, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Baku Engineering University (Azerbaijan, Baku).
- **Pavel P. Baranov** – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Lesya A. Dushakova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Maria A. Egorova** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Cooperation Office, Professor of the Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow).
- **Arkadiy D. Koretskiy** – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice), judge of the Rostov Regional Court (Russia, Rostov-on-Don).
- **Natalia Yu. Lazareva** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal-Legal Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Russian Association of Criminology (Russia, Rostov-on-Don).
- **Arsen N. Maremkulov** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Russia, Nalchik).
- **Mehmet Ali Beihan** – Doctor of History, Professor, Istanbul University (Republic of Turkey, Ankara).
- **Zhanna I. Ovsepyan** – Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexey I. Ovchinnikov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Tatiana V. Shatkovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Sergey I. Shelukhin** – Doctor of Law, University Professor, City University, Faculty of Law, Police and Criminal Justice (USA, New York).

Editorial Council

- **Leonid V. Akopov** – Doctor of Law, Professor of the Department of "Criminal Law and Public Law Disciplines" of the Law Faculty, Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexander I. Boiko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Larisa I. Volova** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Magomedsagid A. Ismailov** – Doctor of Law, Professor of the Department of History of State and Law, Head of the Research Laboratory «Customary Law» of the Institute of Law, Dagestan State University (Russia, Makhachkala).
- **Khayyam J. Ismayilov** – Doctor of Law, Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty (Azerbaijan, Baku).
- **Gagik S. Kazinyan** – Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law, Yerevan State University (Armenia, Yerevan).
- **Yuri A. Lyahov** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
- **Fatima A. Ozova** – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Peoples, Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies named after H. H. Khapsirokov (Cherkessk, Russia).
- **Yuri N. Radachinsky** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Territorial Election Commission of Bataysk, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Dzhambulat H. Saidumov** – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Professor at the Department of History, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny).
- **Elena V. Titova** – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk).
- **Ibragim A. Fargiev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54
Tel: 8-863-279-41-62,
e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru
http://vestnik-uriu.ranepa.ru

16+

© Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТАПРАВА 9

Д. Ю. Шапсугов

Концепция метаправа в современной российской юридической науке 9

Д. Х. Сайдумов, Р. А. Джашеев

Цифровая инверсия профессиональных юристов: функции солиситоров и барристеров в условиях алгоритмизации права 31

Е. В. Кондратенко

Оборот цифровых прав в российском праве: пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации 42

А. А. Вологдин

Правовая природа цифровых финансовых активов и особенности их гражданско-правового оборота в системе внешнеэкономических сделок 58

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ 69

А. С. Лолаева

Государственные программы и инициативы по поддержке традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации 69

Н. Е. Шакурова

Организационно-правовые основы государственной политики Российской Федерации по сохранению традиционных ценностей 81

А. А. Кузнецова

Особенности правовой защиты духовно-нравственных ценностей в сфере отечественного образования 94

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА 107

П. П. Баранов

Развитие конституционных основ экологической безопасности в современной России 107

Л. В. Акопов, И. А. Сизько

Цензы и ограничения при реализации пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной Думы: конституционные постулаты и их имплементация в российском законодательстве 116

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА 125

Н. А. Дюженков

Основания ограничения имущественного иммунитета единственного жилого помещения должника в рамках дела о банкротстве гражданина: направления совершенствования законодательства 125

В. В. Тарасов

Особенности возмещения убытков при одностороннем отказе от государственного контракта .. 136

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 146

И. А. Семенцова

Вопросы квалификации и меры противодействия преступлениям, совершаемым с использованием онлайн-платформ 146

А. А. Стешенко

Эволюция научных представлений об участии граждан в осуществлении правосудия в советской юриспруденции 156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 168

Дискуссионная площадка журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» 168

Шапсуговские чтения в ЮРИУ РАНХиГС: метаправо как новый горизонт современной юридической науки 170

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ 174

А. П. Скибе – 50 лет 174

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ 175

CONTENT

PROBLEMS OF STUDYING THE PROCESSES OF METALAW FORMATION 9
Damir Yu. Shapsugov
The concept of metalaw in modern Russian legal science 9
Dzhambulat Kh. Saidumov, Ruslan A. Dzhasheev
Digital inversion of legal professionals: the functions of solicitors and barristers in the context of algorithmization of law 31
Egor V. Kondratenko
Circulation of digital rights in Russian law: the limits of article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation 42
Artem A. Vologdin
The legal nature of digital financial assets and the specifics of their civil turnover in the system of foreign economic transactions 58
PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION ON PRESERVATION AND STRENGTHENING OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES 69
Albina S. Lolaeva
The state programs and initiatives to support traditional spiritual and moral values in the Russian Federation 69
Natalia E. Shakurova
Organizational and legal bases of the state policy of the Russian Federation for the preservation of traditional values 81
Anna A. Kuznetsova
Features of legal protection of spiritual and moral values in the sphere of domestic education 94
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND ELECTORAL LAW 107
Pavel P. Baranov
The development of the constitutional foundations of environmental safety in modern Russia 107
Leonid V. Akopov, Igor A. Sizko
Censorship and restrictions on the exercise of passive suffrage in the elections of State Duma deputies: constitutional principles and their implementation in Russian legislation 116
PROBLEMS OF CIVIL LAW 125
Nikolai A. Dyuzhenkov
Reasons for restricting the property immunity of the debtor's only residential place in the course of a citizen's bankruptcy case: directions for improving legislation 125
Viktor V. Tarasov
Features of compensation for losses in case of unilateral refusal to sign a public contract 136
PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW 146
Irina A. Sementsova
Qualification issues and measures to counter crimes committed using online platforms 146
Alexander A. Steshenko
Evolution of scientific concepts about citizens' participation in the administration of justice in Soviet juriprudence 156
SCIENTIFIC LIFE 168
The discussion platform of the North Caucasus Legal Vestnik 168
Shapsugov readings at the South-Russia Institute of management of RANEPA: metalaw as a new horizon of modern legal science 170
ANNIVERSARY DATES 174
A. P. Skiba – 50 174
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES 175

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТАПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 9–30
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):9–30

Научная статья
УДК 340.1
EDN SFTOSL

Концепция метаправа в современной российской юридической науке

Дамир Юсуфович Шапсугов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7813-6368

Аннотация

Введение. Право, как и любое другое явление, проходит определенные этапы в своем развитии. В связи с широким научным обсуждением вопроса о метаправе возникают вопросы о его онтологическом статусе и теоретико-правовых основаниях исследования, требующие своего разрешения.

Цель. Разработка научной проблемы становления метаправа, включающая поиск и исследование онтологических тенденций становления права в современном мире, гносеологических предпосылок их познания, изучение технологических предпосылок и моделей, обуславливающих процессы реализации права в прикладной науке о праве – юриспруденции. Выявление преобладающей тенденции в правовом развитии общества, ее социальных, политических и научные основаниях, из которых вытекает понимание метаправа, его содержание и методы познания; обоснование научной гипотезы метаправа.

Методы. Критический подход к методологии исследования на основе парадигмы отражения сознанием бытия, позволяющий учитывать отдельные познавательные приемы традиционной методологии, опирающиеся на понимание необоснованности второго «издания» старой метафизики, недостатки которой были обоснованы И. Кантом («слепое» следование предмету), К. Марксом в тезисах о Фейербахе (игнорирование чувственной человеческой деятельности), с преимущественным применением парадигмы научного творчества, основанной на свободе мысли, учении о рассудке и разуме, интуиции, реализующейся при исследовании предмета исследования как научной проблемы путем разработки и апробации научных гипотез.

Результаты и выводы:

– обоснование ограниченности современной методологии познания права, основанной на парадигме отражения бытия сознанием, и необходимости разработки и применения методов и принципов научного творчества в познании и осуществлении метаправа, обоснование новых, адекватных ему принципов исследования;

– обоснование концепции естественности эволюции действительного права, основанной на единстве физической и (социальной) нравственной природы человека и эволюции искусственности, виртуальности, видимости права, создаваемой как неправо, но преподносимой как действительное право;

– установление отличия двух миров права по субъектам: в действительном праве субъект права – конкретный живой свободный, разумный человек. В видимом виртуальном мире права субъект права – абстрактный персонаж на сцене истории, описываемый в художественных, фантастических произведениях, демонстрируемый на фото, телевидении и в кинофильмах, усредненный человек, маска которого не соответствует конкретному живому человеку.

© Шапсугов Д. Ю., 2026

Показано, что искусственный интеллект – инструмент для создания обоих миров права – естественного и виртуального искусственного. Он создается представителями относительно новой профессии – условно называемой «айтишниками», – разработчики, операторы, владельцы и пользователи СМИ, органы власти, деятельность которых может и должна регулироваться государством посредством создания и функционирования адекватной нормативно-юридической системы, определяющей статус и содержание, сферы применения искусственного интеллекта, для чего в действующем позитивном праве есть сложившаяся система технологий, по которой уже создается начальный формат названной системы, а его потенциал окажется весьма востребованным в дальнейшем. Появился «новый мастер» (искусственный интеллект) в мастерской по «производству» виртуальных миров, где они создаются и проверяются на предмет адекватности развивающемуся живому разумному человеку. Проанализирована обоснованность использования термина «искусственный интеллект» в современной научной юридической литературе России. Показано, что сложившееся понимание интеллекта в научной гуманитарной литературе однозначно означает способность живого конкретного человека, что не позволяет просто «переносить» термин для выражения процессов, не являющихся выражением познания, происходящего в мозгу человека, на процессы получения и организации знания посредством использования технических средств.

Опираясь на проект ФЗ «Об основах правового регулирования сфер применения искусственного интеллекта (ст. 3), можно использовать термин «имитатор» или в крайнем случае взять термин «интеллект» в словосочетании со словом «искусственный» в кавычки. Это могло бы противодействовать мифологизации искусственного интеллекта, порождающего всевозможные «страшилки», реально и негативно влияющие на сознание очень большого количества современников, тем более, что инструмент его регулирования – нормативно-юридическая система – целиком и полностью остается в ведении государства.

Ключевые слова: концепция, метаправо, метатеория права, метатеоретический уровень познания права, принципы познания, парадигмы отражения и творчества, становление метаправа, эволюционный потенциал человека, научная проблема как предмет познания, научная гипотеза, искусственный интеллект, цифровые права, сетевое право

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Концепция метаправа в современной российской юридической науке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 9–30. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 9–30. EDN SFTOSL

Original article

The concept of metalaw in modern Russian legal science

Damir Yu. Shapsugov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7813-6368

Abstract

Introduction. Law, like any other phenomenon, goes through certain stages in its development. Due to the widespread scientific discussion of the question of the meta-direction, questions arise about its ontological status and the theoretical and legal foundations of its research, which require their resolution.

Purpose. The development of the scientific problem of the formation of a metalaw, including the search and study of ontological trends in the formation of law in the modern world, the epistemological prerequisites for their knowledge, the study of technological prerequisites and models that determine the processes of law implementation in the applied science of law – jurisprudence. Identification of the prevailing trend in the legal development of society, its social, political and scientific foundations, from which follows the understanding of the meta-trend, its content and methods of cognition, the substantiation of the scientific hypothesis of the meta-trend.

Methods. A critical approach to research methodology based on the paradigm of consciousness reflecting being, which allows taking into account certain cognitive techniques of traditional methodology based on an understanding of the unreasonableness of the second "edition" of old metaphysics, the shortcomings of which were substantiated by I. Kant ("blind" following the subject). Marx's theses on Feuerbach (ignoring sensual human activity), with the predominant application of the paradigm of scientific creativity based on freedom of thought, the doctrine of reason and reason, intuition, realized in the study of the subject of research as a scientific problem through the development and testing of scientific hypotheses.

Results and conclusions:

- substantiation of the limitations of the modern methodology of cognition of law, based on the paradigm of reflection of being by consciousness, and the need to develop and apply methods and principles of scientific creativity in cognition and implementation of meta-law, substantiation of new, adequate research principles;
- substantiation of the concept of the naturalness of the evolution of valid law, based on the unity of the physical and (social) moral nature of man and the evolution of artificiality, virtuality, and the appearance of law, created as wrong, but presented as valid law;
- establishing the difference between the two worlds of law: by subjects: in actual law, the subject of law is a specific living, free, reasonable person. In the visible, virtual world of law, a legal subject is an abstract character on the stage of history, described in fiction, fiction, shown in photos, movies, television, an average person whose mask does not correspond to a specific living person.

It is shown that artificial intelligence is a tool for creating both worlds of law – natural and virtual artificial. It is created by representatives of a relatively new profession – conventionally called "IT specialists" – developers, operators, owners and users of mass media, authorities whose activities can and should be regulated by the state, through the creation and functioning of an adequate regulatory and legal system that defines the status and content, the scope of application of artificial intelligence, for which in the current positive law there is an established system of technologies, according to which the initial format of the named system is already being created, and its potential will be in great demand in the future. A "new" master" (artificial intelligence) has appeared in the workshop for the "production" of virtual worlds, where they are created and tested for adequacy to a developing living, intelligent person.

The validity of the use of the term "artificial intelligence" in the modern scientific legal literature of Russia is analyzed. It is shown that the current understanding of intelligence in the scientific humanitarian literature unambiguously means the ability of a living specific person, which does not allow simply "transferring" the term to express processes that are not expressions of cognitive processes occurring in the human brain to the processes of obtaining and organizing knowledge through the use of technical means.

Based on the draft Federal Law "On the basics of legal regulation of the fields of artificial intelligence (art. 3), you can use the term "simulator", or, in extreme cases, take the term "intelligence" in a phrase with the word artificial in quotation marks. This could counteract the mythologization of artificial intelligence, which generates all kinds of "horror stories" that really and negatively affect the consciousness of a very large number of contemporaries, especially since the instrument of its regulation, the legal regulatory system, remains entirely under the jurisdiction of the state.

Keywords: concept, meta-law, metatheory of law, metatheoretical level of knowledge of law, principles of cognition, paradigms of reflection and creativity, formation of metalig, evolutionary potential of man, scientific problem as a subject of knowledge, scientific hypothesis, artificial intelligence, digital rights, network law

For citation: Shapsugov D. Yu. The concept of metalaw in modern Russian legal science. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):9–30 (In Russ.). EDN SFTOSL

* * *

В понятии метаправа синтезируются особенности качественно нового этапа в правовом развитии общества, завершающего предысторию права, означающего начало его подлинной истории, приоритетной задачей в которой становится обеспечение коэволюционного соразвития человека и окружающей среды, позволяющего полностью использовать эволюционный потенциал человека, как уже ставшего надбиологическим вследствие своей разумности и духовности.

* * *

Становление метаправа опирается на новое понимание естественности права, являющегося продолжением концепции естественного права Б. Спинозы (право силы (естественность приоритета физической природы человека) и право на виртуальность поведения человека) как два вида неправа, Г. Гроция как способности человека к нравственному поведению (естественность приоритета нравственности человека перед его физической природой) к их синтезу в единство развивающихся физической и нравственной природы человека как к источнику естественности метаправа и его сущности – основы формирования свободной, разумной личности – субъекта метаправа.

* * *

Позитивное право – преимущественно рационально-рассудочное по содержанию, облекаемому государством в рациональную превращенную форму права – регулятор общественных отношений. Метаправо – поиск и нахождение разумного содержания права и облечения его в разумную форму наднормативных принципов.

* * *

Исследование метаправа в формате нового способа организации существующего знания о праве не дает знания о становлении метаправа как качественно нового этапа в правовом развитии общества, ставит вопрос о переходе от господствующих в традиционной науке о праве парадигм – ограничений, оснований, понятийного аппарата, междисциплинарности, дополнительности, к новой универсальной парадигме познания метаправа не как уже существующего позитивного права, а как научной проблемы, которая условно может быть названа парадигмой научного творчества, разработка адекватного ей методологического потенциала.

* * *

Универсальность парадигмы научного творчества заключается в том, что она не является заранее принятой общей схемой, внешним порядком исследовательской деятельности, не требует проведения исследований разными дисциплинами и методами, и, следовательно, междисциплинарности и дополнительности, а выступает как инструмент получения знания автором творчества (ученым), создаваемый и трансформируемый им самим адекватно содержанию проблем, решаемых в процессе научного исследования.

* * *

Источником метаправа является развивающаяся способность человека к разумной деятельности, в которой человек находит и проявляет свой разум.

* * *

Правовое общество естественно возникает как общество свободных, разумных, нравственных людей. Правовое государство возможно как форма организации такого общества, а не просто как публичная власть, опирающаяся на закон, что составляет основу позитивистской трактовки правового государства.

Д. Ю. Шапсугов

Введение

Современное общество вступает в новый период своего развития, сущностные стороны которого определяются процессами цифровизации, ускоренного развития информационных технологий, создания искусственного интеллекта. Происходящие коренные качественные изменения в жизни людей могут иметь существенно различающиеся последствия. Они уже экстраполируются на не столь отдаленное будущее как в позитивных, так и в крайне негативных сценариях. Причем, и те, и другие имеют под собой ресурсные, социальные, политические, технологические основания и поэтому возможны практически в одинаковой степени.

Как отмечается в научной литературе: «Человек – биологически ограниченное существо: у его органов чувств узкий диапазон восприятия, у тела ограниченный запас выносливости и краткий срок жизни, и все это сокращает эволюционный потенциал человека как биологически слабого вида, который не выжил бы, не встав на путь социального развития» [1].

Разумеется, очень трудно в настоящее время точно рассчитать эволюционный потенциал человека в развивающемся мире, в котором действуют разные силы. Здесь подчеркнута лишь несводимость эволюционного потенциала к особенностям его обособленной биологической природы без учета его социального развития, с которым связано формирование его надбиологических качеств, выражающихся в его культуре, разуме, нравственности, которыми определяются его коэволюционные возможности соразвития с окружающим миром, постоянное расширенное формирование которых становится условием его выживания. Эти возможности реализуются в процессе создания разных миров человека, которые в научной литературе определяются как человеческий и иной (искусственный, виртуальный), противостояние или диалектическое взаимодействие которых создает как угрозы существованию человека, так и возможности, и опыт их преодоления. При этом необходимо учитывать уже существующие механизмы самовосстановления органов человека или замены их на искусственные, а также возможность бесконечного развития человечества при ограниченности жизни отдельных индивидов.

Частью решения этой задачи является становление метаправа, потребность в котором стала носить судьбоносный характер, поскольку именно в нем человек может и должен найти свой разум [2].

Одной из заметных особенностей современного этапа развития человечества является выстраивание виртуальных миров, существующих рядом с действительным миром живых людей и уже также претендующих на статус действительного мира. На возможность существования такой ситуации обращал внимание Н.А. Бердяев, обосновывая необходимость различения первичного бытия, существующего до его рационализации независимо от нее и рационализированного искусственного мира, который накладывается на действительный мир человека и отождествляется с ним [3, с. 7].

Целью в настоящей статье выступает разработка научной проблемы становления метаправа, включающая поиск и исследование онтологических тенденций становления права в современном мире, гносеологических предпосылок их познания, изучение технологических предпосылок и моделей, обуславливающих процессы реализации права в прикладной науке о праве – юриспруденции.

Выявление преобладающей тенденции в правовом развитии общества, ее социальных, политических и научных оснований, из которых вытекает понимание метаправа, его содержание и методы познания, обоснование научной гипотезы метаправа.

Методы исследования проблемы: критический подход к методологии исследования на основе парадигмы отражения сознанием бытия, позволяющий учитывать отдельные познавательные приемы традиционной методологии, опирающиеся на понимание необоснованности второго «издания» старой метафизики, недостатки которой были обоснованы

И. Кантом (слепое следование предмету), К. Марксом в тезисах о Фейербахе (игнорирование чувственной человеческой деятельности), с преимущественным применением парадигмы научного творчества, основанной на свободе мысли, учении о рассудке и разуме, интуиции, реализующейся при исследовании предмета исследования как научной проблемы путем разработки и апробации научных гипотез.

Теоретическую основу исследования, реализуемую через указанную выше систему методологии, составляют современные концептуальные подходы к исследованию человеческого действительного и виртуального миров, определению места и роли искусственного интеллекта в их формировании и функционировании, выявлении когнитивных процессов, протекающих в сознании человека, представленных в современных естественнонаучных исследованиях, в том числе и проводимых на стыке с гуманитарными исследованиями, порождающими новые отрасли наук (биоэтика и т.п.).

Теоретическую основу данного исследования составляют также научные положения, закрепленные в создаваемых нормативных основах регулирования искусственного интеллекта на международном (Этический кодекс ЮНЕСКО и т.п.) и внутригосударственном уровнях, включающие как уже действующие акты, так и их проекты (проект ФЗ Российской Федерации «О правовых основах регулирования сфер применения искусственного интеллекта»).

Обобщенно теоретические основы исследования раскрываются в следующих принципах:

- принцип единства (основанного на различении) правового и юридического мышления, правоведения и юриспруденции; принцип единства физической и (социальной) нравственной природы человека как источник подлинного права;

- принцип взаимодействия двух миров человека: «производство» человеком естественных действительных миров права и виртуальных видимых искусственных миров позволяет человеку вести поиск целей и путей своего развития, адекватных природе его образа жизни;

- принцип субъектности конкретного живого человека в праве. Становление метаправа призвано разрешить поставленную в начале XX века профессором И. А. Покровским проблему приоритетности конкретного живого человека в качестве субъекта права перед абстрактным субъектом – искусственным заменителем первого в т.н. «правовом» регулировании, перевода его в разряд вспомогательного инструмента, как и предлагал И. А. Покровский, регулирования отношений в обществе, роль которого, возможно, больше подойдет в современных условиях искусственному интеллекту;

- принцип приоритетности прав и свобод человека в правовом регулировании, реализация которого обеспечивается установлением возможностей, запретов и обязанностей, необходимых для их осуществления и развития, гармоничное сочетание которых исключает их противопоставление или взаимоисключение [4], так как свобода есть действительность права, а право есть возможность свободы, что не исключает часто встречающегося факта декларативного провозглашения в нормативных актах прав человека и их нереализуемость в социальной практике многих государств и обществ. Абсолютизация таких фактов фактически отрицает и право, и свободу, лишая их возможности переходить друг в друга и, следовательно, в действительность.

Формирование глобальных цифровых прав человека [5], возможно, положит начало обретению юриспруденцией давно ожидаемой математической точности:

- регулирование на основе принципов метаправа, являющихся наднормативными по своей природе, становится доминирующим, основополагающим в правовом регулировании; догматика-нормативность переходит в сферу искусственного интеллекта, а принципы выступают как непосредственное выражение сущности права, они не выводятся из норм как их обобщение, а определяют их содержание, что позволяет преодолеть недостатки

детализированного регулирования, переходящего в необходимых случаях к искусственному «интеллекту», к регулированию на основе принципов, о необходимости которого говорили Кант и Гегель в конце XVIII–XIX в.;

- принцип необоснованности второго «издания» старой метафизики и исчерпанности потенциала ее познавательных возможностей, включая междисциплинарность, дополнительность, предполагающие взаимодействие дисциплин, не являющихся метаправовыми, но призванными обновить юридическую науку, предметом которой становится метаправо.

Традиционные дисциплины с традиционной методологией призываются на основе междисциплинарности к познанию нового явления вместо создания новой, более универсальной творческой методологии и новой структуры знания о становлении права нового типа. Дело ограничивается новым способом организации существующего знания о праве. Сочетание старых, традиционных дисциплин (философии и философии права, философии права и теории права, отраслевых юридических дисциплин) создает лишь новое абстрактное знание, не знающее «чувственной человеческой деятельности» и отчужденное от нее, которая и создает метаправо как новое правовое явление, не познаваемое вторым изданием старой метафизики, слепо следующей заранее определенному предмету, не учитывающему уже сформировавшееся единство юридической науки, порождающей единство правового и юридического мышления (см. об этом: [6]), отождествлявшееся в рамках второго «издания» старой метафизики.

Результаты и обсуждение

Современные виртуальные миры являются последовательным продолжением рационального подхода к построению общественной жизни, демонстрируемой искусственным интеллектом, применяемым в процессах цифровизации. Сегодня существует и развивается новый инструмент создания искусственных миров, которые встраиваются в традиционный образ жизни, одновременно и приспосабливаясь к нему, и трансформируя его в новые состояния. Нет сомнений в том, что структура, состав, функции, результаты его действия должны самым тщательным образом регулироваться развивающимся законодательством, чтобы исключить возможности его применения во вред развивающемуся человечеству. Вместе с тем, не тормозить его развитие во благо человечества. Осознание такой задачи уже реально выражается в ряде международно-правовых (Кодекс этики для информационного общества ЮНЕСКО, Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия 15.12.22) и внутригосударственных актов. Знаменательно, что 18.03.26 г. в Государственную Думу представлен проект ФЗ «Об основах правового регулировании я сфер применения искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Закон об искусственном интеллекте)[1], нуждающийся, разумеется, в серьезной доработке, но и содержащий основы понимания того, как должно осуществляться регулирование сфер применения искусственного интеллекта.

Среди многочисленных проблем, возникающих при изучении этого интересного документа, и требующих дальнейших исследований, выделим одну, как нам кажется, ключевую проблему определения искусственного интеллекта. Понятие «искусственный интеллект», применяемое в научной литературе двусмысленно – подменяет ***интеллект живого конкретного человека*** виртуальной видимостью интеллекта его необоснованным ***переназванием***, из которого начинает вытекать вопрос о судьбе естественного живого интеллекта, благодаря чему виртуальный мир идет на замену традиционному миру человека. Любая субстанциональность живого, действительного человека бесспорна, а виртуальная

[1] Федеральный закон. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Проект. https://base.garant.ru/483411782/

реальность с виртуальным персонажем с виртуальным человеком реальна, но не субстанциональна.

В соответствии со статьей 3 Проекта ФЗ об искусственном интеллекте, последний определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий ***имитировать*** (выделено нами – Д. Ш.) когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, ***сопоставимые*** (выделено нами – Д. Ш.) с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»[1]. Смысл этой статьи достаточно четко раскрывает ту истину, что возникает новый ***персонаж***, имеющий много предшественников, действующих в виртуальном пространстве, по созданию нового виртуального мира, не являющийся живым действующим человеком, которому необоснованно присваивается принадлежащее только живому творящему человеку свойство.

По нашему мнению, определение искусственного интеллекта в проекте ФЗ, которое можно рассматривать как приемлемое, должно быть уточнено с точки зрения относимости его именно к виртуальному видимому миру как ***имитирующему*** действительный мир. Как первое решение вопроса – можно заключить в кавычки слово «интеллект», оставив без кавычек слово «искусственный». Необходимо, конечно, прийти и к более основательным решениям. В специальных фундаментальных работах на эту тему отмечается, что виртуальность как признак присущ всем уровням бытия и имеет действительную и сложную эволюцию. Представления о ней развивались от смутных и неотчетливых мифологических образов через всю историю философской мысли до современных коммуникаций [6].

Чтобы избежать двусмысленности в понимании того, что сейчас считается искусственным интеллектом, нужно ввести в оборот новый термин, выражающий неестественность искусственность, видимость, виртуальность искусственного интеллекта, посредством которого могут различаться человеческий интеллект и его видимость, подобно тому, как позитивное право выступает как видимость права, лишенная сущности права в отличие от метаправа, выражающего ее. То, что называют искусственным интеллектом, является творением человека, выражением его способности к самосовершенствованию путем создания все более точных инструментов, расширяющих границы познания им самого себя и преобразования окружающего его мира, становящихся новой стартовой площадкой для его постоянного развития. Нужно исходить, несколько перефразируя широко известное высказывание классика, из основной мысли: «Человек неисчерпаем в гораздо большей степени чем атом», поскольку он воплощает единство не только физической природы человека, но и социальной его природы, что значительно расширяет его возможности в преобразовании себя (что не учитывается в катастрофических сценариях будущего, действующим субъектом которых выступают искусственный интеллект, цифровизация, которые в научной литературе определяются как цифровой эскапизм, борьба искусственного и естественного, биотехническое конструирование пост человека и т.п.

В. А. Кутырев уже давно и последовательно исследует основную трагедию современности – борьбу миров: традиционного – человеческого и иного, виртуального, реального, но не субстанционального [7; 8; 9]. Подробно и глубоко он раскрывает их противостояние – борьбу, вполне допуская победу сил, пытающихся строить виртуальные миры взамен

[1] Федеральный закон. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Проект. https://base.garant.ru/483411782/

существующего традиционного мира с живым человеком, считая необходимым предотвратить такой исход борьбы, опираясь на консервативное философствование, которое он называет «феноменологическим реализмом». Глубоко и профессионально исследовав несовместимость противоположного человеческому иного (виртуального, нечеловеческого) мира, он четко зафиксировал катастрофическую опасность, угрожающую традиционному миру в случае победы виртуального мира в происходящей борьбе миров.

Здесь мы имеем дело с глубоко обоснованной постановкой проблемы, решение которой должно проходить по творческим правилам проблемного мышления – постоянным обоснованием и выдвижением научных гипотез по ее решению. Не следует забывать и того, что наряду с виртуальными мирами, о которых говорится в трудах В. А. Кутырева, существует и видимый мир, возможно, являющийся разновидностью виртуального. Это тоже искусственно создаваемый мир нормативно-юридических систем, разрабатываемый юриспруденцией как прикладной наукой о праве, являющийся инструментом создания и развития человеком любых миров. Поэтому оказывается очень важным вопрос о том, какой инструмент из арсенала возможных выбирается для построения того или иного мира. Это относится и к становлению метаправа. В этой связи несколько догматично выглядит только противопоставление рассматриваемых миров без рассмотрения вопроса об их диалектическом взаимодействии, снимающем их противоположность. В специальной научной литературе обращается внимание на то, что «виртуальность – свойство, скрытое в глубинах природы», дается утвердительный ответ на вопрос о присущности виртуальности всем формам бытия, опираясь на обширный естественнонаучный анализ этой проблемы, включая бытие человека, процессы становления социальной виртуальности в труде, языке, деятельности, слове, называемом идеальным двойником действительности, и т. д. [1] Вряд ли имеет смысл игнорировать результаты такого анализа.

Переходя к анализу понятия «метаправо», следует отметить наличие достаточно обширного числа научных исследований. Уже существуют обстоятельные обзоры этой литературы [10; 11]. Коренные изменения в структуре общества, его научном потенциале, новой информационной базе, резкое возрастание роли творческого начала как особой способности людей уже не укладываются в традиционные рамки юриспруденции, характерные для предыстории права, требуют разработки новых научных идей, способных резко усилить развитие и использование творческого потенциала современных людей, их формирования и деятельности как свободных, разумных, нравственных людей, способных поднять человечество на очередную ступеньку их поступательного развития.

Одной из таких идей, бесспорно, является идея метаправа, становящаяся одной из самых судьбоносных и слабо исследованных проблем правового развития общества на современном этапе, означающая начало процесса становления метаправа. Предметом исследования в современных условиях становится прежде всего новый этап в развитии права, завершающий изучение его предыстории и становление действительного права, связанное с новым способом его познания, который условно можно назвать творческим как в познании, так и в осуществлении права.

Как отмечает С. В. Останина, среди правоведов впервые к понятию метаправа обратился американский адвокат Э. Дж. Хейли в 1956 г. на VII Международном астронавтическом конгрессе в Риме, выступив с докладом «Космическое право и метаправо», посвященным рассмотрению взаимосвязи права и морали человечества будущего, которому понадобится новая этика – этика космической цивилизации – в космосе золотое правило «Как бы ты хотел, чтобы поступили с тобой» – не применимо, предлагается «новый принцип метаправа»: «Поступай с другими так, как они хотели бы, чтобы ты с ними поступал» [11, с. 130].

При этом, подчеркивалось, что метаправо стоит на более высокой ступени развития, чем земное, человеческое. Характерно, что Э. Хейли считал пагубным актом человека распространение земного права во вселенной, что, по его мнению, могло бы привести к уничтожению других форм разумной жизни [11]. Идея метаправа связывалась с необходимостью выработать универсальное космическое право эпохи исследования внеземного пространства. Этой проблеме уделялось внимание и в советской юридической науке. В частности, А. И. Йорыш подвергал критике концепцию западных авторов и создал основы советского варианта космического права [12].

Таким образом, в такого рода исследованиях проблема метаправа не рассматривалась как проблема внутреннего развития национального права, а выводилась на уровень взаимодействия цивилизаций во вселенной, что вполне становится понятным в увязке с бурным развитием космонавтики в тот период. Вместе с тем, метатеоретическая проблематика заняла в современной отечественной литературе значительное место в аспекте более основательного, уточняющего характера традиционного знания о праве, став преимущественно новым способом организации старого знания. В современной научной литературе приоритет отдается проблемам развития земного права и его познания. Актуальными становятся проблемы метаправа как в отдельных государствах, так и в международном праве в их единстве, происходит процесс формирования теории метаправа и теоретических способов, форм его познания.

В научной литературе дается описание большого многообразия мета-явлений, к которым относится и метаправо, изучение которых связывается с формированием различных метатеоретических и метаприкладных теорий. Однако не все из них имеют прямое отношение к метаправу и поэтому не могут быть теоретическими конструкциями для познания метаправа, хотя и имеют определенное значение для развития теоретического знания о праве. Изучение научной литературы, посвященной метаправовой тематике, позволяет отметить несколько основных подходов к исследованию. Первый предполагает выделение нового уровня теоретико-правового знания.

В частности, большое значение придается концепции метатеории права, предложенной профессором В. Н. Протасовым [13] и поддержанный рядом ученых [14]. Суть ее заключается в обосновании необходимости сделать предметом исследования уже не само право, а именно наличное теоретическое знание о нем – теорию государства и права, т.е. создать новый, более высокий этаж теоретического знания, не заменяющий существующее знание, но необходимо и существенно дополняющий ее. Речь идет, как нам представляется, об упорядочении теоретического знания о праве, разработке более основательной системы категорий теории права и государства. Разумеется, можно только приветствовать попытки осмысления значимости существующего знания с точки зрения повышения его теоретического уровня, тем более, что в 1976 г. профессором А. М. Васильевым была издана монография «Правовые категории», представлявшая собой классическое произведение такого рода, правда, основанное на ложной парадигме о классовой сущности права [15]. Можно сказать, что это был первый образец метатеории права за весь период существования отечественной юриспруденции.

Следует признать, что создание метатеории права в таком ключе имеет важное значение для развития теоретического знания, однако современный период развития юридической науки связан с возникновением новой познавательной ситуации, связанной с коренным изменением, во-первых, предмета познания, которым перестает быть уже существующее право; во-вторых, с необходимостью изменения основной парадигмы познания и познавательных средств, необходимых для ее применения.

Второй подход к исследованию метаправовой тематики обосновывает В. К. Самигуллин, рассматривая метаправо как своеобразное и перспективное исследовательское направление, выводящее на право принципов гуманистического права, которое, аккумулируя в себе «всю совокупность первосущностных императивов первосути права, действует в масштабе всей планеты, распространяя свое значение, что может осуществляться на основе культурологического метода и на международное, и на внутригосударственное право, содействуя становлению их единства, в том числе и путем распространения коллизионного метода регулирования, характерного для международного права, на внутригосударственное право [16; 17].

Другой способ трансформирования существующей юридической теории, основанный на фиксировании современных проблем ее развития: методологический плюрализм, ограниченность человеческого разума, утрата наукой своего методологического статуса; аномия автономности юридической науки и ее связи с властью, превращение ее в средство легитимации существующего; остающиеся нерешенными методологические проблемы отраслевых наук; междисциплинарное взаимодействие, предлагается в коллективной монографии, посвященной перспективам развития юриспруденции в XXI веке [18].

Решение перечисленных проблем видится в создании принципиально нового типа правопонимания, синтезирующего феноменологические, антропологические, герменевтические, синергетические подходы с использованием диалогического метода; формировании постклассической юридической методологии на основе критики классической теории права, признанием его многогранности, релятивности и социально-культурной обусловленности, в развитии новых направлений в юридической науке (интегрированное правопонимание, коммуникативная теория, юридический либертаризм), составляющих основу плюрализма, обеспечивающего необходимую новизну теоретического знания.

По мнению С. В. Останиной, наиболее близким термину «метаправо» является термин «метафизика», обозначающий учение о «началах» и «причинах» Аристотеля, поскольку в нашем случае речь идет о базовых смыслах и принципах, лежащих в основе права. Основах еще более глубоких и значимых, чем общепринятые и признанные принципы законности справедливости, гуманизма и равноправия [11].

А. А. Головина, проведя анализ самого широкого по содержанию понятия «правовая система», пришла к выводу, что метаправо – обобщающий термин для околоправовых (внеправовых) явлений, находящихся вне права компонентов правовой системы, включающий совокупность различных явлений правовой действительности, связанных с правом и не существующих вне такой связи, имея в виду правосознание и правовую культуру, которые вне связи с правом просто не могут существовать, в отличие, например, от творческого, религиозного, мифического сознания, которые существуют до права и без права [19]. При этом автор полагает, что подобная трактовка термина «мета» в применении к праву вполне соответствует эпистемологическим законам.

Ю. А. Чернавин, рассматривая метатеоретический уровень познания права, полагает, что он определяется через соотношения посредством разграничений предмета и метода и взаимодействия философии права и теории права [20, с. 72]. «В нашем случае, – отмечает он, – встречное движение философии права и теории права, неизбежное вследствие самой логики развития современной юридической науки, означает их «воссоединение на отношениях дополнительности» – описание моделей права (правового человека) в рамках и категориями как философской рефлексии данного феномена, так и его юридического постижения» [20, с. 77].

Как отмечает Ю. А. Чернавин, римляне создали понятие субъекта права (persona) – не биологического человека, а «правовое существо» абстрактного субъекта права. Этот факт можно рассматривать как одно из исторически первых, крайне важных для юриспруденции,

виртуальных субъектов в уже сложившемся в столь отдаленное время виртуальном мире, продолжающем существовать и сегодня.

В. Голоскоков рассматривает метаправо как часть сетевого права для частичной автоматизации некоторых процессов правотворчества и правореализации, позволяющую непрерывно менять некоторые элементы отдельных норм права [21].

В. В. Шаханов выделяет метатеоретический, теоретический и эмпирический уровни познания права [22].

Исследование метафеноменов в праве, их структуры, элементного состава, методологических аспектов, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней, – отмечает В. В. Шаханов, – осложняется неразработанностью в юриспруденции метаязыковых средств как средств отражения метафеноменальности права с учетом многоуровневости языка юриспруденции.

В связи с этим предлагается разграничение метаправовых феноменов теоретического уровня, являющихся таковыми не сами по себе, а по отношению к исследуемым явлениям (принципы права, правовые модели, правовые аксиомы, общеродовые (общевидовые) теории (теория естественного права, теория позитивного права, теория правового государства и др.), понятийные ряды правовых категорий, юридические конструкции, правовые категории и др.). При этом общая теория государства и права объявляется метафеноменом по отношению к отраслевым юридическим наукам, которые в свою очередь состоят из собственных теоретических, метатеоретических и эмпирических уровней.

К метафеноменам философского уровня В. В. Шаханов относит правовые парадигмы, стиль юридического мышления, правовую картину мира, конкурирующую с понятиями «правовая реальность», «правовая действительность», «правовая жизнь» [23]. Введение такой определенности в структуре и элементном составе метафеноменов в праве, по мнению В. В. Шаханова, поможет оптимизировать как соотношение названных уровней, так и соотношение философии, философии права и теории права, с чем трудно согласиться, поскольку остается необозначенным механизм преодоления действительно существующего, еще более отчетливо чем раньше, выделенного «терминологического хаоса». Есть другие способы его преодоления, сформировавшиеся в процессе исторического развития юридической науки: различение и единство правового и юридического мышления, правоведения и юриспруденции, правового и юридического методов познания, относящиеся к предмету новой науки о праве – правовой эвриколоии (см. об этом: [6]).

Метафеномены в праве отражают поиск того, что входит в мир среды права – явления, обеспечивающие возможность его возникновения, оформления, существования и действия, снимающие те ограничения, которые оказываются необходимыми при определении понятия права, означающем выделение его главных, собственных признаков. Они (метафеномены) выявляются посредством междисциплинарных исследований и применения принципа дополнительности в юридической науке, помогая раскрыть, понять очень важные стороны процесса его развития. Они «впитываются» в право, в известной мере определяя его особенности, необходимость которых связана с их взаимодействием, влияющим на формирование права.

Теория метафеноменов права, призванная, по мнению В. В. Шаханова, предотвратить «терминологическую хаотизацию» в той части их выделения, которая ограничивается сферой внеправовых или околоправовых явлений, не решает, по нашему мнению, такой задачи, поскольку напрямую не связана с действительным предметом познания, каковым является сам процесс становления именно метаправа, а не позитивного права, хотя информация о метафеноменах может быть полезной для формулирования концепции метаправа.

Как отмечал О. В. Мартышин, стремление отдельных известных ученых России адаптировать к философии права методы философии и социально-гуманитарного знания, а также усилия других российских ученых по внедрению идеалистической философии в правовое познание (от догматизма к плюрализму) являются существенными недостатками антропологического поворота в науке [24].

Составной частью формирования концепции метаправа является выделение и обоснование метаправовых категорий, которые пока происходят в основном в рамках философии права и теории права, частично касаясь отраслевых юридических наук. В интересном, едва ли не первом, научном обзоре, сделанном Э. А. Каракуляном [10], по этой проблеме обозначено состояние разработанности этой проблемы в научной юридической литературе на данный момент.

Представляют интерес рассуждения автора, характеризующие место метаправовых категорий в науке международного права как отдельной юридической науке, о переносе проблематики метаправа в международные организации разного уровня в ассоциации с процессами глобализации, что выражается в том, что метаправовые категории не нацелены на выражение специфики международного права.

Э. А. Каракулян отмечает отсутствие единых подходов к толкованию метаправовых категорий, характеризующих начальный этап их осмысления вследствие расширения требований междисциплинарности к правовым исследованиям, и дает обзор различных подходов к их осмыслению в контексте общей теории права и международного права, при этом кратко характеризует высказанные точки зрения по данному вопросу. Обращает внимание на «далеко не бесспорный характер содержания метаправовых категорий, в лучшем случае призванных обозначить явления, не являющиеся правом», а само метаправо рассматривает как доктрину, описывающую отношение человечества, ставшего субъектом права, к внеземным цивилизациям, или как метасистема правовых систем.

Важным аспектом исследования метаправа является разработка концепции правового пространства, обобщенное изложение которой дается профессором Ю. А. Тихомировым [25].

Исходя из определения правового пространства как признанной контролируемой сферы жизнедеятельности людей, организаций и государств, он выделяет его разновидности, векторы развития, средства формирования и обеспечения, новые юридические сферы жизнедеятельности и коммуникаций с новыми задачами и проблемами, связанными с определением места права среди других социальных норм (политических, нравственных, религиозных, самоорганизации, технических норм самообязывания).

В целом, развиваемая им концепция права дает основания для вывода о необходимости одного права, формирующегося в условиях глобального и интенсивного правого регулирования с учетом его многомерности, которое может быть названо «вселенским метаправом». Данная концепция вполне может служить теоретической основой для разработки технологий нормативного воздействия на развитие всего комплекса динамично развивающихся отношений между взаимодействующими субъектами всех видов правового пространства.

Приведенные точки зрения, обобщенно говоря, отражают преимущественно прикладную проблематику как задачу юриспруденции, связываемую с разработкой понятийного аппарата прикладной юриспруденции, что является очень важным для выявления сущности правового мира человека, являющегося главной задачей правоведения.

В определенно интересной статье Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора дается весьма критическая оценка современного состояния юридической науки на примере Правительственной программы «Цифровизация экономики Российской Федерации», в которой право рассматривается преимущественно как инструмент правового регулирования, а не объект воздействия цифровизации в процессе создания новой цифровой реальности. Авторы убедительно

обосновывают неизбежность изменения образа права, его содержания, системы, формы и функционирования в условиях цифровой реальности, хотя на первый взгляд право сохраняет свои традиционные признаки [26].

В связи с этим в статье аргументируются фундаментальные задачи юридической науки, связанные с осмыслением происходящих с правом трансформаций в условиях цифровой реальности:

1. Постановка и разработка проблемы виртуального и реального в праве и соответствующее решение этой задачи развития методологии юридической науки.

2. Выявление механизмов и закономерностей влияния «цифровизации» на право.

3. Изучение цикличности «правовых массивов» и механизма их формирования, а также влияния на общественные отношения, право, его систему и структуру, правоприменительную практику для современного видения системы и структуры права для подготовки концепций развития законодательства, решения проблемы правового регулирования в сфере формирования и использования информационных баз данных, цифровых технологий.

4. Подготовка прогнозных сценариев изменения места и роли в регулировании цифровой экономики права и государства, их будущих трансформаций, появления новых нормативных комплексов в системе социальных норм наряду с уже существующими (моралью, религией, правом).

5. Разработка стратегии, тактики и юридического инструментария управления упомянутыми трансформациями.

6. Создание концепции опережающего отражения в праве общественных отношений в сферах, сопряженных с использованием цифровых технологий.

7. Разработка моделей правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий и определяющих базовые принципы регулирования и вектор согласования современных разнонаправленных тенденций регулирования общественных отношений, варианты взаимодействия и сочетания различных уровней, видов, средств и методов регулирования, распределения или концентрации регулятивных функций и полномочий в этой области, а также способов обеспечения баланса частных и публичных интересов.

8. Создание «цифрового юртеха», благодаря которому юристы должны придать цифровой реальности (новой) юридическую форму.

Весьма интересную концепцию метаправа давно и успешно разрабатывает профессор С. Ф. Ударцев, полагающий, что «метаправо – закономерная и завершающая цикл развития фаза эволюции права, раскрывающая на планетном и космическом уровнях глубинную, истинную природу и масштабы права» [27] и опирающийся на идеи о космической природе человека и политико-правовых формах организации его единства. «Осмысление метаправа, – подчеркивает С. Ф. Ударцев, – видимо, внесет существенные смысловые и ценностные коррективы в правопонимание, сложившееся на предшествующем (допланетном, докосмическом) уровне развития права» [27].

При всей важности приведенных подходов к развитию права и его познанию все же нельзя не заметить их завязанное на традиционный для юридической науки предмет исследования – действующее позитивное право и проблемы его познания, в чем проявляется известная недооценка глубины преобразования, происходящего в современном обществе, которые нельзя осуществить опираясь на, даже усовершенствованную, но в конечном итоге, остающуюся прежней трактовку парадигм, оснований, понятийных систем и методологий. Поскольку метаправо сегодня выражает коренное изменение в праве и его познании, означающие переход в новое качественное состояние, становящееся возможным благодаря

небывалому информационному обеспечению общества и ученых, ставшему доступным практически каждому члену общества в нормально-развивающихся странах, который определяется, пока далеко неточно, прогностически как общество творчества как правовая форма интеллектуализма, понимаемого как образ жизни человечества в XXI веке, когда новые идеи и современные знания о природе, человеке и обществе еще только пробивают себе дорогу к массовому сознанию [28].

Разумеется, такой подход имеет право на существование как теоретическая позиция, хотя, возможно, недостаточно эмпирически обоснованная. В онтологическом смысле метаправо означает право, следующее за тем, которое существует до сих пор в массе разновидностей позитивизма и нормативности, господствовавших во всей длительной предыстории права и заполнившей ее своим содержанием, переход права в новое состояние Приведенные разновидности понимания метаправа как бы повторяют «Грех» Аристотеля, превратившего логику в онтологию (метафизику), приняв формы мышления за формы бытия [29, с. 70], поскольку логика и формы мышления о позитивном праве преподносятся как формы бытия права.

Приведенные взгляды остаются в рамках мышления, лишенного возможности изучить действительный предмет – метаправо как начало и процесс становления действительного права, ставшего возможным только в конце XX и XXI веке, когда созданы исходные информационные и технологические условия для его осуществления в виде искусственного «интеллекта», цифровизации, которые вызвали к жизни новые явления, называемые цифровым, сетевым правом, являющиеся свидетельством начала становления метаправа как нового способа самоорганизации людей, приходящего на смену внешнему нормативному регулированию между людьми, которое до сих пор необоснованно называется «правом», фактически являясь инструментом публичной власти для установления и поддержания угодного господствующей публичной власти порядка.

Становление концепции метаправа происходит на основе поиска и нахождения единства правоведения и юриспруденции, которые до сих пор отождествляются [30], и опирается на поиск и нахождение действительного источника права, каковым является ***единство*** физической природы человека, познаваемой естественными и техническими науками, получившими существенное развитие лишь в XIX и XX веках, и социальной природы человека, познаваемой гуманитарными, общественными науками. Познание метаправа опирается на синтез названных разновидностей наук и получаемого ими знания. Противопоставление или тождество названных природ человека характеризует систему источников ***предыстории*** права, а его действительная история в общем формате метаправа означает начало подлинной истории права как процесса становления названного единства.

Предметом познания метаправа становится ***творчество*** человеком самого себя и своего образа жизни. Это обуславливает соответствующие способы познания метаправа. Старая методология познания предыстории права, опирающаяся преимущественно на теорию отражения сознанием бытия, не учитывала творческий характер деятельности человека, представляя собой внешний порядок, общую схему познания права, а давала только примитивное, поверхностное знание, принимавшееся за истинное, в итоге порождавшее только виртуальное знание, на основе которого создавались виртуальные образы права и деятельности человека в виртуальном мире. Такая методология уже исчерпывает свой потенциал, тем не менее на его основе созданы определенные предпосылки для разработки концепции метаправа и его осуществления в действительности

Указанные выше два вида неправа, составляющие предысторию права, существуют до сих пор, пройдя длительный путь своего исторического развития и получая разные наименования: право силы отдельных личностей, государств и правителей и как право виртуальности,

воплотившееся в дипломатии, ставшей символом хитрости, лавирования и даже обмана, применяемых в случае отсутствия достаточной силы (ресурсов) для реализации права силы. Утверждение метаправа означает преодоление господства двух разновидностей неправа, основанных на противопоставлении двух природ человека и создании механизмов достижения их единства. Основным инструментом решения этой задачи становится создание нового типа нормативно-юридических систем, возникновение которых на основе метаправа становится возможным через искусственной «интеллект» и цифровизацию при всем их несовершенстве, отражающем лишь самое начало подлинной истории права.

Современный этап становления и познания права характеризуется более глубоким пониманием ***естественности*** права, ставшим ***возможным*** благодаря качественному наращиванию знания о двух взаимообусловленных природах человека: естественнонаучное знание о физической природе человека, раскрывающее органические процессы формирования человеческой энергии, обеспечивающие его мыслительную и практическую деятельность, и гуманитарно-культурологическое знание о социальной, нравственной природе человека в их единстве, становящемся возможным благодаря происходящему их синтезу, является по существу метаправовым знанием. Поэтому метаправо – это право эпохи творческого саморазвития человека и самосозидания им собственного образа жизни, когда возникают условия (информационное общество, искусственный интеллект, цифровизация и др.), способные обеспечить творческий характер жизнедеятельности человека. Это эпоха, когда права и свободы человека являются исходным пунктом регулирования, при котором запреты и обязанности устанавливаются для приоритетного обеспечения прав и свобод человека. Это – коренная особенность метаправа, уже получившая закрепление в Европейской декларации о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия от 15 декабря 2021 г.[1], характеризующая его становление, что разумеется, не исключает возможности продолжения предыстории права, если таковым станет выбор людей, способных ее продолжить. Метаправо – право свободного, разумного, нравственного человека, становящееся действительно воплощением естественного единства его физической и социальной природы, началом истории права и завершением его предыстории.

В современной научной литературе нет недостатка в критическом отношении к современному научно-теоретическому знанию о праве, которое оказалось действительно неспособным сформулировать новые эффективные идеи правового развития общества [31]. Подобно тому, как в конце XVIII – начале XIX вв., как отмечал М. М. Сперанский, для российской юриспруденции «в отличие от европейской юридической науки было характерно отсутствие разработанности философских и теоретический вопросов изучения права и законодательства, а сами правила исследования находились в зачаточном состоянии» [32].

В XIX – начале XX в. юридическая наука серьезно продвинулась в разработке методов научного исследования права, но «застряла» на них. В XXI веке мы наблюдаем известное повторение прежней ситуации. На пороге коренных изменений образа жизни, формирования новой правовой сферы, называемой пока не очень ясным термином «метаправо», к проблемам его исследования применимо приведенное выше замечание М. М. Сперанского. Разница лишь в том, что современная ситуация, характеризуемая несопоставимо с прошлым объемом и качеством информации, технологиями его получения обработки и использования, дает возможность формирования свободного творческого и разумного биоэтического человека, способного создать в качестве эффективного инструмента, регулирующего развитие

[1] Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия. Принята 15.12.2022. https://рцис.рф/storage/uploads/2022/12/28/63ac31132ee7dEuropean-Declaration-on-Digital-Rights-and-Principles-for-the-Digital-Decade.pdf

человеческих обществ, всей человеческой цивилизации, новую нормативно-юридическую систему, адекватную принципам формирования метаправа, в условиях которого осуществляется приоритетное регулирование на основе метаправовых наднормативных принципов, перед регулированием через детализированные юридические нормы, которое под контролем человека может быть передано искусственному интеллекту, с учетом разницы между действительным, субстанциональным биоэтическим человеком и видимым, виртуальным миром, в котором действуют различные персонажи, абстрактные субъекты права, не являющиеся конкретными живыми людьми, а подобны фигурам на шахматной доске, передвигаемым по рациональным маршрутам.

Заключение

Настоящее исследование свидетельствует о реальной сложности проблемы метаправа в аспекте перспектив развития правовых исследований в XXI веке.

Современная юридическая наука пока не обладает научно-исследовательским потенциалом для разработки науки о творчестве в познании и осуществлении права. Ее догматизм, ведущий к скептицизму при столкновении с развивающимся миром, неразвитый научный критицизм препятствуют полноценной реализации творческого потенциала конкретных живых людей, который по существующим данным реализуется едва ли до 5 % от имеющихся его возможностей.

В наступающую эпоху этот потенциал должен использоваться во все возрастающей степени, обеспечивая создание эффективных инструментов, используемых для развития человека, формирования новой развитой личности, способной поддерживать и опережать бурный рост технических и технологических средств развития.

Поэтому изучение процесса творчества человека, ориентированного на его ускоренное развитие, превращение творчества во все более массовое явление, означающее невиданный рост потенциала человеческих возможностей и их использования, становится судьбоносным для всего человечества. Однако наука о творчестве в познании и осуществлении права еще находится на начальном этапе ее становления [33].

Современное знание крайне несовершенно, так как создается массой разрозненных дисциплин, не связанных друг с другом необходимым образом. Дисциплинарность и дополнительность – крайне несовершенные способы собирания их в целостность. Исследование метаправа должно преодолеть эти недостатки. Предмет исследования не должен рассматриваться в его обособлении, которое к тому же является весьма условным, поскольку рассматривается вне связей с окружающим миром, которые его формируют. Господствующий (позитивистский) способ мышления и иные отдельные его разновидности не обеспечивают исследование так понимаемого предмета[1].

Для этого необходимо прежде всего формирование нового интеллекта, который будет способен использовать потенциал мозга современного человека в полную меру, когда он, по имеющейся информации, используется, как уже отмечалось, едва ли на 5 % своих возможностей. Этот новый интеллект не будет искусственным, а будет биоэтическим, биоэнергетическим, способным создать куда более мощный искусственный «интеллект», имитатор, чем тот, который, по мнению отдельных ученых, уже угрожает самому существовании человека. Именно этот естественный, развивающийся интеллект живого человека станет подлинным творцом метаправа, опосредующим правовое развитие на новом этапе развития

[1] Еще в 1890 г. в России была издана монография, в которой получила обоснование мысль о том, что позитивное право и наука о нем являются частью государствоведения, лишены самобытности, не обладают приписываемой им самостоятельностью. См.: [34, с. 105].

человеческого общества через осуществление его наднормативных принципов, частично обосновываемых в данной статье, которые, разумеется, не носят исчерпывающего характера, будут развиваться, изменяться и существенно дополняться по мере осознания и решения новых, пока даже неизвестных проблем его становления.

Необходима тщательная проработка, развитие и дополнение изложенных в настоящей статье принципов исследования метаправа как нового этапа в правовом развитии общества, которые потребуют создания дисциплинарно не разделенной, сквозной, целостной теории познания, охватывающей исследуемые предметы и проблемы во всей их сложности и многообразии. По-видимому, окажутся устаревшими категории познания, прикрывавшие все недостатки и возвеличивавшие определенные достоинства рационального мышления как формы отчужденного познания и моделирования искусственных миров человека, приведших к созданию жизненно необходимого человечеству инструмента развития, названного «искусственным интеллектом».

Необходимо строить живой мир свободного, разумного, нравственного человека, способного к саморазвитию на своей собственной основе. Метаправо станет новой действительностью права, обслуживаемой и создаваемой на основе нового языка, новых образов, форм и процессов познания и реализации права, которые обеспечат формирование постоянно развивающегося, творческого человека. Такая постановка вопроса, кажущаяся сегодня фантастической, на самом деле, будет являться лишь незначительной частью тех изменений в бытии и сознании человека, которые он вынужден будет осуществить, обеспечивая хотя бы только свое воспроизводство.

Гуго Гроций обосновал фундаментальную идею об источнике и сущности права как способности человека к нравственному поведению и соответствие поведения человека этой способности [35]. Величие этой идеи остается неосознанным до настоящего времени. Она возвращала право во внутренний мир человека, уже зримо сводившегося к внешнему регулированию, осуществляемому публичной властью, становясь основой его становления и саморазвития, представляло собой подлинную естественность права прямого действия, субъектность живого человека в правовом развитии общества.

Привлекательность этой идеи была связана с пониманием становления права как процесса утверждения господства нравственности в человеческом обществе, что было естественно для научного труда, в котором были обоснованы неоправданность права силы и нравственный характер права мира. Приоритет нравственной природы человека перед физической безусловно носил гуманистический характер, хотя и не мог опираться на современное естественнонаучное и гуманитарное знание, которое дает основание для вывода о единстве двух природ человека как необходимом условии формирования подлинного права.

Решение этой задачи оказывается возможным только при условии рассмотрения ее как научной проблемы, являющейся действительным предметом исследования, познание которой возможно посредством разработки, реализации и проверки состоятельности различных научных гипотез. В данной статье предлагается одна из таких гипотез, особенности которой могут быть представлены в следующих нескольких тезисах.

Соглашаясь с общей оценкой состояния разработанности данной проблемы как отсутствием единых подходов к анализу нового явления в правовой доктрине и правовой жизни общества, характеризующих начальный этап осмысления связанных с ним процессов, отдавая должное всем ученым, высказавшим интересные суждения по данной проблеме, можно, по нашему мнению, попытаться синтезировать все высказывания и на этой основе обосновать ряд общих принципов, которые могли бы послужить общей основой для разработки гипотетической концепции метаправа, критика которой помогла бы продвинуться дальше в научном анализе такой судьбоносной для человечества проблемы.

1. Принцип новой естественности метаправа как права прямого действия.
2. Применение методологии научного творчества, основанной на свободе мысли, учении о рассудке и разуме, интуиции, реализующейся при исследовании предмета исследования как научной проблемы путем разработки и апробации научных гипотез, выражающих свободу творчества под судом разума.
3. Принцип единства (основанного на различении) правового и юридического мышления, правоведения и юриспруденции; принцип единства физической и (социальной) нравственной природы человека как источник подлинного права.
4. Принцип взаимодействия двух миров человека: «производство» человеком естественных действительных миров права и виртуальных видимых искусственных миров позволяет человеку вести поиск целей и путей своего развития, адекватных природе его образа жизни.
5. Принцип субъектности конкретного живого человека в метаправе.
6. Принцип приоритетности прав и свобод человека в правовом регулировании.
7. Принцип наднормативности регулирования на основе общих принципов метаправа.
8. Принцип необоснованности второго издания старой метафизики.
9. Принцип развития искусственного «интеллекта», как эффективного инструмента решения человеком проблем формирования свободных, разумных, нравственных людей.

Список источников

1. Тронина Г. И. Сущность виртуальности. От конструкта к онтологическому статусу (Виртуальность мира и миры виртуальных реальностей). 2021. 941 с. https://www.litres.ru/book/g-i-tronina/suschnost-virtualnosti-ot-konstrukta-k-ontologicheskomu-status-64969687/chitat-onlayn/
2. Четверикова Н.А. Эволюционный потенциал человека // Гуманитарный вектор. 2022. Том 17. № 2. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-8-15 EDN: BVJQZB
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Издательство Юрайт, 2025. 256 с. ISBN 978-5-534-05321-0.
4. А. де Бенуа. По ту сторону права. В защиту свобод. Пер. на русский язык – С. Денисов. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2015. 144 с.
5. Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. № 3 (35). С. 54–70. EDN: HJDRBU
6. Шапсугов Д. Ю. Об истории юридической науки как процессе становления культуры творчества: размышления и краткие зарисовки о правовой эвриологии (науке о творчестве в познании и осуществлении права) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 11–26. EDN ZKLFNQ
7. Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994. 200 с. ISBN 5-88022-029-X
8. Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 240 с. ISBN 5-89826-087-0.
9. Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009. 264 с. ISBN 978-5-91419-163-1
10. Каракулян Э. А. Метаправовые категории в общей теории права и международно-правовых исследованиях (краткая историография) // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Том 22. № 1. С. 108–114. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.15 EDN: VRUBKK
11. Останина С. В. Смысловое многообразие метаправа // Позиции философии в современном обществе: материалы всероссийской научной конференции «Позиции философии в современном обществе», посвященной 45-легию философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург, 19-20 мая 2010 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. Том 2. С. 129-136.

12. Йорыш А. И. Проблема внеземных цивилизаций и метаправо // Советское государство и право. 1978. № 9. С. 64–70.

13. Протасов В. Н. Некоторые вопросы учений правовой метатеории // Государство и право. 2009. № 11. С. 85–89. EDN: LKSCUX

14. Апольский Е. А. Метатеория диссертационных государственно-правовых учений: актуализация проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 95–100. EDN: YHTJIR

15. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические проекты разработки системы категорий теории права : репринтное воспроизведение издания 1976 года : монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2020. 264 с. ISBN 978-5-00156-068-5 (Норма), 978-5-16-015113-7 (ИНФРА-М, print).

16. Самигуллин В. К. Метаправо как нетривиальное исследовательское направление // Проблемы востоковедения. 2013. № 4 (62). С. 74–78. EDN: RRWUJJ

17. Самигуллин В. К. Метаправо: исходные начала : монография. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2016. 64 с. ISBN 978-5-9765-2673-0.

18. Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки в XXI веке / Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник). СПБ.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 69–110.

19. Головина А. А. Право и метаправо как компоненты правовой системы / Актуальные вопросы юриспруденции. Сб. научных трудов по итогам научно-практической конференции. Вып. II. Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 14–16. EDN: TNRCCB

20. Чернавин Ю. А. Философия права и теория права: проблема взаимоотношения // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 72–79. EDN: NWLTMG

21. Голоскоков Л. В. Теория сетевого права. Курс лекций. М.: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2012. 216 с. ISBN: 978-5-9770-0555-5 EDN: QSUOAB

22. Шаханов В. В. Метафеномены в праве: предназначение, критерии выделения, риски использования // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 30–37. https://doi.org/10.12737/jrl.2019.12.3. EDN: TOQQMW

23. Шаханов В. В. Метафеномены в праве: структура, элементный состав, методологические аспекты, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней // Lex Russica. 2021. Том 74. № 1 (170). С. 57–66. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.170.1.057-066 EDN: JLKKCQ

24. Мартышин О. В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30. EDN: WDCLSX

25. Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.4.17. EDN: YNTPXB

26. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL

27. Ударцев С. Ф. Метаправо: о глобальной эволюции права // Вестник Московского государственного открытого университета. 2003. № 2 (10). С. 33–42.

28. Кархин Г.И. Канун интеллектуализма: (1968-2002 гг.) : [В 3-х сб.]. М.: Молодая гвардия, 2002. 326 с. ISBN 5-235-02614-4.

29. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории; предисл. Л. К. Науменко. – 5-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014. 318 с. ISBN 978-5-9710-0820-0.

30. Шапсугов Д. Ю. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 9–21. EDN: OFHKXD

31. Супатаев М. А. К вопросу о состоянии современного правоведения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 7–23. EDN: VDOZLZ

32. Сперанский М. М. "Право есть власть, основанная на правде" : неопубликованные юридические труды; составитель и редактор К. П. Краковский. М.: Статут, 2023. 290 с. ISBN 978-5-8354-1919-7.

33. Шапсугов Д. Ю. Проблемы становления культуры творчества в юриспруденции России. Часть I. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2024. 244 с. ISBN 978-5-6051019-0-1.

34. Мартесон-Гнидкин А. Что такое так называемое право и наука о нем: правоведение или юриспруденция. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. 120 с.

35. Гроций Г. О праве войны и мира : Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права; Пер. с латин. А. Л. Саккетти; [Вступ. статьи А. Л. Саккетти, А. Желудкова, с. 10-38]. [Репринт с изд. 1956 г.]. М.: Науч.-изд. центр "Ладомир", 1994. 868 с. ISBN 5-86218-149-0 : Б. ц.

References

1. Tronina G.I. *The essence of virtuality. From construct to ontological status (Virtuality of the world and worlds of virtual realities).* 2021. 941 p. Available from: https://www.litres.ru/book/g-i-tronina/suschnost-virtualnosti-ot-konstrukta-k-ontologicheskomu-status-64969687/chitat-onlayn/ (In Russ.)

2. Chetverikova N.A. Human evolutionary potential. *Humanitarian vector.* 2022;17(2). DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-8-15 EDN: BVJQZB

3. Berdyaev N.A. The meaning of creativity and the experience of human justification. Moscow: Yurayt Publishing House; 2025. 256 p. ISBN 978-5-534-05321-0. (In Russ.)

4. A. de Benoît. *On the Other Side of the Law. In Defense of Liberties.* Translated into Russian by S. Denisov. Moscow: Institute for General Humanitarian Research; 2015. 144 p. (In Russ.)

5. Buryanov M.S. Global Digital Rights in the Context of Digitalization Risks. *Age of Globalization*. 2020;3(35):54–70. (In Russ.). EDN: HJDRBU

6. 6. Shapsugov D.Yu. On the history of legal science as a process of formation of a culture of creativity: reflections and brief sketches on legal eurycology (the science of creativity in the knowledge and exercise of law). *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(1):11–26. (In Russ.). EDN ZKLFNQ

7. Kutyrev V.A. *Natural and artificial: the struggle of worlds.* Nizhny Novgorod; 1994. 200 p. ISBN 5-88022-029-X. (In Russ.)

8. Kutyrev V.A. *Culture and technology: the struggle of worlds.* Moscow: Progress-Tradition; 2001. 240 p. ISBN 5-89826-087-0. (In Russ.)

9. Kutyrev V.A. *Human and other: the struggle of worlds.* St. Petersburg: Aleteya; 2009. 264 p. ISBN 978-5-91419-163-1. (In Russ.)

10.Karakulyan E.A. Meta-legal categories in the general theory of law and international legal studies (brief historiography). *legal Concept.* 2023;22(1):108-114. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.15. EDN: VRUBKK (In Russ.)

11.Ostanina S.V. Semantic diversity of a meta-directive. In: *Positions of philosophy in modern society : proceedings of the All-Russian scientific conference "Positions of Philosophy in Modern Society"*, dedicated to the 45th anniversary of the Faculty of Philosophy of the Ural State University named after A.M. Gorky (Ekaterinburg, May 19-20, 2010). Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2010. Vol. 2. P. 129-136. (In Russ.)

12. Yorysh A.I. Winner of the award named after The problem of extraterrestrial civilizations and metaprograms. *The Soviet State and law.* 1978;(9):64–70. (In Russ.)

13. Protasov V.N. Some questions of the teachings of legal metatheory. *State and law.* 2009;(11):85-89. EDN: LKSCUX (In Russ.)

14. Apolskii E.A. Metatheory of dissertation state-legal doctrines: actualization of the problem. *The territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2017;9(1):95-100. EDN: YHTJIR (In Russ.)

15. Vasiliev A.M. *Legal categories Methodological projects for the development of a system of categories in the theory of law : reprint reproduction of the 1976 edition*: monograph. Moscow: NORMA, INFRA-M; 2020. 264 p. ISBN 978-5-00156-068-5 (Norma), 978-5-16-015113-7 (INFRA-M, print). (In Russ.)

16. Samigullin V.K. Metapravo as a Non-Trivial Research Area. *The Problems of Oriental Studies.* 2013;4(62):74–78. EDN: RRWUJJ (In Russ.)

17. Samigullin V.K. *Metapravo: Initial Principles:* Monograph. 2nd ed. Moscow: FLINTA; 2016. 64 p. ISBN 978-5-9765-2673-0. (In Russ.)

18. Chestnov I. L. Problems and Prospects of Legal Science in the 21st Century. In: *Jurisprudence of the 21st Century: Horizons of Development: Essays.* Edited by R.A. Romashov and N.S. Nizhnik. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006. P. 69–110. (In Russ.)

19. Golovina, A. A. Law and Metaplaw as Components of the Legal System. In: *Actual Issues of Jurisprudence. Collection of Scientific Papers Based on the Results of the Scientific and Practical Conference.* Issue II. Ekaterinburg: Innovative Center for the Development of Education and Science; 2015. P. 14–16. EDN: TNRCCB (In Russ.)

20. Chernavin Yu. A. Philosophy of Law and Theory of Law: The Problem of Relationship. *Philosophy of Law.* 2019;1(88):72–79. EDN: NWLTMG (In Russ.)

21. Goloskokov L.V. *Theory of Network Law. Lecture course.* Moscow: Moscow State University of Psychology and Education; Voronezh: MODEK, 2012. 216 p. ISBN: 978-5-9770-0555-5. EDN: QSUOAB (In Russ.)

22. Shakhanov V. V. Metaphenomena in Law: Purpose, Criteria for Selection, and Risks of Use. *Journal of Russian Law.* 2019;(12):30–37. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.3. EDN: TOQQMW (In Russ.)

23. Shakhanov V. V. Metaphenomena in law: structure, elemental composition, methodological aspects, optimization of interaction between theoretical and metatheoretical levels. *Lex Russica.* 2021;74(1(170)):57–66. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.170.1.057-066 EDN: JLKKCQ

24. Martyshyn O.V. On the Peculiarities of Philosophical and Legal Methodology. *State and Law.* 2016;(6):20–30. EDN: WDCLSX (In Russ.)

25. Tikhomirov Yu. A. Legal Space: Equilibrium and Deviations. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* 2017;(4):4–17. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.4.17. EDN: YNTPXB (In Russ.)

26. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Digital Reality. *Journal of Russian Law.* 2018;1(253):85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL (In Russ.)

27. Udartsev S. F. Metapravo: On the Global Evolution of Law. *Bulletin of the Moscow State Open University.* 2003;2(10):33–42. (In Russ.)

28. Karkhin G.I. *The Eve of intellectualism: (1968-2002): [In 3 collections].* Moscow: Molodaya Gvardiya; 2002. 326 p. ISBN 5-235-02614-4. (In Russ.)

29. Ilyenkov E. V. *Dialectical logic: essays on history and theory*; preface. K. Naumenko. 5th ed. Moscow: LENAND; 2014. 318 p. ISBN 978-5-9710-0820-0. (In Russ.)

30. Shapsugov D.Yu. Culture of creativity in law and social practice as a new stage in the knowledge and transformation of developing law: the problems of reconstruction of the process of knowledge of law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2024;(2):9–21. (In Russ.). EDN OFHKXD

31. Supataev M. A. On the issue of the state of modern jurisprudence. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2015;(4):7–23. (In Russ.). EDN: VDOZLZ

32. Speransky M.M. *"Law is a power based on truth": unpublished legal works*; compiled and edited by K.P. Krakovsky. Moscow: Statut; 2023. 290 p. ISBN 978-5-8354-1919-7. (In Russ.)

33. Shapsugov D.Yu. *Problems of the Formation of a Creative Culture in Russian Jurisprudence.* Part I. Rostov-on-Don; 2024. 244 p. ISBN 978-5-6051019-0-1. (In Russ.)

34. Marteson-Gnydkin A. *What is the so-called law and science about it: law or jurisprudence.* Moscow: A.I. Mamontov et K°; 1890. 120 p. (In Russ.)

35. Grotius G. *On the Law of War and Peace : Three books explaining Natural law and the Law of Peoples, as well as the principles of public law;* Translated from Latin by A. L. Sacchetti; [Intro. Articles by A. L. Saccetti and A. Zheludkov, pp. 10-38]. [Reprinted from the 1956 edition]. Moscow: Ladomir Scientific and Publishing Center; 1994. 868 p. ISBN 5-86218-149-0. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 02.06.2026.
The article was submitted 24.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 02.06.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 31–41
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):31–41

Научная статья
УДК 340.1+347.965
EDN SWUUDN

Цифровая инверсия профессиональных юристов: функции солиситоров и барристеров в условиях алгоритмизации права

Джамбулат Хамидович Сайдумов[1], Руслан Ахматович Джашеев[2]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
bulatto@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-3361-1114
[2]Карачаево-Черкесский филиал Московского университета «Синергия», Черкесск, Россия,
bottrus@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-5660-9907

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются аспекты трансформации правового поведения в условиях цифровой среды и ее влияние на профессиональную деятельность адвокатов и корпоративных юристов. Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений, внедрением технологий Legal tech и Lawtech, необходимостью адаптации юридических профессий к новым требованиям.

Цель. Проанализировать изменения в функциях и компетенциях юристов, выявить ключевые вызовы цифровой эпохи и оценить перспективы эволюции профессии на примере зарубежного опыта (солиситоров и барристеров). Установить адаптацию традиционных требований профессиональной этики и стандартов, а также исторически сложившихся институтов правосудия к цифровизации.

Теоретические основы. В работе применяются сравнительно-правовой и исторический методы. Использованы системный анализ правовых норм, правоприменительная и судебная практика. С их помощью рассматриваются терминологические особенности понятий «юридические технологии» (Legal Tech), «правовые технологии» (Lawtech), «общее право», «англосаксонское право». Объясняется методологическое значение дифференциации указанных дефиниций. Проводится хронологическая оценка влияния на юридические профессии правовых реформ и совершенствования технологий в указанной сфере, в том числе внедрение генеративного искусственного интеллекта.

Результаты. Научные изыскания направлены на выявление ключевых направлений формирования правового поведения в цифровой среде, связанного с автоматизацией рутинных процессов, переходом к проактивному правовому консультированию, усилением роли данных и алгоритмов в принятии решений. Оцениваются прогнозы развития новых компетенций юристов: цифровой грамотности, знания принципов работы искусственного интеллекта, навыков управления киберрисками. Изучаются вызовы цифровой эпохи, в том числе связанные с защитой персональных данных, этическими проблемами использования нейросетей, конкуренцией автоматизированных систем. На примере институтов солиситоров и барристеров демонстрируется инверсия профессионального взаимодействия, ассоциированного с перераспределением функций между юристами разного профиля в условиях информатизации.

Выводы. Проведенное исследование ориентировано на прогноз эволюции юридической профессии в контексте технологического развития, разработку стратегии совершенствования правовых механизмов регулирования процессов современного инновационного давления. Особое внимание уделяется проблемам сохранения этических норм и соблюдению профессиональных стандартов в ходе электронной обработки данных. В заключительной части исследования обосновывается антропоцентрический дух правосудия.

© Сайдумов Д. Х., Джашеев Р. А., 2026

Ключевые слова: правовое поведение, юриспруденция, цифровая трансформация, солиситоры, барристеры, автоматизация, общее право, англосаксонское право, юридические технологии, правовые технологии, генеративный искусственный интеллект

Для цитирования: Сайдумов Д. Х., Джашеев Р. А. Цифровая инверсия профессиональных юристов: функции солиситоров и барристеров в условиях алгоритмизации права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 31–41. EDN SWUUDN

Original article

Digital inversion of legal professionals: the functions of solicitors and barristers in the context of algorithmization of law

Dzhambulat Kh. Saidumov[1], Ruslan A. Dzhasheev[2]

[1]Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
bulatto@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-3361-1114
[2]Karachay-Cherkessia branch of Moscow University "Synergy", Cherkessk, Russia,
bottrus@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-5660-9907

Abstract

Introduction. The article examines the transformation of legal behavior within the digital environment and its impact on the professional activities of advocates and corporate lawyers. The relevance of the study is driven by the rapid digitalization of social relations, the implementation of Legal tech and Lawtech, and the necessity for legal professions to adapt to new requirements.

Purpose. The study aims to analyze changes in the roles and competencies of lawyers, identify key challenges of the digital age, and assess the prospects for the evolution of the profession using international experience (solicitors and barristers) as an example. Establish the adaptation of traditional requirements of professional ethics and standards, as well as historically established judicial institutions, to digitalization.

Theoretical foundations. The research employs the comparative legal and historical methods, as well as a systematic analysis of legal norms, law enforcement, and judicial practice. These methods are used to examine the terminological features of the concepts of "legal technology" (Legal Tech), "law technology" (Lawtech), "common law," and "Anglo-Saxon law." The methodological significance of differentiating these definitions is explained. A chronological assessment is conducted of the impact of legal reforms and technological advances in this area, including the introduction of generative artificial intelligence, on the legal profession.

Results. The scientific inquiry is directed at identifying key trends in the formation of legal behavior in the digital environment, specifically regarding the automation of routine processes, the transition to proactive legal consulting, and the increasing role of data and algorithms in decision-making. The author evaluates forecasts for the development of new legal competencies, including digital literacy, understanding AI and cyber-risk management skills. Challenges of the digital age are examined, such as personal data protection, ethical issues in the use of neural networks, and competition with automated systems. Using the institutions of solicitors and barristers as examples, the article demonstrates an inversion of professional interaction associated with the redistribution of functions between different types of lawyers under the influence of informatization.

Conclusions. The conducted research is aimed at forecasting the evolution of the legal profession in the context of technological development, and developing a strategy for improving legal mechanisms for regulating the processes of modern innovative pressure. Particular attention is given to the challenges of maintaining ethical norms and adhering to professional standards during electronic data processing. The conclusion substantiates the anthropocentric spirit of justice.

Keywords: legal behavior, jurisprudence, digital transformation, solicitors, barristers, automation, common law, Anglo-Saxon law, legal technology, law technologies, generative artificial intelligence

For citation: Saidumov D.Kh., Dzhasheev R.A. Digital inversion of the lawyers: the roles of solicitors and barristers in the context of algorithmization of law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):31–41. (In Russ.). EDN SWUUDN

Введение

Современное правовое пространство стремится к восприятию механизмов регулирования стремительно развивающихся цифровых технологий и процессов внедрения алгоритмов в повседневную жизнь, включая юридическую практику. Автоматизированные системы имеют потенциал преобразования традиционных правовых подходов на основе искусственного интеллекта и больших данных, что ставит перед доктринальными толкователями и правоприменителями вопросы о необходимости и последствиях такой алгоритмизации. Столкновение эпох наиболее наглядно прослеживается при сопоставлении высокотехнологических реформ с устойчивой правовой парадигмой солиситоров и барристеров, берущих свое начало в средневековой Англии и на данном этапе подвергающихся цифровой инверсии. Юридическая система Великобритании (Common Law) проходит период технологической адаптации, где комплекс классических юридических приемов дополняется цифровыми инструментами.

Для объективной оценки последствий этих событий необходимо обратиться к фундаментальным истокам английской правовой традиции. В трудах М. Н. Марченко разъясняется методологическая значимость дифференциации дефиниций «общее право» и «англосаксонское право» [1]. Автор исходит из тезиса, согласно которому английское право выступает генезисом и доктринальной основой всей англосаксонской правовой семьи, определяя юридическую архитектуру большинства англоязычных юрисдикций (при признании специфики смешанных правовых систем Шотландии и ЮАР). Релевантность освоения общего права ставиться в прямую зависимость от изучения его английского первоисточника, поскольку до XVIII в. эволюция данной системы была детерминирована исключительно английскими правовыми институтами и традициями.

С учетом выбранной темы в настоящем исследовании отсутствует необходимость охвата всех национальных систем англосаксонской правовой семьи. Представляется достаточным ограничиться анализом особенностей права Англии и Уэльса, исконно сложившегося из решений королевских судов. Выбор этой модели связан с тем, что дуализм юридической профессии (солиситоры и барристеры) наиболее ярко иллюстрируют уязвимость юридических функций перед алгоритмизацией.

Деятельность солиситоров, ориентированная на анализ больших объемов документов и подготовку типовых соглашений, автоматизируется с помощью инструментов юридических (Legal tech) и правовых (Lawtech) технологий. Используемое в профессиональной среде юристов Англии и Уэльса технологическое устройство, именуемое «правовые технологии», находит применение и помогает улучшить или автоматизировать работу[1].

Несмотря на терминологическую близость, понятия «юридические технологии» и «правовые технологии» не тождественны.

Юридические технологии представляют собой специализированный инструментарий, разработанный для оптимизации профессиональной деятельности адвокатов и юристов.

Правовые технологии – это более широкое понятие, охватывающее не только профильное программное обеспечение, но и общие технологические возможности (системы облачного хранения данных, протоколы обмена информацией). К ним также относятся технологии, обеспечивающие доступ к правосудию, системы электронного документооборота и инструменты цифрового взаимодействия с доверителями (автоматизированные системы консультирования, чат-боты и др.).

Ввиду того, что понятие «юридические технологии» подпадает под инклюзивное определение «правовые технологии», профессиональная ассоциация солиситоров Англии

[1] Юридическое общество Англии и Уэльса. Введение в юридические технологии / Introduction to lawtech. The Law Society. 2025. URL: https://www.lawsociety.org.uk/topics/ai-and-lawtech/introduction-to-lawtech (дата обращения: 2 февраля 2026 г.).

и Уэльса предпочитает употреблять термин «правовые технологии», поскольку он охватывает все виды используемых в юридической сфере технологий[1].

Нужно учитывать, что современные сервисы Lawtech представляют собой обширный спектр задач и процессов в сфере правовой помощи, включая: инструменты, работающие на основе ИИ; системы управления соглашениями, автоматизирующие их обработку, согласование и заключение; генеративные функции ИИ, помогающие составлять юридические документы и заключения, вести переписку; автоматизированные системы регистрации обращающихся за помощью лиц, обеспечивающие цифровую идентификацию и верификацию (ID&V), проверку на соответствие требованиям по борьбе с отмыванием незаконно полученных доходов и финансированием терроризма (AML); видеоконсультации по юридическим вопросам, позволяющие дистанционно давать советы по правовым вопросам.

Предлагаются технологии, направленные на улучшение деловых процессов, в том числе: платформы для управления юридической практикой, помогающие вести дела, выставлять счета и общаться с доверителями; инструменты комплаенса для защиты данных и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем; сервисы цифровой подписи, позволяющие удаленно и безопасно подписывать юридические документы; «гибридные технологии» для предоставления услуг посредством защищенных видеоконференций и обмена информацией; системы электронного выставления счетов, обеспечивающие точность и прозрачность финансовых операций.

Согласно наблюдениям Юридического общества Англии и Уэльса, продукты в сфере правовых технологий стремительно развиваются, особенно после внедрения генеративного искусственного интеллекта[2]. Однако отмечаются и риски, сопряженные с использованием этой технологии. В частности, к ним относятся: проблемы, связанные с утечками данных, доступом третьих лиц и трансграничной передачей информации; технические сбои в работе ИИ, способные спровоцировать подготовку неточных и ошибочных ответов; недостаточная интеграция с существующими системами, которая может нарушить рабочие процессы и снизить их эффективность; отдельным категориям лиц бывает сложно получить доступ к системам в силу возраста, состояния здоровья и иных причин.

В свою очередь, работа барристеров традиционно сосредоточена на устных выступлениях и правовой аргументации в суде. Сегодня они сталкиваются с возможностями нейросетевого алгоритмического прогнозирования судебных решений, что модифицирует процесс подготовки к участию в заседаниях.

Таким образом, прослеживается конвергенция, при которой ИИ участвует в рутинной экспертизе солиситоров и влияет на высококвалифицированную практику барристеров.

До информационной трансформации разделение между профессиональными юристами было очерчено многовековой традицией, но с ее появлением размывание этих границ усилилось. Стали проявляться гибридные формы юридической практики. Реформы Лорда Вульфа, кардинально изменившие гражданское судопроизводство в Англии и Уэльсе, оставили свой отпечаток на концепции юридического представительства. Эти поправки способствовали ослаблению преимуществ статуса барристеров в процессе, законодательно расширив права солиситоров принимать участие в судебных заседаниях, что А.А. Селькова расценивает в качестве укрепления роли английского судьи [2]. Синергетический эффект указанных факторов обладает потенциалом к переосмыслению консервативной правовой парадигмы в обозримом будущем.

[1] Юридическое общество Англии и Уэльса. Введение в юридические технологии / Introduction to lawtech. The Law Society. 2025. URL: https://www.lawsociety.org.uk/topics/ai-and-lawtech/introduction-to-lawtech (дата обращения: 2 февраля 2026 г.).
[2] Там же.

Наблюдается постепенная адаптация традиций к требованиям диджитализации, характеризующейся гибкими и взаимопроникающими принципами. Хотя технологии в юридической практике используются с 1950-х гг., в последние годы их применение заметно расширилось благодаря внедрению передовых решений, таких как генеративный искусственный интеллект.

Теоретические основы

Актуальность исследования отмеченных аспектов обусловлена разработкой и обсуждением правовых технологий, предусматривающих возможности автоматического составления договоров, предсказательной аналитики судебных решений, чат-ботов для первичной правовой помощи и др. Изменение спроса на юридическую помощь в настоящее время требует высокой скорости принятия мер, прозрачности, что отражается на их стоимости с детерминацией условий к сохранению качества. К тому же алгоритмизация юридической аргументации провоцирует необходимость пересмотра укоренившихся профессиональных стандартов и этических норм.

В контексте актуальных проблем приоритетами научных исследований в обозначенной области должны стать: анализ инверсии роли юристов под воздействием информационно-коммуникационных технологий; выявление рисков и потенциала применения ИИ в профессии; прогнозирование сценариев адаптации юридических профессий к современным реалиям.

Для достижения целей поставлены следующие задачи: определить основополагающие технологии, влияющие на правоприменительную практику; проследить эволюцию традиционных функций юридических специальностей в цифровую эпоху; изучить вероятные последствия алгоритмизации юридической сферы, в том числе их отражение на качестве, доступности правосудия и профессиональной этики.

В результате теоретического дискурса необходимо выработать модели адаптации правовых механизмов к условиям нейросетевой инверсии юридической сферы. Актуальность этой задачи подтверждается трансформацией подходов к оценке судебных перспектив и динамикой работы судебных институтов.

Например, в интервью журналу «Законодательство» (2014 г.) лондонский барристер Е. Шостранд, специализирующаяся на гражданском праве более 15 лет, отметила, что английские адвокаты редко оценивают успех выигрыша по наиболее перспективным делам выше 70–75 % [3]. Тем временем согласно официальной статистике гражданского правосудия Министерства юстиции Великобритании в 2025 г. наблюдается тенденция к увеличению числа поданных исков и количества вынесенных судебных решений[1]. Внедрение цифровых технологий, с одной стороны, стимулирует рост нагрузки на судебную систему за счет упрощения доступа и повышения прозрачности, с другой – укрепляет реалистичность прогнозов юристов, предоставляя инструменты для объективного анализа правовых рисков.

Сочетание этих явлений свидетельствует о роли системной информатизации юридической сферы. Основные направления и перспективы развития такого правового регулирования подробно освещаются в работе Д. А. Ловцова, который находит необходимым проведение исследований в области правовой информатики и информационного права в условиях формирования информационного общества и «цифровой» экономики [4, с. 26].

[1] Статистика гражданского правосудия за январь-март, апрель-июнь 2025 г. Министерства юстиции Великобритании / Civil Justice Statistics Quarterly: January to March, April to June 2025. Ministry of Justice UK // URL: https://www.gov.uk/government/statistics/civil-justice-statistics-quarterly-january-to-march-2025/civil-justice-statistics-quarterly-january-to-march-2025; https://www.gov.uk/government/statistics/civil-justice-statistics-quarterly-april-to-june-2025/civil-justice-statistics-quarterly-april-to-june-2025 (дата обращения: 25 января 2026 г.)

В рамках дискуссий о нормативно-этическом регулировании рассматриваемого вопроса примечательна позиция Комитета по искусственному интеллекту палаты лордов Великобритании, определившего допустимые границы автономности ИИ. Комитетом установлен запрет на действия ИИ, допускающие причинение вреда, уничтожение или обман людей [5].

Этот принцип основывается на взаимосвязанных подходах. Во-первых, разработка технологий должна быть направлена на расширение и поддержание независимости человека как субъекта правоотношений. Во-вторых, автономность ИИ подлежит ограничениям с возможностью оперативного отключения или перераспределения функций системы в случае угрозы ущемления чьих-либо прав или свобод. Формирующийся в процессе развития правовых технологий взгляд усматривает четкую иерархию ценностей с безусловным признанием суверенитета человека. ИИ воспринимается в качестве инструмента оптимизации рутинных процессов и обработки больших данных.

Научная оценка и конкретизация теоретических положений целесообразна на базе изучения зрелой правовой системы, где влияние цифровизации прослеживается на фоне устоявшихся юридических догматов. С учетом исконной глубины англосаксонской правовой традиции объектом исследования избрана система профессиональной юридической деятельности Англии и Уэльса, испытывающая воздействие алгоритмизации. Высокий запрос на правосудие в сочетании с консерватизмом профессиональных оценок делает британскую модель идеальной площадкой для изучения влияния этого феномена на классические институты, при сформировавшемся общем подходе судейского усмотрения. В связи с чем предметно данный процесс раскрывается на базе модификации функций солиситоров и барристеров, испытывающих влияние цифровых технологий.

В систематизации эффектов информационной инверсии правовой системы применительно к двум ключевым юридическим специальностям заключается научная новизна настоящей работы, воплощающаяся в формулировании критериев рассмотрения устойчивости профессиональных функций на фоне технологического развития. Выводы и заключения подобного рода исследований могут быть полезны профессиональным ассоциациям юристов при корректировке стандартов деятельности, организациям в планировании цифровой трансформации, регуляторам для разработки норм, определяющих порядок применения ИИ в ходе принятия правовых решений.

Независимо от наличия различий между системами писаного и прецедентного права осмысление зарубежного опыта в ракурсе рассматриваемой темы своевременно для сохранения правового суверенитета России на международной арене в процессе адаптации к условиям цифровизации. Концепция человеческой субъектности ориентирована на формирование «этического кодекса ИИ». Будущее любого правового государства связано тенденцией к смещению в сторону инновационного прогресса технологий с сохранением принципов безопасности, прозрачности и подотчетности.

Помимо традиционных угроз, алгоритмизация правовых процедур несет в себе универсальные для обеих систем риски нивелирования индивидуально-личностной природы юридической деятельности. Технологии генеративного искусственного интеллекта оказывают конвергентное (унифицирующее) воздействие как на институты английской системы общего права, так и на систему романо-германского типа, несмотря на специфику национальных правовых механизмов.

Результаты и обсуждение

Тема цифровой инверсии профессии юристов находится на пересечении основ теории права, технологий и общественной жизни, что делает ее востребованной в понимании перспектив правовой системы на стадии становления алгоритмического управления.

В переходный период ключевое значение приобретает модернизация системы подготовки юристов в соответствии с новыми технологическими реалиями.

Н. С. Посулихина подчеркивает уникальный подход к подготовке высококвалифицированных юристов в Великобритании, обеспечивающий выпуск кадров, соответствующих самым высоким международным стандартам [6].

Для получения статуса солиситора лицу, имеющему степень бакалавра, необходимо пройти специальное обучение и сдать квалификационные экзамены (Legal Practice Course), состоящие из двух этапов. Помимо общеправовых дисциплин, на втором этапе изучаются профильные отрасли, что позволяет будущим солиситорам выбрать подходящую специализацию.

Согласно канонам английской правовой системы, солиситоры выполняют роль консультантов. Они первыми взаимодействуют с доверителями, устанавливают суть запроса и могут представлять их интересы в судах первой инстанции. Однако для получения статуса барристера (адвоката высшего ранга) требуется прохождение специализированного курса подготовки с соблюдением стандартов аккредитации Bar Standards Board (BSB). После обучения предусмотрена двухгодичная стажировка.

М. Н. Марченко, опираясь на доктринальные исследования, констатирует, что для Англии характерно прецедентное право [1]. Решения Высокого, Апелляционного и Верховного судов Англии и Уэльса принимаются во внимание при подготовке и принятии законодательных актов; сами нормативные акты оцениваются судами с точки зрения их соответствия принципам общего права. Авторитет судебной системы наглядно иллюстрирует институт Королевской прерогативы, который основывается не на парламентских актах, а на судебных прецедентах [1].

Прецедентное право основано на принципе «stare decisis» («стоять на решенном»), согласно которому суды следуют ранее принятым решениям по аналогичным делам. Полная оцифровка банка судебных решений позволит алгоритмам ускорить поиск релевантных прецедентов, анализируя тексты актов для установления ключевых фактов и правовых позиций.

Нейросетевые помощники способны выявлять тенденции в судебной практике, что полезно при подготовке солиситоров и барристеров к делам. Подобные технологии позволяют системам машинного обучения выстраивать модели правоприменения на основе изученных документов.

Вместе с тем пересмотр, отмена или уточнение норм высшими инстанциями ставит перед разработчиками программного обеспечения задачи по распознаванию времени принятия, смысла и иерархии судебных актов, а также онлайн-обновления базы данных прецедентов и алгоритмов их обработки. С осторожностью стоит относиться к использованию ИИ для принятия итоговых решений – это может спровоцировать унификацию и снижение гибкости правосудия, в то время как индивидуальный поход имеет для прецедентного права основополагающее значение.

Трудности толкования судебных актов и развитие автоматизации рутинных процессов меняют подход к правовому мышлению. Интеграция ИИ в правовую среду инициирует глубокую трансформацию юридических профессий, выдвигая на первый план навыки валидации и критической интерпретации алгоритмических выводов. Этот процесс носит системный характер и требует переосмысления классических принципов деятельности в цифровых реалиях. Современные компьютерные технологии не замещают основы гласности и непосредственности судопроизводства, а поддерживают развитие электронного правосудия.

Тем не менее полная цифровизация правосудия невозможна в аспектах, требующих этической оценки и волевого участия человека. Сохранению антропоцентрического характера системы способствуют как стандарты профессиональной этики – BSB Handbook для барристеров Англии и Уэльса [7], так и исторически сложившиеся институты. Концепция «Королевского мира» (King's peace), ставшая фундаментом публичного правопорядка после 1066 г., и развившийся позднее институт «сделок с правосудием» (plea bargaining) базируются на принципах дискреции и личного участия сторон [8]. Переговоры о квалификации деяния и мере наказания – это область глубоких этических компромиссов, относящихся

к исключительной прерогативе человека. Независимо от аналитического потенциала нейросетей, их роль в работе солиситоров и барристеров ограничивается функциями интеллектуального инструментария, наряду с электронными библиотеками прецедентов. Практическое применение ИИ в правовой сфере допустимо при условии строгого контроля со стороны профессионального юриста.

Некоторые авторы полагают, что в современных условиях адвокатура обладает значительным потенциалом стать базовой моделью цифрового диалога между обществом и государством [9, с. 223]. Четкая внутренняя структура, опыт в публично-правовой и экономической сферах создают основу для внедрения новых стандартов информационного взаимодействия. Однако реализация этого потенциала сталкивается с проблемами защиты персональных данных, необходимостью сохранения адвокатской тайны и освоения участниками новых форм коммуникаций.

Цифровая трансформация правового поля предполагает масштабный перевод традиционных процедур в электронный формат: онлайн-консультации, формирование электронных досье, интеграция с государственными информационными системами, активное использование электронных каналов обмена данными – от специализированных приложений и программам до видеоконференций.

Требования к сохранению адвокатской тайны устанавливают императивные рамки защиты конфиденциальности информации, начиная с самого факта обращения к адвокату. Запрет разглашения всех сведений, ставших известными адвокату, содержания консультаций и документов, а также персональных данных доверителя не имеет сроков давности.

Цифровая инверсия юридических профессий в условиях алгоритмизации права сопряжена с рядом рисков. В технологическом плане – это, в первую очередь, уязвимость цифровых платформ. Не исключается вероятность хакерских атак, утечек данных через сервисы специализированных приложений и облачного хранения, перехвата трансляций при использовании видео-конференц-связи.

Правовое регулирование вопросов, связанных с защитой обмена информацией между адвокатом и доверителем в цифровой среде, характеризуется пробелами в части ответственности разработчиков ПО и соблюдения ими стандартов кибербезопасности, отвечающих высоким требованиям адвокатской тайны. В настоящее время отсутствуют конкретные нормативные требования к разработчикам приложений, программного обеспечения, облачных сервисов, CRM-систем, гарантирующих технический иммунитет для такой информации. Очевидно, что рекомендаций национальных и международных ассоциаций юристов по указанным вопросам недостаточно, поскольку они не являются обязательными для разработчиков программных продуктов по обмену информацией и не возлагают на них ответственность за нарушение конфиденциальности адвокатской деятельности. Применение инструментов искусственного интеллекта или облачных платформ для обработки документов доверителей законом не запрещено, но и не защищено специальными нормами, что создает риск автоматического отказа от привилегии (waiver of privilege). Проблема заключается в том, что адвокатская тайна представляет собой процессуальную гарантию, поэтому в цифровом пространстве она нуждается в утверждении технико-правовых стандартов, обязывающих разработчиков программных обеспечений интегрировать уникальные инструменты защиты с учетом специфики адвокатской работы.

Нельзя игнорировать и человеческий фактор: ошибки при отправлении электронных писем, неосознанное использование незащищенных каналов связи, недостаточная киберграмотность участников этого процесса.

Для минимизации указанных рисков и сохранения профессиональной тайны в цифровую эпоху необходим комплексный подход. Во-первых, требуется уточнение нормативного регулирования института защиты адвокатской тайны в информационной среде, закрепление гарантий конфиденциальности при использовании ВКС и иных электронных технологий,

а также введение ответственности за несанкционированный доступ к цифровым архивам адвокатов. Во-вторых, автоматизация рутинных процессов должна основываться на сертифицированных средствах криптографической защиты, верификации документов и создании изолированного цифрового пространства для обмена конфиденциальной информацией. В-третьих, наконец, важно обеспечить обучение профессиональных юристов основам кибербезопасности, повысить осведомленность доверителей об особенностях и рисках онлайн-взаимодействия.

Тем самым реализация цифрового потенциала солиситоров и барристеров, как и в целом представителей аналогичных юридических профессий других стран, осуществима при соблюдении условий адвокатской тайны. Этого требуют системная синхронизация процессов цифровизации и правового регулирования, применение передовых технологических решений (генеративный искусственный интеллект) и формирование культуры конфиденциальности. Такой подход позволит сохранить доверие к правосудию и предоставит полноценный доступ к квалифицированной юридической помощи на базе современных инновационных возможностей.

Заключение

Процесс интеграции профессиональных юристов в условия цифровой гегемонии представляет собой сложную задачу для представителей гуманитарного профиля, что объясняется традиционным дуализмом образовательных парадигм. Дисциплины математического и информационного цикла исторически дистанцированы от юридической науки и практики, вследствие чего специалисты испытывают объективные затруднения при адаптации к современным программным комплексам и онлайн-платформам. По мере распространения правовых технологических продуктов представителям юридических профессий понадобятся новые навыки и опыт, чтобы оставаться востребованными и конкурентоспособными на рынке труда.

Не теряют своей актуальности опасения адвокатского сообщества, связанные с обеспечением фундаментальных гарантий сохранения профессиональной тайны, конфиденциальности и защищенности данных, обрабатываемых в информационном пространстве.

Обозначенная проблема приобретает особое значение. В Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г.[1] закреплены основополагающие принципы защиты данных, хранящихся в автоматизированных файлах, подвергающихся обработке, включающей в себя следующие операции: хранение данных, осуществление логических и (или) арифметических операций с этими данными, их изменение, уничтожение, поиск или распространение. В научной литературе указывается на необходимость внедрения механизмов «прозрачности» использования персональных данных, обеспечения гарантий их безопасного использования и контроля над ними [10].

Незыблемость основополагающих норм и обычаев, включая неписаные источники конституционализма, исключает споры о праве на защиту. В связи с этим интеграция информационно-коммуникационных технологий в правоприменительную деятельность не должна создавать препятствий или каким-либо образом дискредитировать этот базовый принцип. Он не подлежит произвольному пересмотру или отмене, так как воплощает консенсус общества в аспектах незыблемости торжества справедливости и суверенитета законных интересов субъектов правоотношений.

Право на защиту является имманентным свойством демократического режима, действующего на основе легитимных норм, в том числе формирующихся судебным прецедентом.

Цифровая трансформация правоприменительной деятельности не должна угрожать подрывом указанного принципа. Технологический прогресс призван служить укреплению законности, обеспечивая эффективную, доступную и предсказуемую реализацию права на защиту.

---

[1] Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS № 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.). Вступила в силу для Российской Федерации 1 сентября 2013 г. ИПС Гарант (дата обращения: 6 февраля 2026 г.).

В последнее время правоведами выдвигаются предложения о разработке правил поведения адвокатов при использовании цифровых технологий [11, с. 222–223]. Эти идеи соответствуют практическим способам реализации квалифицированной правовой защиты и все чаще находят отражение в правовом мышлении[1].

Обозначенные принципы имеют интернациональное значение[2]. Современные международные акты (Туринские принципы UIA, Кодекс CCBE) закрепляют статус веб-сайта в качестве неотъемлемой части адвокатской инфраструктуры и устанавливают баланс между свободой цифрового позиционирования, императивом соблюдения профессиональной тайны и правил добросовестной рекламы [12].

Нормативный баланс необходим в реализации публично-правового характера адвокатской деятельности. Несмотря на расширение маркетинговых возможностей, правовую помощь нельзя воспринимать исключительно как юридическую услугу в контексте коммерческой деятельности. Обеспечение доступа к правосудию не должно приобретать черты регулируемого рынка услуг. Только независимость профессии, высокий уровень подготовки и профессиональных компетенций в сочетании с этическими нормами гарантируют каждому квалифицированную судебную защиту.

По мнению Юридического общества Англии и Уэльса, правовые технологии никогда полностью не заменят солиситоров[3], добавим от себя, и барристеров. Традиционные модели оказания правовой помощи по-прежнему сохранят свой статус-кво. Технологии могут стать инструментами для более быстрого и качественного ее предоставления, оптимизации взаимодействия с доверителями, ведения делового оборота и т.д. Но, как и прежде, именно юристы несут ответственность за соблюдение высоких профессиональных стандартов.

Список источников

1. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Глава VIII (параграф 4). М.: Проспект. 2016. 640 с. ISBN:978-5-392-18465-1

2. Селькова А. А. Применение принципа jura novit curia английскими судами: реальность или иллюзия? // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 36–39. https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-4-36-39. EDN: CRZNFX

3. Шостранд Е. Актуальные проблемы английского правосудия и гражданского судопроизводства; [беседу вела Г. Д. Улетова] // Законодательство. 2014. № 9. С. 60–64. (Редакционная гостиная). ИПС Гарант. https://base.garant.ru/57516646/ (дата обращения: 25 января 2026).

4. Ловцов Д. А. Теоретические основы системной информатизации правового регулирования // Правовая информатика. 2019. № 4. С. 12–28. EDN: PMFZCB

5. Харитонова Ю. С. Принципы разработки технологий искусственного интеллекта и их правовое закрепление в России и за рубежом // Законодательство. 2024. № 11. С. 45–54. https://doi.org/10.58741/16818695_2024_11_45. EDN: NGSUXB

6. Посулихина Н. С. Юридическое образование в зарубежных странах / Введение в профессию юриста: учебное пособие (под ред. А.С. Ермоленко, М.В. Самсоновой, И.И. Черных). Глава II (параграф 2). М.: Инфотропик Медиа, 2023.

7. Шварц О. Принцип добросовестности в деятельности адвоката: зарубежный опыт // Сетевое издание «Адвокатская газета». 2022. № 9. ИПС Гарант (дата обращения: 30 января 2026 г.).

[1] Например, решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. (протокол № 7) утверждены Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». 2016. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/ (дата обращения: 7 февраля 2026 г.).

[2] Международные принципы поведения специалистов в области права в социальных сетях (International Principles on Social Media Conduct for the Legal Profession), принятые Советом Международной ассоциации юристов (International Bar Association). URL: https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=27ebac25-0d13-4318-a1c4-6b751aca935f (дата обращения: 7 февраля 2026 г.).

[3] Юридическое общество Англии и Уэльса. Введение в юридические технологии / Introduction to lawtech. The Law Society. 2025. URL: https://www.lawsociety.org.uk/topics/ai-and-lawtech/introduction-to-lawtech (дата обращения: 2 февраля 2026 г.).

8. Семыкина О. И. Модели «сдельного правосудия» в уголовном судопроизводстве зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. № 6. С. 103–119. https://doi.org/10.61205/S199132220034186-0. EDN: FOJRLK

9. Приженникова А. Н. Цифровые технологии в практической деятельности адвоката // Образование и право. 2020. № 5. С. 223–226. https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10539. EDN: DNFFVB

10. Право цифровой среды (монография) / Коллектив авторов; под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с. ISBN:978-5-392-36023-9

11. Коган М. И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 218–223. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.218-223. EDN: FEKRAJ

12. Шварц О. Маркетинг адвокатской деятельности: зарубежный опыт и возможность его применения в России // Сетевое издание «Адвокатская газета». 2022. № 15. ИПС Гарант (дата обращения: 7 февраля 2026 г.).

References

1. Marchenko M.N. *Theory of State and Law:* textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Chapter VIII (paragraph 4). Moscow: “Prospect”; 2016. 640 p. ISBN:978-5-392-18465-1 (In Russ.)

2. Selkova A.A. Application of the principle of jura novit curia by English courts: reality or illusion? *Russian Law Journal.* 2020;(4):36–39. (In Russ.). https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-4-36-39. EDN: CRZNFX

3. Shostrand E. Actual problems of English justice and civil proceedings; [the conversation was conducted by G.D. Uletova]. *Practical journal for managers and lawyers "Legislation".* 2014;(9):60-64. (In Russ.). Available from: https://base.garant.ru/57516646/ (Accessed 25 January 2026).

4. Lovtsov D.A. Theoretical foundations of systemic informatization of legal regulation. *Legal Informatics.* 2019;(4):12–28. (In Russ.). (In Russ.). EDN: PMFZCB

5. Kharitonova Yu.S. Principles of development of artificial intelligence technologies and their legal consolidation in Russia and abroad. *Legislation.* 2024;(11):45–54. https://doi.org/10.58741/16818695_2024_11_45. EDN: NGSUXB

6. Posulikhina N.S. Legal education in foreign countries. In: *Introduction to the legal profession*: a textbook: (edited by A.S. Ermoolenko, M.V. Samsonova, I.I. Checherin). Chapter II (paragraph 2). Moscow: Infotropic Media. 2023. 676 p. (In Russ.).

7. Schwartz O. The principle of good faith of a lawyer: foreign experience. Online publication "*Advocate Newspaper*". 2022;(9). (In Russ.).

8. Semykina O.I. Models of "piecework justice" in criminal proceedings of foreign countries. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law.* 2025;(6):103–119. (In Russ.). https://doi.org/10.61205/S199132220034186-0. EDN: FOJRLK

9. Prizhennikova A.N. Digital technologies in the practical activities of a lawyer. *Education and Law.* 2020;(5):223–226. (In Russ.). https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10539. EDN: DNFFVB

10. *Law of the Digital Environment* (monograph) / collective of authors; edited by T.P. Podshivalov, E.V. Titova, E.A. Gromova. Moscow: “Prospect”; 2022. 896 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-392-36023-9

11. Kogan M.I. Ensuring the Preservation of Attorney-Legal Confidentiality When a Lawyer Uses Modern Technologies and Electronic Devices. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* 2020;(11):218–223. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.218-223. EDN: FEKRAJ

12. Schwartz O. Marketing of legal activities: foreign experience and the possibility of its application in Russia. *Advocate Newspaper*. 2022;(15). (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Х. Сайдумов – доктор юридических наук, старший научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Р. А. Джашеев – аспирант, Карачаево-Черкесский филиал Московского университета «Синергия».

Information about the authors

D. H. Saidumov – Dr. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

R. A. Dzhasheev – Postgraduate Student, Karachay-Cherkessia branch of Moscow University "Synergy".

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. ***Contribution of the authors:*** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 06.05.2026.
The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 06.05.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 42–57
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):42–57

Научная статья
УДК 347.1
EDN RFVGVP

Оборот цифровых прав в российском праве: пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации

Егор Вадимович Кондратенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, egorkojber@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-3497-8270

Аннотация

Введение. Цифровизация имущественного оборота и развитие специальных правовых режимов усилили потребность в точном разграничении цифровых прав и смежных цифровых имущественных явлений. Особую значимость этот вопрос приобретает там, где правовая квалификация влияет на наследование, залог, обращение взыскания и судебную защиту.

Цель. Исследование направлено на уточнение пределов действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и выявление критериев, позволяющих отличать цифровые права от иных цифровых имущественных явлений. В центре внимания находятся не любые цифровые активы, а только такие имущественные права, которые прямо признаны законом цифровыми и существуют в рамках информационной системы, отвечающей установленным требованиям. Дополнительная задача исследования заключается в проверке того, насколько действующая рамочная конструкция пригодна для применения в наследовании, залоге, обращении взыскания и судебной защите, то есть в тех сферах, где юридический титул должен быть преобразован в технически исполнимое действие внутри системы.

Материалы и методы. Исследование основано на сочетании формально-юридического, системного, догматического и правоприменительного методов. Проанализированы положения гражданского, финансового, налогового и процессуального законодательства, регулирующие цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровую валюту и цифровой рубль. В качестве материала использованы доктринальные труды российских и зарубежных авторов, а также судебные акты, позволяющие оценить влияние цифровой инфраструктуры на осуществление и защиту имущественных прав.

Результаты. Установлено, что статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не создает универсальной категории цифрового имущества, а закрепляет специальную юридическую форму существования отдельных имущественных прав. Предложен четырехэлементный критерий квалификации цифрового права, включающий прямое признание права законом, наличие имущественно-правового содержания, структурную привязку к информационной системе и юридическое значение системной записи. Показано, что правовая роль записи неодинакова: в общей модели она легитимирует обладателя и способ распоряжения, а в специальных режимах может входить в юридический состав возникновения, перехода или обременения права.

Выводы. Сделан вывод о секторальном характере российского регулирования и о том, что основные проблемы сосредоточены не на уровне дефиниций, а в механизмах наследственного правопреемства, фиксации залога, исправления дефектных записей, исполнительного производства и судебного понуждения к изменению записи в системе. Обоснована необходимость точечной модернизации законодательства без расширительного толкования понятия цифровых прав и без смешения цифровых прав с цифровой валютой, цифровым рублем, безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами.

© Кондратенко Е. В., 2026

Ключевые слова: цифровые права, оборот имущественных прав, информационная система, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой рубль, наследование цифровых прав, залог цифровых прав, судебная защита, цифровые доказательства

Для цитирования: Кондратенко Е. В. Оборот цифровых прав в российском праве: пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 42–57. EDN RFVGVP

Original article

Circulation of digital rights in Russian law: the limits of article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation

Egor V. Kondratenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, egorkojber@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-3497-8270

Abstract

Introduction. The digitalization of property turnover and the development of special legal regimes have increased the need for precise differentiation of digital rights and related digital property phenomena. This issue is particularly important where legal qualifications affect inheritance, collateral, foreclosure, and judicial protection.

Purpose. The study aims to clarify the limits of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation and to identify the criteria that make it possible to distinguish digital rights from other digital property phenomena. The focus is not on digital assets in general, but only on those proprietary rights that are expressly recognized by law as digital and exist within an information system that meets the established legal requirements. An additional objective of the study is to examine whether the current framework is suitable for application in inheritance, pledge, enforcement against assets, and judicial protection, that is, in those areas where legal title must be transformed into a technically executable action within the system.

Materials and methods. The research is based on a combination of formal legal, systemic, doctrinal, and law-enforcement methods. It analyzes the provisions of civil, financial, tax, and procedural legislation governing digital rights, utility digital rights, digital financial assets, digital currency, and the digital ruble. The study also relies on doctrinal works by Russian and foreign authors, as well as judicial acts that make it possible to assess the influence of digital infrastructure on the exercise and protection of proprietary rights.

Results. It is established that Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation does not create a universal category of digital property, but rather establishes a special legal form for the existence of certain proprietary rights. A four-element criterion for qualifying a right as a digital right is proposed; it includes express recognition of the right by law, the presence of proprietary legal content, structural linkage to an information system, and the legal significance of the system record. It is shown that the legal role of the record is not uniform: in the general model, it legitimizes the holder and the mode of disposition, whereas in special regimes it may form part of the legal structure of the creation, transfer, or encumbrance of the right.

Conclusions. The study concludes that Russian regulation in this sphere is sectoral in character and that the principal difficulties arise not at the level of definitions, but in the mechanisms of hereditary succession, the recording of pledges, the correction of defective records, enforcement proceedings, and judicial compulsion to alter a record within the system. The need is substantiated for targeted legislative modernization without an expansive interpretation of the concept of digital rights and without conflating digital rights with digital currency, the digital ruble, non-cash funds, or uncertificated securities.

Keywords: digital rights, circulation of proprietary rights, information system, utility digital rights, digital financial assets, digital currency, digital ruble, inheritance of digital rights, pledge of digital rights, judicial protection, digital evidence

For citation: Kondratenko E. V. Circulation of digital rights in Russian law: the limits of article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):42–57. (In Russ.). EDN RFVGVP

Введение

Оборот имущественных ценностей в цифровой среде уже трудно воспринимать как частный технический сюжет. Для гражданского права это вопрос о том, в какой форме сегодня вообще может существовать имущественное право и какие юридические последствия следует связывать с записью в информационной системе. Именно поэтому статья 141.1 ГК РФ вызывает устойчивый интерес: она затрагивает не отдельный специальный рынок, а более общий вопрос о границах трансформации частноправовых конструкций в цифровой среде [1–3].

Вместе с тем из самого текста закона видно, что законодатель сознательно не стал приравнивать к цифровым правам всякую имущественную ценность, существующую в электронной форме. Такое решение, на мой взгляд, можно считать обоснованным. Слишком широкая модель дала бы удобную, но юридически опасную абстракцию: в одной категории оказались бы явления с разной структурой, разным набором обязанностей и разными механизмами защиты. Статья 141.1 ГК РФ построена иначе: в рамках настоящего исследования она рассматривается как рамочная норма, действующая прежде всего там, где право прямо признано цифровым законом и включено в регулируемую информационную систему. Эта закрытая модель обеспечивает правовую определенность, однако одновременно ставит вопрос о ее адаптивности: по мере появления новых цифровых активов правопорядок рискует перейти к модели догоняющего регулирования, при которой он не опережает развитие оборота, а лишь последовательно фиксирует уже сложившиеся практики.

Эта логика особенно отчетливо проявилась после принятия законов об инвестиционных платформах и о цифровых финансовых активах. Российское регулирование стало складываться не как единый режим «цифрового имущества», а как совокупность общей рамочной нормы и специальных режимов для отдельных видов цифровых прав. Позднейшие изменения 2020–2025 гг. лишь усилили эту секторальность: законодатель расширял отдельные сценарии использования цифровых активов, но не снимал вопрос о том, какие из них действительно подпадают под статью 141.1 ГК РФ [4; 5].

Отсюда и возникает центральная проблема статьи. На практике внешнее сходство цифровых явлений нередко подталкивает к их постепенному сближению: цифровые права смешиваются с цифровой валютой, цифровым рублем, безналичными денежными средствами или бездокументарными ценными бумагами. Однако такое сближение не безобидно. За ошибкой квалификации обычно следуют ошибки в определении момента перехода права, в выборе способа защиты и в понимании роли оператора системы [5; 6].

Доктрина также не дает абсолютно единого ответа. Одни авторы видят в цифровых правах главным образом новый способ фиксации уже известных имущественных прав; другие, напротив, подчеркивают самостоятельное значение инфраструктуры, системной записи и специального порядка легитимации обладателя. Следует признать, что продуктивнее занимать промежуточную позицию: не растворять цифровые права в одной лишь технической оболочке, но и не превращать их в универсальную сверхкатегорию для любого цифрового актива. Именно такая перспектива позволяет сохранить догматическую точность [1–3].

В этой связи цель настоящей статьи состоит в более точном определении пределов действия статьи 141.1 ГК РФ и в выявлении тех участков гражданско-правового регулирования, где рамочная норма Кодекса нуждается в специальной донастройке.

В работе выдвигается и проверяется следующая гипотеза: спор вокруг цифровых прав связан не столько с недостатком легальной дефиниции, сколько с неполной сопряженностью статьи 141.1 ГК РФ с институтами наследования, залога, исполнительного производства и судебной защиты. Научная новизна исследования состоит, во-первых, в формулировании четырехэлементного критерия отнесения спорного явления к цифровым правам в узком смысле статьи 141.1 ГК РФ; во-вторых, в разграничении общей легитимирующей функции записи в информационной системе и ее конститутивного значения в специальных режимах; в-третьих, в обосновании вывода о том, что пределы действия статьи 141.1 проходят не по линии «цифровая форма – нецифровая форма», а по линии нормативно признанной правовой конструкции соответствующего объекта. При этом закрытая законодательная модель не должна пониматься как отказ от функционального анализа. Такой анализ необходим не для расширительного толкования статьи 141.1 ГК РФ, а для оценки перспектив ее законодательной донастройки: при появлении новых цифровых активов значение приобретают юридическая природа актива, роль информационной системы и функция системной записи в механизме возникновения, осуществления и перехода имущественного права. Если эта гипотеза верна, то на нынешнем этапе развитие законодательства должно идти прежде всего по линии точечной адаптации уже существующих частноправовых механизмов, но с учетом возможности последующего формирования более согласованной общей модели цифровых имущественных явлений.

Материалы и методы

Выбор методов в данном случае продиктован самой постановкой вопроса. Цифровые права нельзя адекватно описать, опираясь только на буквальный текст статьи 141.1 ГК РФ, поскольку их правовой режим складывается на пересечении общих положений об объектах гражданских прав, специальных финансово-правовых режимов и реальной практики обращения цифровых активов. Поэтому в работе сочетаются формально-юридический, системный и догматический анализ с обращением к судебной практике [3; 7; 8].

Системный и догматический подходы были необходимы прежде всего для разграничения цифровых прав с цифровой валютой, цифровым рублем, безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Без такого разграничения любое дальнейшее рассуждение о переходе права, залоге или защите неизбежно оказывается неточным. Одновременно правоприменительный материал позволил проверить, как эти теоретические различия работают в реальных спорах [5; 6].

Материал исследования включал три основные группы источников. Во-первых, это источники гражданского, финансового, налогового и процессуального законодательства, задающие легальную конструкцию цифровых прав и смежных явлений. Во-вторых, современные доктринальные работы российских цивилистов, в которых обсуждаются пределы статьи 141.1 ГК РФ и судьба традиционных частноправовых институтов в цифровой среде. В-третьих, судебные акты по делам о цифровой валюте, доступе к цифровым активам, банкротстве и судебной защите имущественных интересов, связанных с цифровой инфраструктурой.

Рабочая логика исследования позволила исходить из следующего предположения: статья 141.1 ГК РФ способна выполнять роль общей рамочной нормы только при условии ее сдержанного толкования. Иными словами, она работает там, где закон действительно конструирует цифровое право как особую форму имущественного права, но не там, где перед нами лишь цифровая форма существования иного объекта. Такое предположение позволяет избежать наиболее распространенной ошибки – подмены юридической квалификации технологическим сходством [3; 7].

При этом важно учитывать и пределы исследования. Российская судебная практика пока дает сравнительно немного дел, прямо посвященных цифровым правам в узком смысле статьи 141.1 ГК РФ. По этой причине акты по цифровой валюте, доступу к цифровым активам, банкротству и судебной защите имущественных интересов, связанных с цифровой инфраструктурой, используются в работе не как прямые прецеденты по предмету статьи, а как смежный аналитический материал. Соответственно, выводы о наследовании, залоге, обращении взыскания и коррекции записей носят не казуистический, а модельный характер: они опираются на действующие нормы, современную доктрину и логику уже сложившихся споров в цифровой среде [6; 9–11].

Цифровые права как специальная форма имущественных прав

Исходной точкой анализа выступает буквальное содержание статьи 141.1 ГК РФ. Из него следует, что цифровыми правами признаются не любые электронные данные и не любые цифровые активы, а только названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Уже на уровне законодательной формулировки прослеживаются два ограничения: цифровое право всегда производно от определенного имущественного правомочия и существует лишь там, где закон прямо придает соответствующему праву статус цифрового [3; 7; 8].

Связь статьи 141.1 со статьей 128 ГК РФ имеет определяющее значение. Цифровые права названы не рядом с вещами как самостоятельная субстанция, а внутри категории имущественных прав в составе иного имущества. Отсюда вытекает, что цифровое право не отменяет стоящего за ним имущественного содержания, а представляет собой юридически признанную форму его организации, фиксации и оборота. Именно поэтому представляется затруднительным с методологической точки зрения превращать цифровые права в собирательное обозначение любой цифровой имущественной ценности [3; 7; 8].

Вместе с тем производный характер цифрового права не означает его полной теоретической растворимости в традиционных конструкциях. Статья 141.1 ГК РФ устанавливает специальные правила осуществления и распоряжения цифровым правом: передача, залог, иное обременение и ограничение распоряжения возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Формулу «без обращения к третьему лицу» корректнее понимать как отказ от внешнего удостоверения распоряжения вне информационной системы, а не как устранение инфраструктурных субъектов из оборота; оператор системы сохраняет роль технического и организационного исполнителя ее правил. Следовательно, законодатель связывает с цифровой формой права не только особый способ учета, но и иной механизм легитимации субъекта, иной порядок совершения распорядительных действий и иной режим доказательства принадлежности права [8].

Пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и разграничение цифровых прав с иными цифровыми явлениями

Пределы действия статьи 141.1 ГК РФ выявляются прежде всего через сопоставление цифровых прав с близкими феноменами. Наиболее важны четыре разграничения: с утилитарными цифровыми правами; с цифровыми финансовыми активами; с цифровой валютой; с иными объектами, существующими в цифровой форме, но не подпадающими под легальную категорию цифровых прав. Такое разграничение не является чисто классификационным: от него зависит набор применимых норм о сделках, способы защиты, возможность включения актива в конкурсную массу и пределы государственного регулирования [3–6].

С практической точки зрения вопрос о применимости статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не может решаться только по внешней цифровой форме спорного явления. Необходима поэлементная проверка того, имеется ли в конкретном случае легально признанное цифровое право, структурная привязка к отвечающей закону

информационной системе и юридически значимая роль системной записи. Указанные признаки суммированы в табл. 1 и далее конкретизируются применительно к смежным цифровым явлениям [3; 7].

Таблица 1 – Разграничение цифровых прав и смежных цифровых имущественных явлений
Table 1 – Distinguishing digital rights from related digital property phenomena

Явление	Нормативная база	Ключевые признаки	Соотношение со ст. 141.1 ГК РФ
Цифровые права	Ст. 128, 141.1 ГК РФ	Имущественные права, прямо названные цифровыми в законе; осуществляются и обращаются в информационной системе	Базовая общая категория
Утилитарные цифровые права	ФЗ № 259-ФЗ от 02.08.2019	Права требования передачи вещи, результатов интеллектуальной деятельности, выполнения работ и оказания услуг; возникают и переходят по записи в платформе	Специальный вид цифровых прав
Цифровые финансовые активы	ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020	Денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и иные поименованные законом права; обращаются в специальной системе	Специальный вид цифровых прав
Цифровая валюта	ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020; НК РФ	Совокупность электронных данных, используемых в качестве средства платежа и (или) инвестиции и обращающихся в особом цифровом режиме; самостоятельный объект правового регулирования	Самостоятельный режим вне конструкции ст. 141.1 ГК РФ
Цифровой рубль	Ст. 128, 140, 861 ГК РФ и банковское регулирование	Форма безналичных денежных средств и платежной инфраструктуры Банка России	Требует самостоятельной квалификации вне режима ст. 141.1 ГК РФ
Бездокументарные ценные бумаги	ГК РФ, законодательство о рынке ценных бумаг	Корпоративно-учетная форма фиксации прав по ценным бумагам	Требует самостоятельной квалификации и не отождествляется со ст. 141.1 ГК РФ

Как показывает табл. 1, решающим критерием выступает не цифровая форма как таковая, а сочетание нормативного признания права цифровым, имущественно-правового содержания соответствующего явления и той функции, которую запись в системе выполняет для легитимации обладателя, возникновения, перехода или обременения права.

Для целей правоприменения предлагается использовать следующий четырехэлементный критерий отнесения спорного явления к цифровым правам в смысле статьи 141.1 ГК РФ: 1) соответствующее право должно быть прямо названо цифровым в законе; 2) оно должно иметь распознаваемое имущественно-правовое содержание, а не представлять собой лишь фактическую цифровую ценность; 3) осуществление и распоряжение им должны быть структурно привязаны к правилам определенной информационной системы; 4) системная запись должна иметь юридическое значение по меньшей мере для легитимации обладателя,

а в случаях, прямо предусмотренных специальным законом, – также для возникновения, перехода либо обременения права. Отсутствие хотя бы одного из указанных элементов свидетельствует скорее о наличии смежного цифрового явления, чем цифрового права в узком смысле статьи 141.1 ГК РФ [3; 5; 7].

Утилитарные цифровые права, предусмотренные статьей 8 Закона об инвестиционных платформах, представляют собой наиболее прямое развитие общей конструкции статьи 141.1 ГК РФ. Закон прямо называет цифровыми права требовать передачи вещи, передачи исключительных прав или прав использования результатов интеллектуальной деятельности, а также выполнения работ или оказания услуг, если они изначально возникли как цифровые права на основании договора, заключенного с использованием инвестиционной платформы. Их возникновение, переход и прекращение связаны с внесением информации в платформу, а распорядительные действия допустимы только внутри нее [5; 8].

Цифровые финансовые активы по Закону 2020 г. также определяются как цифровые права, однако состав удостоверяемых ими прав иной: это денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Их выпуск, учет и обращение возможны только путем внесения или изменения записей в соответствующей информационной системе. Следовательно, ЦФА являются не внешним по отношению к статье 141.1 явлением, а одной из специальных легальных разновидностей цифровых прав. Вместе с тем сам Закон о ЦФА формирует специальный режим их выпуска и обращения, не подменяя собой общие положения о цифровых правах и не регулируя в целом безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги [4].

Иной является ситуация с цифровой валютой. Закон 2020 г. определяет ее как совокупность электронных данных, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа либо в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких данных. Однако критерий наличия или отсутствия обязанного лица, хотя и остается существенным для разграничения цифровых прав и цифровой валюты, не может рассматриваться как абсолютно достаточный и универсальный. Развитие децентрализованных цифровых платформ, в которых исполнение, учет и подтверждение принадлежности актива осуществляются не через классического контрагента, а через распределенную архитектуру сети, усложняет традиционную обязательственно-правовую модель. В таких условиях для корректной квалификации значение приобретают также способ легитимации управомоченного субъекта, юридическая функция записи или транзакции в системе, степень централизованности инфраструктуры и нормативное значение правил, определяющих оборот соответствующего цифрового актива. Поэтому разграничение цифровых прав и цифровой валюты целесообразно строить на совокупности юридически значимых признаков, а не сводить его исключительно к формальному критерию наличия обязанного лица.

Отсутствие лица, обязанного перед каждым обладателем электронных данных, остается важным признаком цифровой валюты, однако само по себе не исчерпывает ее разграничение с цифровыми правами в смысле статьи 141.1 ГК РФ. Отдельные инфраструктурные обязанности лиц, обеспечивающих функционирование соответствующей цифровой среды, также не образуют корреспондирующего каждому обладателю обязательственного права требования по той модели, которая характерна для цифровых прав. Даже признание цифровой валюты имуществом для целей налогового права и укрепление ее судебной защиты в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П не превращают цифровую валюту в цифровое право: перед нами иной по структуре объект регулирования, требующий самостоятельной квалификации [6].

Цифровой рубль, безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги также не должны автоматически включаться в категорию цифровых прав. Их правовая

природа определяется иными законодательными массивами: денежно-платежным, банковским и корпоративно-ценнобумажным. Следовательно, сама по себе цифровая форма существования не превращает эти явления в цифровые права по статье 141.1 ГК РФ. Напротив, предмет регулирования Закона о ЦФА подтверждает, что законодатель разграничил режим цифровых прав и режимы иных имущественных явлений, существующих в цифровой форме [6].

Секторальный характер режима цифровых прав и юридическое значение записи в информационной системе

Российский законодатель построил регулирование оборота цифровых прав по секторальной модели. Общая норма ГК РФ не содержит исчерпывающего набора правил об их видах, возникновении, обороте и защите, а лишь задает рамку, внутри которой специальные законы конструируют конкретные разновидности цифровых прав [3]. Преимущество такого подхода состоит в возможности адресного регулирования разных цифровых сред, однако его обратной стороной становится фрагментарность и зависимость статуса цифрового права от инфраструктуры конкретной системы.

Важно, однако, избегать чрезмерного обобщения. Запись в информационной системе приобретает конститутивное значение не всегда в силу одной только статьи 141.1 ГК РФ, а только тогда, когда такое значение прямо вытекает из специального закона и правил соответствующей системы [7]. Поэтому корректнее говорить о двух уровнях юридической роли записи: на уровне общей нормы она, как правило, выполняет функцию легитимации обладателя и допустимого способа распоряжения правом внутри системы; на уровне специальных режимов утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов запись в предусмотренных законом случаях может входить в юридический состав возникновения, перехода, ограничения или прекращения права.

Такое разграничение позволяет усилить доказательность вывода о значении записи и одновременно избежать утверждения, будто статья 141.1 ГК РФ сама по себе универсально конституирует любое цифровое право.

Специфична и легитимация обладателя. Пункт 2 статьи 141.1 ГК РФ ориентирует на критерий возможности распоряжения правом в соответствии с правилами информационной системы. Тем самым признак принадлежности права переносится внутрь системы: обладатель – это не тот, кто предъявил внешний документ, а тот, кто признается системой способным совершить распорядительное действие. Юридическое значение приобретают процедуры идентификации, порядок доступа, алгоритмы подтверждения операций и механизмы восстановления контроля над правом [8].

Особенности гражданского оборота цифровых прав

Центральная особенность оборота цифровых прав состоит в том, что классические гражданско-правовые конструкции здесь работают не напрямую, а через инфраструктурный фильтр информационной системы. Статья 141.1 ГК РФ допускает передачу, залог, иное обременение и ограничение распоряжения цифровым правом, но одновременно требует, чтобы такие действия совершались только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Указанную формулу следует понимать как отказ от внешнего подтверждения распоряжения вне информационной системы; она не исключает роли оператора системы как инфраструктурного исполнителя ее правил, а в процедурах банкротства, наследования и исполнения судебных актов – также участия арбитражного управляющего, нотариуса, судебного пристава-исполнителя и иных процессуальных посредников. Именно это обстоятельство и модифицирует применение общих правил об уступке требования, залоге имущественных прав и иных распорядительных моделях.

В отношении отчуждения цифрового права ключевым является вопрос о моменте перехода. В традиционном обязательственном праве для перехода права требования обычно достаточно соглашения сторон, если законом или договором не предусмотрено иное.

В цифровой среде переход права завершается не в момент достижения консенсуса, а в момент внесения записи либо изменения информации в системе, если именно такой порядок установлен законом и правилами системы. Следовательно, сделка приобретает двухэлементную структуру: волевое основание плюс системная реализация [8].

Соотношение цифровых прав с цифровым рублем, безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами

Одним из устойчивых источников методологических ошибок остается смешение цифровых прав с цифровым рублем и иными формами безналичных денег. Между тем уже системное толкование статьи 128 ГК РФ показывает, что цифровой рубль упомянут законодателем отдельно от цифровых прав, внутри группы имущественных прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Отсюда следует, что цифровой рубль не может автоматически квалифицироваться как цифровое право только потому, что он существует в цифровой инфраструктуре; его правовая природа раскрывается через денежно-платежную, а не через платформенно-правовую модель [6].

Такой вывод подтверждается и современной доктриной. В литературе справедливо подчеркивается, что цифровой рубль представляет собой особую форму безналичных денежных средств, опосредованную публичной платежной инфраструктурой Банка России, тогда как цифровые права по статье 141.1 ГК РФ возникают и обращаются в информационной системе как названные в законе обязательственные и иные права [5; 6]. Следовательно, общая для них «цифровая» оболочка не должна скрывать различие в юридическом основании существования объекта: в одном случае перед нами цифровая модификация денег, в другом – специальная форма фиксации и обращения имущественного права.

Не менее важно разграничение цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг. Последние также существуют в учетной системе и легитимируют управомоченное лицо через запись, однако их правовой режим исторически и нормативно связан с конструкцией ценной бумаги и с институтами корпоративного права. Цифровые права, напротив, образуют открытый, но легально типизированный круг обязательственных и иных прав, содержание которых определяется специальным законом и правилами системы. Именно поэтому цифровые финансовые активы, удостоверяющие права по эмиссионным ценным бумагам либо право требовать передачи таких бумаг, нельзя отождествлять с самими бездокументарными ценными бумагами: между ними сохраняется различие по юридической функции записи, по субъектному составу и по режиму обращения [5; 6].

Практическое значение такого разграничения проявляется в выборе подлежащих применению правил о расчетах, об обращении взыскания, о защите права и о публичном контроле. Неверная квалификация цифрового рубля как цифрового права или, напротив, цифрового права как разновидности безналичных денег способна привести к ошибкам при определении момента перехода права, при решении вопроса об обязательном участии оператора системы и при отборе допустимых способов защиты. Следовательно, пределы действия статьи 141.1 ГК РФ проходят не по линии «аналоговая – цифровая форма», а по линии нормативно признанной правовой конструкции соответствующего объекта [6].

Наследственное правопреемство как тест на полноту режима цифровых прав

Наследование цифровых прав особенно наглядно демонстрирует, что одной лишь общей дефиниции статьи 141.1 ГК РФ недостаточно для полноценного оборота соответствующих объектов. При этом следует учитывать, что прямой массив судебных актов именно о наследовании цифровых прав пока ограничен; поэтому данный сюжет в настоящей работе анализируется преимущественно на основе доктрины, общих начал наследственного права и смежной практики по цифровым активам. С позиции общих начал наследственного права цифровые права, как имущественные права, должны входить в состав наследства, если иное

прямо не установлено законом. Однако фактическая реализация универсального правопреемства в этой сфере зависит не только от наличия свидетельства о праве на наследство, но и от того, допускают ли правила информационной системы изменение записи, смену субъекта, восстановление доступа и подтверждение полномочий наследника [9].

Современные исследования справедливо отмечают, что цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и цифровой рубль находятся в неодинаковом положении с точки зрения посмертного распоряжения и оформления перехода прав. Для цифрового рубля законодатель уже связал режим наследственного правопреемства с моделью завещательного распоряжения в отношении денежных средств, тогда как в отношении цифровых прав подобная детальная конструкция отсутствует. В результате участники оборота вынуждены компенсировать пробелы частными практиками передачи логинов, паролей и иной чувствительной информации, что плохо совместимо с интересами обязательных наследников, пережившего супруга и кредиторов наследодателя [9].

Для гражданского права здесь особенно важно развести два вопроса. Первый касается принадлежности права как элемента наследственной массы; второй — механизма приобретения наследником реального контроля над ним. Даже если нотариус удостоверил переход права, оператор платформы или иной инфраструктурный посредник должен обладать понятной процедурой внесения изменений в систему. Без такой процедуры наследственное правопреемство оказывается неполным: материально-правовой титул существует, но способность осуществлять право отсутствует. Следовательно, наследование цифровых прав требует нормативной связки между нотариальным удостоверением, требованиями идентификации наследника и обязанностью оператора совершить системно исполнимые действия по смене управомоченного лица [9].

Сказанное позволяет рассматривать наследование как своеобразный стресс-тест для всей конструкции цифровых прав. Если правопорядок не способен обеспечить их переход по универсальному правопреемству, значит, он пока не сформировал полноценно работоспособный режим имущественного оборота. Поэтому предлагаемые в литературе решения в виде специального завещательного распоряжения, обязательных процедур взаимодействия нотариуса с оператором системы и регламента восстановления контроля заслуживают поддержки. Они не размывают категорию цифровых прав, а, напротив, придают ей практическую завершенность [9]. При этом наследование цифровых прав следует рассматривать не как доказательство неполноценности конструкции статьи 141.1 ГК РФ, а как проверку того, насколько существующий режим способен работать в условиях универсального правопреемства. Если правопорядок обеспечивает переход права, но не обеспечивает технически и процедурно исполнимый доступ к нему, значит, проблема лежит не в самой дефиниции, а в связке материального и инфраструктурного уровня регулирования.

Залог цифровых прав, публичность обременения и принудительная реализация

Еще одной зоной повышенной неопределенности является залог цифровых прав. Статья 141.1 ГК РФ прямо допускает залог цифрового права, однако сама по себе эта оговорка не отвечает на ключевые вопросы оборота: каким образом в системе фиксируется обременение, кто проверяет наличие предшествующих залогов, как обеспечивается публичность такого обременения и каким способом реализуется предмет залога при нарушении обеспеченного обязательства. Здесь также необходимо учитывать, что прямая судебная практика пока складывается фрагментарно, поэтому основной доказательственный материал образуют специальные исследования последних лет и общая логика исполнительных и обеспечительных механизмов в цифровой среде [10; 11]. В обычном залоговом праве эти вопросы решаются через сочетание принципов специальности, публичности и процедур принудительной реализации; в цифровой среде каждый из них должен быть адаптирован к архитектуре конкретной информационной системы [10]. Именно поэтому речь должна

идти не о создании самостоятельного "цифрового залога" как особой конструкции, а о развитии общих обеспечительных механизмов применительно к среде информационных систем. В противном случае залог цифровых прав останется формально допустимым, но практически слабым инструментом обеспечения.

В новейшей литературе убедительно показано, что оператор информационной системы фактически становится инфраструктурным гарантом либо, напротив, источником рисков для залогового оборота цифровых прав. Если система не позволяет достоверно зафиксировать наличие залога и ограничить распорядительные действия залогодателя, то сама возможность эффективного обеспечения обязательства оказывается под вопросом. Напротив, при наличии прозрачного механизма регистрации обременения система способна обеспечить высокую степень определенности для всех участников оборота, включая последующих приобретателей и потенциальных кредиторов [10].

Особую сложность представляет принудительная реализация предмета залога и обращение взыскания в исполнительном производстве. В отношении цифровых прав недостаточно вынести решение о взыскании или о реализации актива; необходимо обеспечить технологическую исполнимость соответствующего судебного акта. Здесь особенно релевантны разработки о цифровом исполнительном производстве, в рамках которых подчеркивается, что эффективность принудительного исполнения зависит от доступа суда и органов исполнения к релевантным системным данным и к юридически значимым функциям цифровой инфраструктуры [11]. Следовательно, развитие режима залога цифровых прав неотделимо от развития процедур принудительного исполнения в цифровой среде.

Из этого вытекает и более общий вывод: публичность обременения цифрового права должна пониматься не как воспроизведение классических бумажно-реестровых решений, а как обеспеченная законом и технически надежная видимость правового статуса актива внутри системы и для внешних участников оборота, которым по закону предоставлен доступ к такой информации. Без закрепления минимальных требований к фиксации залога, к приоритету конкурирующих обременений и к обязательному содействию оператора системы обращение цифровых прав в качестве обеспечения останется нестабильным и фрагментарным [10; 11].

Судебная защита и процессуальное доказывание

Проблематика защиты цифровых прав находится на пересечении статьи 12 ГК РФ и специальных правил о цифровых правах. Вопрос состоит не в том, сохраняют ли значение классические способы защиты, а в том, в какой мере они требуют адаптации к цифровой среде. Признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, понуждение к совершению действий, взыскание убытков, применение последствий недействительности сделки и возврат неосновательного обогащения формально применимы и к цифровым правам, однако их практическая эффективность зависит от того, может ли судебное решение быть переведено в системно исполнимое действие [10; 11].

Именно поэтому для цифровых прав особое значение приобретает восстановительный, а не только констатационный компонент защиты. Если информационная система продолжает считать обладателем иное лицо либо если право заблокировано вследствие ошибки алгоритма, судебный акт должен быть сопряжен с обязанностью оператора или иного уполномоченного субъекта изменить запись либо устранить ограничение. В централизованных и платформенных моделях оборота это означает необходимость специального требования об обязании оператора совершить юридически значимые действия в системе [11]. Тем самым эффективность судебной защиты цифровых прав зависит не только от выбора надлежащего способа защиты, но и от способности суда обеспечить его техническую исполнимость через изменение записи, снятие блокировки или иное вмешательство в системный статус права.

Вещно-правовые способы защиты могут использоваться лишь ограниченно и с учетом природы спорного объекта. Механическая трансплантация виндикации в цифровую среду методологически сомнительна, поскольку предметом истребования здесь обычно выступает не индивидуально-определенная вещь в натуре, а цифровая ценность или цифровое право, существующее через систему учета. Более перспективными являются обязательственно-восстановительные и кондикционные модели, сочетаемые при необходимости с требованием о корректировке системной записи. Такой подход согласуется и с логикой Постановления Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П, в котором центр тяжести был перенесен с формального отрицания защиты на проверку законности получения и использования цифровой валюты.

Не менее существенна и процессуальная перспектива. Для подтверждения принадлежности цифрового права, факта его передачи, наличия обременения либо нарушения права суду могут потребоваться журналы операций, сведения оператора, данные об идентификаторах, электронные сообщения, скриншоты и иные цифровые следы. Следовательно, эффективность гражданско-правовой защиты зависит не только от материально-правовой квалификации актива, но и от процессуальной способности сторон представить, истребовать и интерпретировать цифровые доказательства [11].

Проверка института цифровых прав на материале наследования, залога и обращения взыскания показывает, что полноценный оборот таких прав возможен лишь при наличии обязательных правил взаимодействия между носителем материально-правового титула и оператором информационной системы. Поэтому дальнейшая модернизация законодательства должна быть направлена не только на уточнение дефиниций, но и на создание процедурных мостов между гражданско-правовым основанием и технически исполнимым изменением системной записи [9–11].

Основные направления совершенствования законодательства

Выявленные проблемы позволяют сформулировать несколько направлений точечной модернизации законодательства. Во-первых, в общих положениях гражданского законодательства целесообразно закрепить, что запись в информационной системе в случаях, прямо предусмотренных законом, может иметь правообразующее, правопереходное или правоограничительное значение. Такая формулировка устранила бы неопределенность относительно момента перехода цифрового права и пределов действия общего договорного титула, не превращая статью 141.1 ГК РФ в универсальный источник конститутивного эффекта записи.

Во-вторых, специальные законы должны содержать минимальные обязательные требования к правилам информационной системы: порядок идентификации участников, исправления ошибочных записей, фиксации обременений, восстановления контроля, раскрытия информации по мотивированному запросу суда, нотариуса, арбитражного управляющего или судебного пристава-исполнителя. Существенные элементы гражданско-правового режима не могут полностью переноситься на уровень частных регламентов оператора.

В-третьих, требуется разработать специальные правила о наследовании, залоге и обращении взыскания на цифровые права. Речь идет не о создании автономного цифрового вещного права, а о донастройке уже известных институтов применительно к ситуации, когда осуществление и распоряжение правом возможны только через инфраструктуру системы. Без такой донастройки часть судебных решений и конкурсных процедур будет оставаться декларативной.

В-четвертых, необходимо развивать процессуальные механизмы работы с цифровыми доказательствами. Доступ к сведениям оператора, стандарты представления журналов операций, вопросы достоверности электронных следов и пределы использования технических логов в качестве доказательств должны получить более ясное нормативное оформление. Лишь в этом случае гражданско-правовая защита цифровых прав перестанет зависеть от случайной доказательственной удачи конкретной стороны.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что статья 141.1 ГК РФ заняла в российском частном праве значимое, но строго ограниченное место. Ее функция состоит не в создании общей категории «цифрового имущества», а в юридическом оформлении тех имущественных прав, которые прямо названы цифровыми законом и встроены в регулируемую информационную систему. Поэтому границы ее действия определяются не цифровой оболочкой актива, а характером его нормативной конструкции.

Практическая трудность заключается в ином: даже корректная квалификация цифрового права сама по себе не обеспечивает полноценного оборота, если не решены вопросы наследования, залога, исправления ошибочных записей и исполнения судебных актов. Именно здесь становится заметным разрыв между материально-правовым титулом и фактическим контролем над активом. Поэтому наиболее уязвимой частью действующего регулирования являются не дефиниции как таковые, а процедуры перевода судебного или нотариального решения в системно исполнимое действие. Ограниченность прямой судебной практики по статье 141.1 ГК РФ не обесценивает исследование, но требует осторожности в обобщениях: смежные споры о цифровой валюте и иных цифровых активах используются здесь не как прямые прецеденты, а как материал для выявления типовых проблем доступа, контроля, доказывания и инфраструктурного посредничества.

Следовательно, дальнейшее развитие законодательства в рассматриваемой сфере должно осуществляться прежде всего не за счет механического расширения легального понятия цифровых прав, а посредством точечной настройки уже существующих частноправовых механизмов и процедур их практической реализации в цифровой среде. Такой подход представляется наиболее оправданным на текущем этапе, поскольку основные затруднения возникают не на уровне самой дефиниции цифрового права, а в плоскости его оборота, легитимации обладателя, фиксации перехода, установления и учета обременений, а также обеспечения технически исполнимого взаимодействия между участниками оборота и оператором информационной системы. Вместе с тем точечная модернизация не должна рассматриваться как окончательный отказ от более общей концепции цифрового имущества. Если дальнейшее развитие цифрового оборота выявит устойчивые межсекторные связи и повторяющиеся правоприменительные коллизии, может возникнуть потребность в системном нормативном решении, обеспечивающем единство терминологии, внутреннюю согласованность специальных режимов и предсказуемость квалификации новых цифровых имущественных явлений.

В сравнительно-правовом аспекте российская модель цифровых прав занимает промежуточное положение между англо-американским функциональным подходом и европейской статутной детализацией. В Великобритании доклад Law Commission 2023 г. исходил из того, что действующее общее право уже допускает признание за рядом цифровых активов имущественной природы, однако для устранения неопределенности была предложена законодательная кодификация, подтверждающая существование особой категории объектов личной собственности, способной охватывать криптотокены и иные цифровые активы[1]. Для российского права этот опыт важен не как образец прямого заимствования, а как подтверждение того, что критерии контроля, передачи и принудительной реализации могут иметь самостоятельное значение при проектировании режима цифровых имущественных объектов.

Американская модель, напротив, демонстрирует приоритет функциональной квалификации. Классический тест Howey, выработанный Верховным судом США, позволяет отнести актив к инвестиционному контракту, а, следовательно, к ценным бумагам, если налицо

[1] Law Commission. Digital Assets: Final Report. Law Com No. 412. London: Law Commission; 2023. URL: https://lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (accessed: 26.05.2026).

вложение средств, общее предприятие, ожидание прибыли и зависимость ее получения преимущественно от усилий иных лиц[1]. Для цифровых активов это означает, что решающее значение приобретает не технологическая форма токена сама по себе, а экономическая и организационная конструкция его размещения и обращения. Достоинство такого режима состоит в гибкости и способности охватывать новые экономические модели; его недостаток – в сравнительно низкой предсказуемости для участников оборота. Для российской статьи 141.1 ГК РФ это особенно показательно: функциональные критерии полезны как аналитический инструмент, но их полная замена формально-легального подхода могла бы снизить определенность гражданского оборота.

Регламент MiCA, напротив, иллюстрирует европейскую модель нормативно дифференцированного регулирования. Он формирует единый правовой режим для криптоактивов в пределах ЕС, устанавливая требования к эмитентам и поставщикам услуг, включая авторизацию, раскрытие информации, соблюдение стандартов управления рисками и специальные правила для токенов, привязанных к активам и электронным деньгам[2]. В российском контексте MiCA представляет интерес как пример того, как технологически нейтральное регулирование может быть соединено с детальной типизацией отдельных классов цифровых активов. Такой подход подтверждает, что специальное регулирование не обязательно ведет к фрагментации, если оно опирается на общие принципы квалификации, раскрытия информации, контроля инфраструктуры и защиты участников оборота.

Сопоставление указанных моделей позволяет сделать вывод, что зарубежный опыт подтверждает целесообразность не универсализации цифрового имущества, а сочетания статутной определенности и ограниченного функционального анализа. Для российского права это означает, что статья 141.1 ГК РФ должна сохранять роль рамочной нормы для прямо признанных законом цифровых прав, тогда как функциональные критерии – юридическая природа актива, контроль, передача, роль системной записи и инфраструктурная исполнимость – могут использоваться при законодательной донастройке специальных режимов и при оценке перспектив более общей концепции цифровых имущественных явлений.

Выводы

Статья 141.1 ГК РФ закрепляет не универсальную категорию цифрового имущества, а специальную правовую форму существования отдельных имущественных прав. Цифровым правом в российском праве является лишь то право, которое прямо признано таковым законом и существует в рамках соответствующей информационной системы.

Пределы действия статьи 141.1 ГК РФ определяются сочетанием нормативного и инфраструктурного критериев. Для квалификации спорного явления в качестве цифрового права необходимо наличие прямого законодательного признания, имущественно-правового содержания, структурной привязки к информационной системе и юридически значимой роли системной записи.

Запись в информационной системе имеет для цифровых прав самостоятельное юридическое значение, но оно неодинаково по объему. На уровне общей нормы запись легитимирует обладателя и задает допустимый способ распоряжения правом, тогда как в специальных режимах она может входить в юридический состав возникновения, перехода, ограничения или прекращения права.

Наиболее перспективное направление дальнейшего развития регулирования связано не с расширительным толкованием понятия цифровых прав, а с последовательной донастройкой наследования, залога, обращения взыскания, исправления дефектных записей

[1] Securities and Exchange Commission v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/ (accessed: 26.05.2026).
[2] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets. Official Journal of the European Union. 2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng (accessed: 26.05.2026).

и процессуальных правил работы с цифровыми доказательствами. Вместе с тем по мере усложнения цифрового оборота может возникать потребность в более согласованной общей модели, связывающей между собой специальные режимы без их смешения и без утраты догматической определенности. Такой подход сохраняет преимущества закрытой модели статьи 141.1 ГК РФ на текущем этапе, но не исключает ограниченного использования функциональных критериев при последующей законодательной донастройке цифровых имущественных режимов.

Список источников

1. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Том 19. № 3. С. 330–334. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334. EDN: MJMDYD

2. Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex Russica. 2020. Том 73. № 10(167). С. 21–31. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031. EDN: FXOJRF

3. Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. А. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54. EDN: ZPOQLZ

4. Мамедов И. Ф. Проблема квалификации цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав и ее влияние на режим их оборота // Предпринимательское право. 2026. № 1. С. 42–48. https://doi.org/10.18572/1999-4788-2026-1-42-48. EDN: QTFWVI

5. Вакулина Г. А. О видах цифровых прав // Хозяйство и право. 2023. № 6 (557). С. 3–12. https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-6-3-12. EDN: DURPHT

6. Лисица В. Н. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. 2024. (2):110–118. https://doi.org/10.31857/S1026945224020118. EDN: PZSRQB

7. Волос А. А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 ГК РФ // Банковское право. 2024. № 3. С. 16–23. https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-3-16-23. EDN: QICTIJ

8. Павлова Д. А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. № 3. С. 8–15. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-8-15. EDN: PZFOIM

9. Харитонова Ю. С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2. С. 74–95. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.74.95. EDN: CEOSTT

10.Лобащук В. Е. Залог цифровых прав в российском гражданском праве: вопросы обеспечения принципов специальности и публичности, а также принудительной реализации в условиях контролирующей роли операторов информационных систем (ОИС) // Право и политика. 2025. № 12. С. 306–324. https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.12.76787. EDN: XIPAGV

11. Стрельцова Е. Г. Цифровое исполнительное производство // Lex Russica. 2023. Том 76. № 10(203). С. 135–145. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145. EDN: BEBRQN

References

1. Konobeevskaya I.M. Digital rights as a new object of civil rights. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law.* 2019;19(3):330–334. (In Russ.). https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334. EDN: MJMDYD

2. Grin O.S. Obligational relations concerning digital objects of civil rights. *Lex Russica.* 2020;73(10(167)):21–31. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031. EDN: FXOJRF

3. Novoselova L.A., Gabov A.V., Savelyev A.A., et al. Digital rights as a new object of civil law. *Zakon.* 2019;(5):31-54. (In Russ.). EDN: ZPOQLZ

4. Mamedov I.F. The problem of qualification of digital financial assets in the system of civil-law objects and its impact on their circulation regime. *Entrepreneurial Law.* 2026;(1):42-48. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1999-4788-2026-1-42-48. EDN: QTFWVI

5. Vakulina G.A. On the types of digital rights. *Economy and Law.* 2023;6(557):3–12. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-6-3-12. EDN: DURPHT

6. Lisitsa V.N. Digital currency, digital ruble and electronic money in Russian civil law: problems of correlation. *State and Law.* 2024;(2):110–118. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S1026945224020118. EDN: PZSRQB

7. Volos A.A. Digital rights: some problems of interpreting Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Banking Law.* 2024;(3):16–23. https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-3-16-23. EDN: QICTIJ. (In Russ.)

8. Pavlova D.A. Peculiarities of exercising digital rights. *Jurist.* 2023;(3):8–15. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-8-15. EDN: PZFOIM. (In Russ.)

9. Kharitonova Yu.S. Inheritance of legalized digital assets: conflicts and possible directions for improving Russian legislation. *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2024;(2):74–95. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.74.95. EDN: CEOSTT

10. Lobashchuk V.E. The pledge of digital rights in Russian civil law: issues of ensuring the principles of speciality and publicity, as well as forced enforcement under the controlling role of information system operators. *Law and Politics.* 2025;(12):306–324. (In Russ.). https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.12.76787. EDN: XIPAGV

11. Streltsova E.G. Digital enforcement proceedings. *Lex Russica.* 2023;76(10(203)):135–145. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145. EDN: BEBRQN.

Информация об авторе

Е. В. Кондратенко – аспирант кафедры гражданского права, Южный федеральный университет.

Information about the author

E. V. Kondratenko – Postgraduate Student of the Department of Civil Law, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026; одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 03.06.2026.
The article was submitted 22.04.2026; approved after reviewing 01.06.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 58–68
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):58–68

Научная статья
УДК 346.7
EDN RCJAYG

Правовая природа цифровых финансовых активов и особенности их гражданско-правового оборота в системе внешнеэкономических сделок

Артем Александрович Вологдин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, vologdin.art@gmail.com, SPIN-код: 3238-2225, https://orcid.org/0009-0002-1523-5200

Аннотация

Введение. Смена технологической парадигмы, обозначаемая в литературе как четвертая промышленная революция, привела к трансформации среды обращения информации и появлению особых нематериальных объектов – цифровых прав. В ответ на запрос правовой регламентации российский законодатель сформировал собственный подход к регулированию цифровых финансовых активов, который заметно расходится с распространенной за рубежом моделью токенизации.

Цель. Выявление особенностей российской модели регулирования цифровых финансовых активов, формирующейся по пути точечной токенизации ограниченного круга имущественных прав, а также оценка ее влияния на гражданско-правовой оборот и внешнеэкономические операции. Дополнительная цель – выработать предложения по преодолению нормативных коллизий, связанных с дуалистической природой цифровых финансовых активов и их «выпадением» из традиционной конструкции объектов внешнеторговых сделок.

Методы. Формально-юридический анализ российского законодательства о цифровых финансовых активах, гражданском и валютном регулировании, системно-структурный подход к выявлению места цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав, а также сравнительно-правовой метод при сопоставлении российской модели точечной токенизации с зарубежными моделями широкого охвата цифровыми записями разнообразных активов. Использовались элементы доктринального и казуального анализа для исследования научных позиций, судебной и договорной практики, а также функциональный подход для раскрытия двойственной роли цифровых финансовых активов.

Результаты. Установлено, что российский законодатель сформировал узкий, жестко очерченный контур допустимой токенизации, ограничив цифровые финансовые активы денежными требованиями, правами по эмиссионным ценным бумагам, корпоративными правами в непубличных АО и требованиями о передаче ценных бумаг. Показано, что во внешнеэкономической плоскости цифровые финансовые активы оказываются вне классической схемы «товары – работы – услуги – результаты интеллектуальной деятельности», что осложняет квалификацию трансграничных операций и выбор режима валютного контроля. Выявлена дуалистичность правовой природы цифровых финансовых активов: они одновременно выступают самостоятельным объектом гражданских прав и специальным способом фиксации обязательственных притязаний в распределенном реестре. Отмечено противоречие между технологическим потенциалом распределенных реестров и консервативной моделью регулирования, исключающей криптовалюты, публичные АО и гибридные инструменты (включая стейблкоины).

© Вологдин А. А., 2026

Выводы. Сделан вывод о необходимости пересмотра конструкции цифровых финансовых активов: закрепления в законе их обязательственного характера и оборотоспособности лежащих в основе требований; разворачивания экспериментальных правовых режимов для гибридных цифровых инструментов и токенизированных акций публичных обществ; внедрения особого вида внешнеэкономической сделки с двойным предметом, в рамках которой цифровые финансовые активы рассматриваются как цифровой сертификат обязательства, а не окончательный объект купли-продажи. Это позволит согласовать внешнеэкономическую природу таких операций с использованием распределенного реестра как технической инфраструктуры их документирования и исполнения.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, правовая природа, внешнеэкономическая сделка, распределенный реестр, обязательственные права, оборотоспособность, экспериментальный правовой режим

Для цитирования: Вологдин А. А. Правовая природа цифровых финансовых активов и особенности их гражданско-правового оборота в системе внешнеэкономических сделок // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 58–68. EDN RCJAYG

Original article

The legal nature of digital financial assets and the specifics of their civil turnover in the system of foreign economic transactions

Artem A. Vologdin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, vologdin.art@gmail.com,
SPIN-code: 3238-2225, https://orcid.org/0009-0002-1523-5200

Abstract

Introduction. The change in the technological paradigm, referred to in the literature as the fourth industrial revolution, led to the transformation of the information circulation environment and the emergence of special intangible objects – digital rights. In response to a request for legal regulation, the Russian legislator has developed his own approach to regulating digital financial assets, which is markedly at odds with the tokenization model widely used abroad.

The purpose of the study is to identify the features of the Russian model of regulation of digital financial assets, which is being formed along the path of point-based tokenization of a limited range of property rights, as well as to assess its impact on civil law turnover and foreign economic transactions. An additional goal is to develop proposals to overcome regulatory conflicts related to the dualistic nature of digital financial assets and their "falling out" from the traditional design of objects of foreign trade transactions.

Methods: a formal legal analysis of Russian legislation on CFA, civil and currency regulation, a system-structural approach to identifying the place of digital financial assets in the system of objects of civil rights, as well as a comparative legal method for comparing the Russian model of point tokenization with foreign models of wide coverage of digital records of various assets. Elements of doctrinal and casual analysis were used to study scientific positions, judicial and contractual practices, as well as a functional approach to uncover the dual role of digital financial assets.

Results. It has been established that the Russian legislator has formed a narrow, rigidly outlined outline of acceptable tokenization, limiting digital financial assets to monetary claims, rights under equity securities, corporate rights in non-public joint-stock companies and requirements for the transfer of securities. It is shown that in the external economic plane, digital financial assets are outside the "goods – works – services – results of intellectual activity" class scheme, which complicates the qualification of cross–border transactions and the choice of a currency control regime. The duality of the legal nature of digital financial assets has been revealed: they simultaneously act as an independent object of civil rights and a special way of fixing binding claims in a distributed

registry. There is a contradiction between the technological potential of distributed registers and a conservative regulatory model that excludes cryptocurrencies, public joint-stock companies and hybrid instruments (including stablecoins).

Conclusions. It is concluded that it is necessary to revise the design of digital financial assets: to consolidate in law their binding nature and the turnover of the underlying requirements; to deploy experimental legal regimes for hybrid digital instruments and tokenized shares of public companies; to introduce a special type of foreign economic transaction with a dual subject, in which digital financial assets are considered as a digital certificate of commitment, not the final object of purchase and sale. This will allow to reconcile the external economic nature of such operations with the use of a distributed registry as a technical infrastructure for their documentation and execution.

Keywords: digital financial assets, legal nature, foreign economic transaction, distributed registry, rights of obligations, turnover, experimental legal regime

For citation: Vologdin A.A. The legal nature of digital financial assets and the specifics of their civil law turnover in the system of foreign economic transactions. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):58–68. (In Russ.). EDN RCJAYG

Введение

Смена технологической парадигмы, обозначаемая в литературе как четвертая промышленная революция, привела к трансформации среды обращения информации и появлению особых нематериальных объектов – цифровых прав. В ответ на запрос правовой регламентации российский законодатель сформировал собственный подход к регулированию цифровых финансовых активов (ЦФА), который заметно расходится с распространенной за рубежом моделью токенизации. Однако при всей новизне конструкции, ее интеграция в систему внешнеэкономических сделок выявила ряд противоречий: ЦФА, будучи цифровыми правами, встроенными в обязательственные отношения, выпадают из классической триады объектов внешнеторговых сделок, что порождает неопределенность их квалификации как валютной ценности или средства платежа. Настоящая статья направлена на анализ правовой природы ЦФА, выявление особенностей их гражданско-правового оборота в трансграничном контексте и обоснование предложений по совершенствованию регулирования.

Материалы и методы

В данной статье использованы формально-юридический метод для анализа нормативных актов и правоприменительной практики, сравнительно-правовой метод для сопоставления российского и зарубежного подходов к регулированию ЦФА, а также метод доктринального анализа, позволивший систематизировать научные позиции относительно правовой природы цифровых активов и их пригодности к обороту во внешнеэкономической деятельности.

Результаты и обсуждение

Смена технологической парадигмы, которую в научной и публицистической литературе обозначают как четвертую промышленную революцию или «Индустрию 4.0» [1], проявляется прежде всего в том, что экономическая деятельность все в большей степени опирается на компьютерно-опосредованные процессы обработки и передачи данных [2]. В интерпретации Дона Тэпскотта ключ к пониманию этого сдвига дает феномен «digitization»: экономическое и социальное взаимодействие организуется вокруг информации, существующей изначально и преимущественно в цифровой форме, а не переводимой в нее постфактум [3; 4].

Именно такая трансформация среды обращения информации создала предпосылки для появления особых нематериальных объектов, которые в научной литературе и нормативных актах получили условное обозначение как «цифровые объекты прав». Как только за этими объектами была признана экономическая значимость, возникла потребность

осмыслить их и как возможные объекты гражданских прав, что, в свою очередь, спровоцировало широкую дискуссию о границах правосубъектности в цифровой среде [5]. В русле этих процессов и стала вырисовываться конструкция цифровых финансовых активов (ЦФА): она выступила своеобразным индикатором перехода к цифровой экономике и одновременно незавершенным, находящимся в стадии становления правовым инструментом. Российский законодатель, реагируя на запрос на нормативную регламентацию цифровых активов, не стал заимствовать доминирующую в ряде зарубежных юрисдикций модель токенизации активов, а сформировал собственный подход, который заметно расходится с распространенной за рубежом концепцией.

Правовая оболочка ЦФА стала оформляться в контексте реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»[1]. В ходе ее осуществления был принят комплекс нормативных актов, среди которых ключевое значение имеет специальный закон о цифровых финансовых активах. В части 2 статьи 1 этого закона законодатель не просто вводит термин, а фиксирует, какие именно виды прав он готов считать цифровыми финансовыми активами. К ним отнесены денежные требования, права, реализуемые по эмиссионным ценным бумагам, корпоративные права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также притязание на передачу эмиссионных ценных бумаг, если все это прямо предусмотрено решением о выпуске ЦФА, принятым в установленном данным законом порядке. Существенным является и способ существования таких прав: они не оформляются на бумажных носителях, а возникают, учитываются и переходят исключительно через изменение записей в информационной системе, основанной на технологии распределенного реестра или иной сопоставимой цифровой инфраструктуре.

Из самого текста легальной дефиниции заметно, что в нее изначально не были включены такие явления цифровой финансовой среды, как криптовалюты, различного рода токены и иные подобные образования. Иначе говоря, законодатель сознательно сузил объем понятия ЦФА, несмотря на то что на ранних этапах разработки концепции многие российские цивилисты склонялись к тому, чтобы охватывать этим термином совокупность как токенов, так и криптовалют [6]. Этот первоначальный, более широкий замысел просматривается и в ранней редакции законопроекта «О цифровых финансовых активах», в которой цифровые финансовые активы трактовались прежде всего как имущество, существующее в электронной форме[2].

Обращение к научной литературе показывает, что последующее нормативное разведение цифровой валюты и ЦФА во многом отвечает логике гражданско-правового мышления. Там, где речь идет об обязательственных денежных требованиях, правах по эмиссионным ценным бумагам, требованиях об их передаче или участии в капитале непубличного общества, круг носителей прав и обязанностей поддается достаточно четкому определению. Иначе обстоит дело с децентрализованной цифровой валютой, по отношению к которой идентификация контрагентов зачастую принципиально затруднена [7]. Однако для понимания того, как именно организуется правовой режим отношений, связанных с ЦФА, недостаточно лишь констатировать различие по субъектному признаку. Необходимо проследить, как цифровая форма фиксации прав и обязанностей влияет на отдельные этапы развития обязательства и на фактические результаты взаимодействия его участников.

Если вновь обратиться к формулировке части 2 статьи 1 закона о ЦФА, можно заметить, что законодатель фактически сконцентрировал в рассматриваемой конструкции

[1] Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС Консультант Плюс.
[2] Законопроект «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7 (дата обращения 22.02.2026).

четыре группы имущественных прав: денежные требования, возможности реализации прав по эмиссионным ценным бумагам, корпоративные права участника непубличного акционерного общества и требования о передаче эмиссионных ценных бумаг, заранее обозначенных в решении о выпуске ЦФА. По существу, это не новые для российской правовой системы притязания, а уже давно освоенные в обороте инструменты, которые теперь получили иную – цифровую – форму фиксации и обращения.

Именно поэтому при анализе содержания ЦФА принципиальное значение приобретает вопрос не о новизне самих прав, а об их пригодности к обороту. Денежное требование, будучи по общему правилу разновидностью обязательственного права требования уплаты суммы денег, может возникать из самых разных юридических фактов. Оно формируется не только в рамках гражданско-правового обязательства, но и на основании судебных актов, норм налогового права, трудовых отношений, а также в связи с привлечением лица к административной или уголовной ответственности. Для всех указанных категорий требований характерно то, что они не ориентированы на свободное обращение и не предназначены для включения в гражданско-правовой оборот как объекты частноправовых сделок. Соответственно, такие притязания не могут рассматриваться как содержательное наполнение ЦФА.

Даже в пределах собственно обязательственных отношений нередки случаи, когда связь между правом требования и личностью кредитора либо должника настолько тесна, что делает невозможным отрыв этого права от первоначального субъекта. Подобные притязания, по самой их правовой природе, не поддаются обороту и не могут быть включены в конструкцию цифрового финансового актива. Иллюстрацией выступает ситуация с независимой гарантией: уступка прав бенефициара по такой гарантии признается ничтожной, если одновременно не переходят к тому же лицу права по основному обязательству.

В этой связи предложение пересмотреть и уточнить легальную формулу, описывающую ЦФА, выглядит логичным. Для адекватного нормативного описания конструкции необходимо прямо подчеркнуть, что в ее рамках могут существовать лишь такие денежные требования, которые, во-первых, являются обязательственными по своей правовой природе и, во-вторых, обладают качеством оборотоспособности. Именно совокупность этих характеристик и формирует внутреннее содержание цифрового финансового актива как особой правовой модели.

При внимательном чтении закона о ЦФА обращает на себя внимание и иное обстоятельство. Законодатель, устанавливая предельный перечень прав, которые допускается «оцифровывать» в форме ЦФА, не раскрывает мотивов, по которым из этого круга исключены акции публичных акционерных обществ и эмиссионные ценные бумаги, подлежащие конвертации в такие акции. В тексте закона отсутствуют пояснения, объясняющие данный запрет. Можно лишь реконструировать возможную логику: опасения, связанные с использованием дистанционных цифровых форм привлечения инвестиций для противоправных целей, а также исторически негативный опыт массового вовлечения населения в сомнительные схемы акционирования в 1990-е гг. (деятельность АО «МММ» и подобные ей практики), вероятно, сыграли немалую роль. Вполне допустимо, что по мере накопления положительного опыта применения ЦФА в непубличных акционерных обществах и совершенствования механизмов контроля указанное ограничение может быть постепенно снято, что расширит круг субъектов и инструментов, способных использовать данную конструкцию.

Подробный анализ норм закона о ЦФА обнаруживает еще одну методологическую проблему: в самом тексте акта на разных уровнях конкурируют две модели понимания цифрового финансового актива. В одних статьях (часть 4 статьи 1, часть 1 статьи 2, часть 5 статьи 6 и др.) ЦФА фактически описываются как разновидность имущественных прав, т. е. как объекты гражданского оборота, обладающие признаком оборотоспособности. В тех же или смежных положениях просматривается иной акцент: ЦФА выступают не столько как самостоятельные объекты, сколько как особый способ фиксации и удостоверения имущественных

прав в рамках информационной системы. Такое наложение двух логик в одном и том же правовом массиве неизбежно порождает неопределенность и затрудняет формирование устойчивой правоприменительной линии. С этим во многом и связана та обстоятельность и осторожность, с которой конструкции ЦФА внедряются в гражданский оборот, несмотря на очевидный инновационный и экономический потенциал.

По своей сути имущественные права, наполняющие конструкцию цифровых финансовых активов, представляют собой требования, вытекающие из гражданско-правовых обязательств. На это последовательно указывают как представители научного сообщества [8], так и Конституционный Суд Российской Федерации[1], который в своих актах фактически исходит из аналогичного понимания природы таких притязаний. При этом ни один из перечисленных законодателем элементов содержания ЦФА не может быть охарактеризован как принципиально новый для теории гражданского права. Речь идет о традиционных конструкциях, давно апробированных как в доктрине, так и в судебной и договорной практике, их новизна определяется не столько характером защищаемого интереса, сколько способом его фиксации и обращения.

Именно этот аспект – технологическая оболочка прав – некоторые исследователи, в частности А. И. Гончаров и В. А. Садков, выдвигают на первый план [9]. В их интерпретации специфика ЦФА коренится не в содержании удостоверяемых прав, а в использовании принципиально иного, инновационного механизма их документирования и учета. Такой подход акцентирует внимание, во-первых, на цифровом характере фиксации обязательств, а во-вторых, на необходимости использования специализированных алгоритмов, с помощью которых обеспечивается, с одной стороны, надежная идентификация участников в электронно-виртуальной среде, а с другой – точное определение объема их притязаний, сроков исполнения денежных обязательств и порядка их прекращения.

Следование подобной модели возможно лишь при наличии соответствующей технической инфраструктуры и кадровых компетенций. Участники гражданского оборота, вовлекаемые в отношения по поводу ЦФА, должны обладать определенным уровнем цифровой грамотности и технической оснащенности. Кроме того, сама архитектура оборота ЦФА изначально ориентирована на наличие специализированных профессиональных посредников. Закон прямо фиксирует их статус, вводя такие фигуры, как оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператор обмена цифровых финансовых активов. Без этих субъектов технологический контур ЦФА попросту не может функционировать.

Однако сосредоточение внимания исключительно на технологической стороне, как представляется, не позволяет в полной мере раскрыть правовую природу ЦФА. Трактовка, предложенная А. И. Гончаровым и В. А. Садковым, оказывается чрезмерно технократичной именно потому, что фактически отодвигает на второй план вопрос о содержании удостоверяемых прав. Между тем в праве форма задает лишь режим существования явления, тогда как его природа и отраслевое «встраивание» определяются содержанием. Игнорирование этого соотношения чревато тем, что цифровая оболочка начинает восприниматься как самоценная, тогда как в действительности она должна рассматриваться лишь как инструмент, обслуживающий уже известные гражданско-правовые конструкции, а не подменяющий их.

Мы предлагаем сместить фокус внимания с технического инструментария на целевую экономическую и правовую природу явления. Вместо того чтобы видеть в ЦФА прежде всего инновационный способ удостоверения (цифровую обертку), мы предлагаем рассматривать

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1999 № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк» // Собрание законодательства РФ. 08.11.1999. № 45. Ст. 5478.

их как новую юридическую реальность, в которой технология вторична по отношению к существу обязательства. Суть ЦФА определяется не тем, как они записаны (на каком алгоритме и с какой степенью защиты), а тем, какое именно правомочие получает их обладатель: становится ли он кредитором по денежному требованию, участником корпорации или получателем дохода от инвестиций.

Как представляется, исходить нужно из того, что законодатель в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА закрепил не просто «цифровую форму», а особый вид имущества, где содержательная часть (финансовый актив) является системообразующей. Технические условия – идентификация, алгоритмы, операторы – это лишь инфраструктура, обеспечивающая оборот этих содержательных прав, но не заменяющая их собой. Подход, ставящий во главу угла технологию, неизбежно ведет к тому, что под регулирование попадает «способ передачи данных», а не сами общественные отношения, что для права является путем к утрате регуляторной глубины.

Иными словами, особенностью ЦФА следует считать не специфику «бумаги» (пусть и цифровой), а специфику тех имущественных притязаний, которые эта «бумага» удостоверяет.

Чтобы глубже разобраться в природе цифровых финансовых активов, полезно сопоставить их с уже привычными рыночными инструментами. Наиболее распространенный вид ЦФА представляет собой денежное требование, то есть право на получение рублей, иностранной валюты или даже цифровой валюты. Хотя по закону криптовалюты вроде биткоина не признаются деньгами, такой актив по своей сути напоминает классические финансовые инструменты. В зависимости от условий выпуска он может быть похож либо на кредит, либо на облигацию: если эмитент обязуется регулярно выплачивать инвестору фиксированный доход, сходство с купонными облигациями становится особенно явным.

Главное преимущество ЦФА перед традиционными облигациями заключается в его доступности. Выпустить такой актив может компания любого масштаба, и интерес инвесторов будет определяться исключительно репутацией и надежностью самого эмитента. Это, в свою очередь, стимулирует бизнес работать более прозрачно. Важно учитывать, что данный тип ЦФА является прямым обязательством эмитента без права регрессного переложения долга на третьих лиц (дебиторов). Вследствие этого при инвестиционном анализе приоритетное значение приобретает платежеспособность самого эмитента как фундаментальный фактор кредитного риска.

Иная разновидность цифровых финансовых активов предоставляет возможность участия в капитале непубличного акционерного общества. Данный инструмент является релевантным механизмом для учреждения новых компаний, а в сегменте крупного бизнеса позволяет оперативно структурировать совместные предприятия. По существу, речь идет о способе привлечения долевого финансирования, при котором одним из участников (партнеров) может выступать, в частности, кредитная организация. Для субъектов малого предпринимательства и стартапов указанный механизм создает правовую основу для проведения первичного размещения цифровых акций либо первичного предложения токенов (ICO) в строгом соответствии с нормами российского законодательства.

Отдельную категорию составляют цифровые финансовые активы, удостоверяющие права на эмиссионные ценные бумаги (акции, облигации, опционы эмитента, депозитарные расписки), а также гибридные ЦФА, которые сочетают признаки как классических ЦФА, так и утилитарных цифровых прав, предоставляющих возможность получения товара, услуги или скидки. В качестве примера можно привести стейблкоины. Так, централизованные стейблкоины востребованы для биржевых операций и розничных расчетов. Локальные стейблкоины выполняют функцию сохранения стоимости и удобны для обменных операций. Глобальные стейблкоины способствуют ускорению трансграничных переводов,

снижению их стоимости, а также расширению доступности криптоактивов для широкого круга пользователей.

В научной литературе понятие цифровых финансовых активов традиционно раскрывается через их обязательственную природу и привязку к распределенному реестру, однако практическая ценность такого подхода определяется тем, насколько эффективно ЦФА могут быть интегрированы во внешнеэкономическую деятельность.

В исследовании В. Н. Грепана акцент смещается с общей цифровизации на конкретный механизм использования блокчейна в трансграничных расчетах, где архитектура распределенного реестра позволяет минимизировать участие банковских посредников. При этом автор подчеркивает, что реализация этого потенциала сдерживается незавершенностью технических решений, фрагментарностью нормативной базы и недостаточной осведомленностью пользователей [10].

Коллективное исследование С.Н. Рябухина, М.А. Минченкова, И.А. Кокорева и других рассматривает ЦФА именно через их пригодность для обслуживания международного товарооборота, раскрывая потенциал инструмента через изменения в финансовой инфраструктуре трансграничных сделок [11]. Обобщение этих работ приводит к двойственному выводу: новые технологии формируют заметный резерв для ускорения международной торговли, но без устойчивой нормативной основы и масштабируемой инфраструктуры их влияние остается фрагментарным.

Отсюда вытекает необходимость выстраивания целостной стратегии, в которой правовое регулирование, технологическое развитие и институциональная адаптация соединяются в единую схему, обеспечивающую постепенное встраивание цифровых решений в архитектуру внешнеэкономических связей.

Законодательные изменения уже запустили заметный сдвиг в динамике национального рынка цифровых финансовых активов. Иллюстративные данные, представленные на рис. 1, показывают, что после вступления новелл в силу, то есть с марта 2024 г., объем рынка переходит к устойчивому росту. Если в начале указанного периода совокупная оценка рынка ограничивалась 34,164 млрд руб., то к октябрю того же года значение этого показателя последовательно увеличивалось и достигло локального максимума – 199,585 млрд руб., что свидетельствует о быстром расширении практики использования ЦФА.

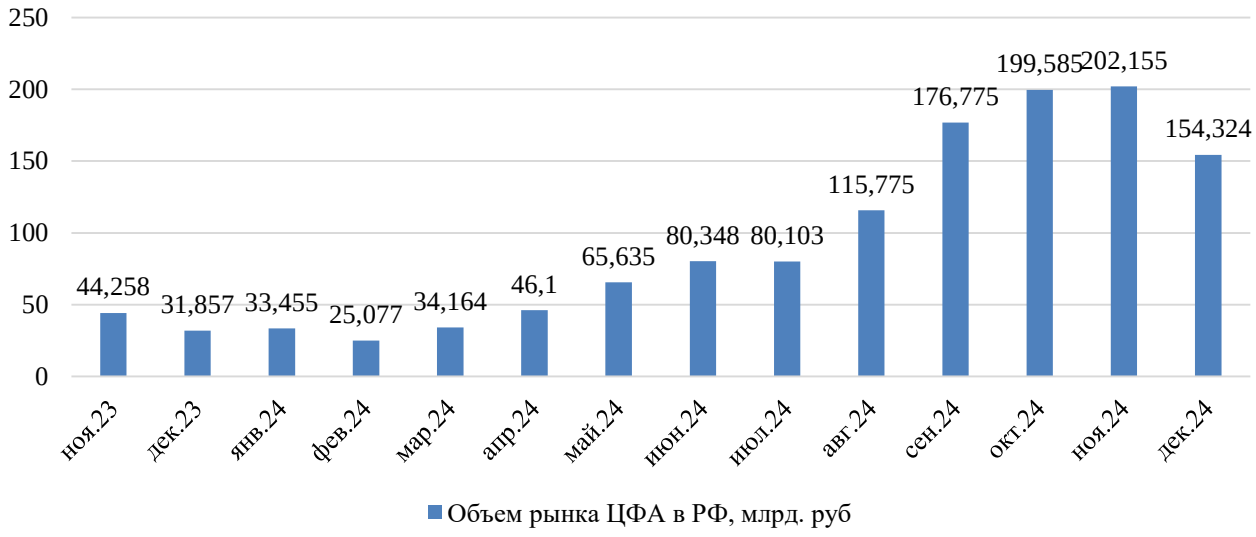

Рис. 1. Объем рынка ЦФА в РФ, млрд руб. [12]
Fig. 1. Volume of the CFA market in the Russian Federation, billion rubles [12]

Однако несмотря на развитие рынка, интеграция ЦФА в реальную практику внешнеторговых расчетов сталкивается, на наш взгляд, с серьезными ограничениями. Главным препятствием выступает своего рода замкнутость отечественных ЦФА. Все активы, пригодные для использования в расчетах, эмитируются исключительно в рамках российских информационных систем и подчиняются национальному правовому полю. Такая изолированность, как можно заметить, существенно снижает их привлекательность для трансграничных операций: по сути, они оказываются «привязанными» к инфраструктуре одной страны. Так же можно отметить и такие проблемы, как недостаточная ликвидность и специфика структуры эмитируемых инструментов, сдержанная позиция потенциальных зарубежных партнеров, включая контрагентов из дружественных государств.

Технологические ограничения играют не менее важную роль. Глобальная инфраструктура, которая должна обеспечивать бесперебойную запись и передачу прав по ЦФА в трансграничном формате, еще не достигла уровня зрелости, позволяющего говорить о высокой надежности и масштабируемости таких решений.

Заключение

Таким образом, в российском подходе к регулированию цифровых финансовых активов обнаруживается парадокс (противоречие), требующий дальнейшего осмысления. Стремясь создать инновационную правовую среду, законодатель фактически ограничился переносом традиционных имущественных прав в цифровую форму, исключив из поля регулирования наиболее революционные явления цифровой экономики, такие как криптовалюты и токены. Такая консервативная позиция, продиктованная стремлением защитить рынок от потенциальных злоупотреблений, приводит к смысловой двойственности самого понятия ЦФА, которое одновременно понимается и как объект прав, и как способ удостоверения требований. Это замедляет формирование правоприменительной практики и не позволяет в полной мере реализовать потенциал распределенных реестров для оборота ценных бумаг публичных обществ, оставляя за рамками регулирования гибридные инструменты вроде стейблкоинов, которые уже активно используются в мировой практике.

Для преодоления сложившегося дисбаланса между технологическим потенциалом и правовым консерватизмом предлагаем сместить акценты в нормотворчестве с описания конкретных видов удостоверяемых прав на закрепление принципов оборотоспособности и обязательственной природы лежащих в основе требований. Вместо дальнейшей детализации цифровой обертки прав законодателю следует предложить рынку экспериментальные правовые режимы, позволяющие апробировать выпуск гибридных инструментов и токенизированных акций публичных обществ под надзором регулятора. Как представляется, реализация такого подхода позволит, с одной стороны, сохранить необходимый уровень защиты прав инвесторов, а с другой открыть возможность для легального обращения тех цифровых активов, которые в настоящее время находятся в «серой зоне» правового регулирования. Тем самым, на наш взгляд, будут созданы условия для формирования полноценной экосистемы цифровых финансов, отвечающей вызовам нового экономического уклада.

Цифровые финансовые активы, будучи по своей природе цифровыми правами, встроенными в обязательственные отношения, парадоксальным образом выпадают из классической триады объектов внешнеэкономических сделок товаров, работ, услуг и результатов интеллектуальной деятельности. Это порождает ситуацию правовой неопределенности, когда сделка формально соответствует требованиям закона о ЦФА, но ее внешнеэкономический характер вызывает сомнения у правоприменителей и банковских комплаенс служб из-за невозможности однозначно идентифицировать предмет сделки как валютную ценность или как средство платежа.

Специфика использования ЦФА в трансграничных расчетах обусловлена расщеплением момента исполнения обязательств, так как запись в распределенном реестре сама

по себе не прекращает обязательство, а лишь фиксирует факт передачи цифрового права, тогда как действительное исполнение требует совершения действий уже за пределами цифровой среды.

Для разрешения выявленной проблемы предлагается ввести в законодательную практику категорию внешнеэкономической сделки с двойным предметом исполнения.

Суть предложения заключается в том, чтобы рассматривать цифровой финансовый актив не как конечный объект сделки, а как цифровой сертификат обязательства совершить в будущем действия, составляющие действительный интерес контрагента (есть сходство с опционами). Такая квалификация позволяет сохранить внешнеэкономический характер сделки даже при использовании промежуточных цифровых инструментов, поскольку действительным предметом остается перемещение товаров, выполнение работ или оказание услуг через границу, а цифровой актив выполняет функцию технического средства фиксации и передачи прав, связанных с таким перемещением. Для практической реализации этого подхода требуется закрепление в операторских правилах платформ ЦФА обязательного указания в решении о выпуске цифрового финансового актива не только характеристик самого права, но и идентифицирующих признаков той внешнеэкономической сделки, в обеспечение исполнения обязательств по которой данный актив выпускается.

Список источников

1. Тарасов И. В. Индустрия 4. 0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. №6 (50). С. 57–63. EDN: UWAXCR

2. Matytsin D. E. Internet space and artificial intelligence: problems of entrepreneurship and law enforcement // Legal Concept. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 178-185. https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26. EDN: SXQIAF

3. Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. М., 2021. 221 с. EDN: WXIPXC

4. Tapscott, D. [BOOK REVIEW] The digital economy, promise and peril in the age of net-worked intelligence // Journal of Policy Analysis and Management. 1999. Vol. 18, No. 1. P. 156-168. EDN: GXXYLH

5. Лаптев В.А. и др. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М.: Проспект, 2021. 488 с. https://doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488. ISBN: 978-5-392-32860-4. EDN: TAFUVS

6. Цинделиани И. А. Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // Юрист. 2019. № 3. С. 34–41. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2019-3-34-41. EDN: ZARCXJ

7. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2022. 211 с. EDN: JNBPCF

8. Объекты гражданских прав: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. коллектив: И.В. Балтутите, А.И. Гончаров, Д.Н. Давтян-Давыдова [и др.]; под ред. проф. А.О. Иншаковой, проф. А.И. Гончарова. М.: Изд-во ВолГУ, 2018. 567 с.

9. Гончаров А. И., Садков В. А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 82–90. https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11. EDN: DULVYU

10.Грепан В. Н. Влияние технологии блокчейн на международные платежи и переводы // Прогрессивная экономика. 2023. № 11. С. 190–202. https://doi.org/10.54861/27131211_2023_11_190. EDN: IUNYIN

11. Рябухин С. Н. Цифровые финансовые активы как инструмент международных расчетов / С. Н. Рябухин, М. А. Минченков, И. А. Кокорев [и др.] // Мир новой экономики. 2024. Т. 18. № 2. С. 59–68. https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-2-59-68. EDN: JHVXGU

12. Новская Н.С. Цифровые финансовые активы как средство платежа в рамках внешнеэкономической деятельности // Прогрессивная экономика. 2025. № 1. С. 210–220. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_1_210. EDN: BPICLO

References

1. Tarasov I.V. Industry 4.0: Concept, Concepts, Development Trends. *Business Strategies*. 2018;6(50):57–63. (In Russ.). EDN: UWAXCR

2. Matytsin D.E. Internet space and artificial intelligence: problems of entrepreneurship and law enforcement. *Legal Concept.* 2022;21;(1):178–185. https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26. EDN: SXQIAF

3. Razdorozhny K.B. *Financial and legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation and foreign countries*: dissertation of the cand. jurid. sciences'. Moscow; 2021. 221 p. (In Russ.). EDN: WXIPXC

4. Tapscott, D. [BOOK REVIEW] The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. *Journal of Policy Analysis and Management.* 1999;18;(1):156–168. EDN: GXXYLH

5. Laptev V.A. et al. *Digital economy: conceptual foundations of legal regulation of business in Russia* / edited by V.A. Laptev, O.A. Tarasenko. Moscow: Prospekt; 2021. 488 p. (In Russ.). https://doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488

6. Tsindeliani I.A. The Legal Nature of Digital Financial Assets: A Private Law Aspect. *Yurist.* 2019;(3):34–41. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1812-3929-2019-3-34-41. EDN ZARCXJ

7. Sadkov V.A. *Digital financial assets as objects of civil rights and their circulation*: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.03. Volgograd; 2022. 211 p. (In Russ.). EDN: JNBPCF

8. *Objects of civil rights: textbook. handbook for bachelor's, specialist's, and master's degrees* / author's collective: I.V. Baltutite, A.I. Goncharov, D.N. Davtyan-Davydova [et al.]; edited by Prof. A.O. Inshakova, Prof. A.I. Goncharov. Moscow: VolGU Publishing House; 2018. 567 p. (In Russ.)

9. Goncharov A.I., Sadkov V.A. The Legal Nature of Digital Financial Assets under the Legislation of the Russian Federation. *Legal Paradigm.* 2023;22(2):82–90. (In Russ.). https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11. EDN: DULVYU

10. Grepan V.N. The Influence of Blockchain Technology on International Payments and Transfers. *Progressive Economy.* 2023;(11):190–202. (In Russ.). https://doi.org/10.54861/27131211_2023_11_190. EDN: IUNYIN

11. Ryabukhin S.N. Digital Financial Assets as a Tool for International Settlements / S.N. Ryabukhin, M.A. Minchenkov, I.A. Kokorev [et al.]. *World of New Economy.* 2024;18;(2):59–68. https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-2-59-68. EDN JHVXGU. (In Russ.).

12. Novskaya N.S. Digital Financial Assets as a Means of Payment in Foreign Economic Activity. *Progressive Economy.* 2025;(1):210–220. (In Russ.). https://doi.org/10.54861/27131211_2025_1_210. EDN: BPICLO

Информация об авторе

А. А. Вологдин – соискатель ученой степени кандидата наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

A. A. Vologdin – Degree-seeking Cand. Sci. (Law), Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 15.05.2026.
The article was submitted 06.04.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 15.05.2026.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ*

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 69–80
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):69–80

Научная статья
УДК 342.7
EDN DWZBIM

Государственные программы и инициативы по поддержке традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации

Альбина Славовна Лолаева

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Россия, mirag.8184@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9021-7531

Аннотация

Введение. Государственная политика Российской Федерации в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей направлена на обеспечение социокультурной устойчивости общества через поддержку института семьи, культурного наследия и нравственного воспитания. Эффективность этой политики зависит от сбалансированного сочетания законодательного регулирования, ресурсной поддержки и создания благоприятной культурно-образовательной среды.

Цель. Комплексный анализ роли и механизмов государственной поддержки традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации. Исследуются основные функции государства в этой сфере, включая законодательное регулирование, образовательные, культурные и социальные инициативы, а также оценивается эффективность применяемых инструментов.

Методы. В работе применён комплекс общенаучных и частнонаучных методов. В частности, институциональный, системно-структурный и функциональный подходы использованы для анализа взаимодействия государства с общественными институтами (семья, образование, культура, религиозные организации). Формально-логический метод применялся для анализа норм конституционного и отраслевого законодательства. Применялись также методы сравнительного анализа и статистического наблюдения (количественные и качественные показатели социологических данных) для оценки реализации федеральных и региональных программ. Эмпирическую базу составляют федеральные законы, указы Президента РФ, федеральные проекты («Демография», «Образование», «Культура»), данные о грантовой поддержке, а также результаты социологических исследований, отражающих динамику ценностных установок граждан. Особое внимание уделено методам оценки эффективности государственной политики в данной сфере.

Результаты. В статье показано, что государство реализует многоаспектную политику, выступая одновременно как гарант прав, координатор, заказчик и регулятор. Проанализированы конкретные механизмы: законодательное закрепление основ семейной политики, интеграция воспитательных программ в образование, экономическая поддержка семьи, субсидирование культурных проектов, ориентированных на традиционные сюжеты, а также партнерство

© Лолаева А. С., 2026

* В данном разделе опубликованы статьи, написанные авторами в рамках совместного тематического проекта с научным журналом «Журнал политических исследований».

с религиозными и общественными институтами. Выявлено, что ключевой задачей является переход от директивной трансляции ценностей к созданию условий для их воспроизводства обществом. Отмечена необходимость совершенствования системы оценки эффективности, особенно в части измерения долгосрочных воспитательных эффектов.

Выводы. Эффективность государственной политики по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей зависит от институциональной последовательности и гибкости инструментов, позволяющих адаптироваться к региональной специфике. Перспективными направлениями развития являются усиление роли независимой экспертизы в оценке программ, расширение грантовой поддержки низовых инициатив и более глубокое вовлечение культуры и искусства в формирование ценностного ландшафта. Успех зависит от сбалансированного подхода, сочетающего материальную поддержку с созданием благоприятной культурно-образовательной среды.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, государственная политика, законодательное регулирование, семейная политика, образование, культурное наследие, государственные программы, оценка эффективности, гражданские инициативы, религиозные институты

Для цитирования: Лолаева А. С. Государственные программы и инициативы по поддержке традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 69–80. EDN DWZBIM

Original article

The state programs and initiatives to support traditional spiritual and moral values in the Russian Federation

Albina S. Lolaeva

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, mirag.8184@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9021-7531

Abstract

Introduction. The state policy of the Russian Federation in the field of traditional spiritual and moral values is aimed at ensuring the sociocultural stability of society through support for the institution of the family, cultural heritage, and moral education. The effectiveness of this policy depends on a balanced combination of legislative regulation, resource support, and the creation of a favorable cultural and educational environment.

The purpose of this article is a comprehensive analysis of the role and mechanisms of state support for traditional spiritual and moral values in the Russian Federation. It examines the main functions of the state in this area, including legislative regulation, educational, cultural, and social initiatives, and also assesses the effectiveness of the tools used.

Methods. The study utilizes a combination of general and specific scientific methods. Specifically, institutional, systemic-structural, and functional approaches were employed to analyze the interactions between the state and public institutions (family, education, culture, and religious organizations). A formal-logical method was employed to analyze constitutional and sectoral legislation. Comparative analysis and statistical observation (quantitative and qualitative sociological data) were also employed to assess the implementation of federal and regional programs. The empirical base consists of federal laws, decrees of the President of the Russian Federation, federal projects (Demography, Education, and Culture), grant data, and the results of sociological surveys reflecting the dynamics of citizens' value attitudes. Particular attention is paid to methods for assessing the effectiveness of public policy in this area.

Results. The article demonstrates that the state implements a multifaceted policy, acting simultaneously as a guarantor of rights, a coordinator, a customer, and a regulator. Specific mechanisms are analyzed: legislative consolidation of the foundations of family policy, integration of educational programs into schooling, economic support for families, subsidizing cultural projects focused on traditional themes, and partnership with religious and public institutions. It is revealed that the central task is to transition from the directive transmission of values from above to creating conditions for their reproduction by society, family, educational, and cultural institutions. The need to improve the system for evaluating policy effectiveness, especially regarding measuring long-term educational effects, is noted.

Conclusions. The effectiveness of state policy in preserving and strengthening spiritual and moral values depends on institutional consistency and the flexibility of tools that allow adaptation to regional specifics. Promising areas for development include strengthening the role of independent expertise in program evaluation, expanding grant support for grassroots initiatives, and deeper involvement of culture and art in shaping the value landscape. Success depends on a balanced approach that combines material support with the creation of a favorable cultural and educational environment.

Keywords: spiritual and moral values, state policy, legislative regulation, family policy, education, cultural heritage, state programs, effectiveness evaluation, civil initiatives, religious institutions

For citation: Lolaeva A. S. The state programs and initiatives to support traditional spiritual and moral values in the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):69–80. (In Russ.). EDN DWZBIM

Введение

Государство в вопросах сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей выполняет одновременно несколько ролей: гарант права на культурную и духовную самобытность, координатор общественных инициатив, крупный заказчик и инвестор в культурно-образовательную инфраструктуру, а также регулятор, формулирующий нормативные рамки и стимулирующий желаемые практики. Эффективность государственной политики в этой сфере зависит от сочетания институциональной последовательности и гибкости инструментов, позволяющих адаптироваться к региональной специфике и меняющемуся общественному контексту. Центральным подходом должна быть не директивная трансляция ценностей сверху, а создание условий и стимулов для их воспроизводства обществом, семьей, образовательными и культурными институтами.

Материалы и методы

В рамках проведенного исследования, направленного на всесторонний анализ взаимодействия государства с общественными институтами (семья, образование, культура, религиозные организации) и оценку эффективности механизмов государственной политики в данной сфере, был применен комплекс общенаучных и частнонаучных методов, обеспечивающий многоаспектность и глубину анализа. Выбор и сочетание этих методов обусловлены сложностью объекта исследования, который представляет собой динамичную систему с множеством взаимосвязанных элементов.

Для изучения структурной организации и процессов функционирования указанных социальных систем были задействованы основополагающие общенаучные подходы:

- институциональный подход, который позволил рассмотреть семью, систему образования, учреждения культуры и религиозные организации не как статичные образования, а как устойчивые социальные институты, обладающие собственными нормами, ролями, санкциями и ресурсами;

- системно-структурный метод, с помощью которого была рассмотрена совокупность государственных органов, регулирующих сферу общественных связей, и самих институтов как единую, сложную, иерархически организованную систему;

- функциональный подход, позволивший дать оценку целесообразности и результативности деятельности каждого института в контексте государственных целей и общественных потребностей.

Помимо общенаучных конструкций, в работе применялись специфические методы, соответствующие предмету изучения:

- формально-логический метод, послуживший инструментом для строгого анализа нормативно-правовой базы, регулирующей взаимодействие государства и рассматриваемых социальных институтов;

- метод сравнительного анализа (компаративистика), позволивший более глубокого понять эффективность существующих моделей;

- методы социологического и статистического исследования (статистическое наблюдение; контент-анализ; анализ вторичных данных), применявшиеся для оценки реального воздействия государственной политики и динамики ценностных установок граждан.

Особое внимание в работе уделено методам оценки эффективности реализуемых мер, поскольку именно в этой плоскости наиболее остро проявляется результат взаимодействия государства и социальных институтов.

Комплексное применение указанных методов стало возможным благодаря обширной эмпирической базе, включающей:

- нормативно-правовые акты: федеральные законы, определяющие основы государственной семейной политики, образовательного процесса, взаимодействия с НКО и регулирующие конфессиональную сферу;

- акты исполнительной власти: Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, а также ведомственные приказы, регламентирующие реализацию федеральных проектов («Демография», «Образование», «Культура»);

- финансовые и проектные данные: отчеты о распределении и освоении средств грантовой поддержки, статистика участия институтов в федеральных конкурсах;

- социокультурные данные: результаты социологических исследований, отражающих динамику ценностных установок граждан, уровень доверия, удовлетворенность качеством предоставляемых институтами услуг.

Таким образом, использование синергии общенаучных подходов (институционального, системного, функционального) и специализированных методов (формально-логического, компаративного, статистического моделирования) обеспечило формирование всесторонней и научно обоснованной картины сложного и многоуровневого взаимодействия государства и ключевых общественных институтов.

Результаты и обсуждение

Роль государства в укреплении традиционных ценностей характеризуется полиаспектностью, проявляющейся в его функциях регулятора, координатора и инвестора. Нормативно-правовая основа устанавливает ключевые векторы развития и гарантирует юридическую охрану ключевых институциональных структур. В фундаментальных документах, таких как Конституция РФ, а также в специализированных правовых нормах, фиксируются базовые положения семейной политики, принципы свободы вероисповедания, меры по сохранению культурного наследия и право на образовательный процесс, интегрирующий элементы воспитания. При этом законодательные инструменты обязаны функционировать как механизм содействия, а не как средство тотальной стандартизации; целесообразна вариативность методик с учетом региональных культурных специфик и конфессионального плюрализма.

Образование является ключевым каналом передачи нравственных ориентиров. Интеграция программ духовно-нравственного воспитания в школьные и вузовские учебные программы, развитие воспитательных практик в школьной среде, поддержка воспитательных инициатив педагогов и семей-наставников создают долговременный эффект. Государственные проекты по повышению квалификации учителей, созданию методических материалов и поддержке профильных факультативов обеспечивают системный характер воспитательной работы. При этом важна опора на современные педагогические технологии, которые учитывают возрастные особенности, стимулируют критическое мышление и формируют готовность к ответственному выбору, а не только к безусловному следованию предписаниям. Как верно отмечается в литературе, «человек – это единство материального и духовного. При этом надо учитывать очень важную закономерность: внешний прогресс невозможен без внутреннего, духовного совершенствования человека. Духовность – это не только состояние, это ещё и процесс развития духовных способностей человека и их постоянное поддержание на уровне, достаточном для принятия правильных жизненных решений» [1, с. 12].

Семейная политика – ещё один центральный элемент. Прямые экономические стимулы, программы поддержки материнства и детства, льготы для семей с детьми, развитие семейной инфраструктуры (детские сады, доступные услуги досуга, создание семейных центров) способствуют укреплению семейных институтов как носителей нравственных практик. Современный уровень оказания помощи семьям с детьми отличается «строго персональной направленностью, когда на уровне законодательства точно дифференцируется помощь с учетом имеющегося статуса семьи, что позволяет оказывать такую поддержку, которая необходима именно конкретной семье, с учетом условий проживания и возможностей для воспитания детей. Такой подход позволяет не только распределять средства федерального, регионального бюджетов согласно их целевому назначению, но и оказывать помощь семье таким образом, чтобы выделяемые средства были потрачены именно на те нужды и потребности семьи, удовлетворение которых позволит обеспечить базовые потребности наиболее незащищенных членов семьи» [2, с. 122].

Культура и искусство выполняют роль символического пространства, в котором ценности интерпретируются и переживаются. Государственная поддержка кинопроизводства, театров, музеев и издательств, создание грантовых программ для художественных проектов, ориентированных на традиционные сюжеты и актуализацию национальной памяти, развивают культурный ландшафт, в котором формируются нравственные ориентиры. Культурные программы «гарантируют производство: а) материальных ценностей (экономика, политика, управление, технология); б) духовных ценностей (религия, литература, искусство, наука, нравственность, право, образование, массовая коммуникация, социальная память); в) гуманистических ценностей (человеческая личность, обладающая умственными и комммуникативными способностями, знаниями, умениями, ценностными ориентациями, необходимыми для создания материальных и духовных ценностей). Социально зрелая человеческая личность – ключевое звено во всех культурных надбиологических программах, поэтому социальным институтам образования и коммуникации принадлежит сложная и ответственная роль в гуманистической человекотворческой культуре. Из этого следует, что главной целью культурной политики Российского государства следует считать формирование гуманистических сущностных сил гражданского общества, и прежде всего – подрастающего поколения» [3, с. 118]. Значимы также меры по сохранению материального и нематериального наследия: реставрация памятников, поддержка ремёсел, финансирование этнографических и фольклорных инициатив, развитие локальных праздников и обрядов как факторов со-воспитания.

Государство не может выступать в этой области в изоляции от свободы совести и вероисповедания. Кооперация с религиозными объединениями, межконфессиональные платформы и общественные советы позволяют привлекать устойчивые сети социальной поддержки и авторитеты, которые влияют на повседневную практику граждан. При этом взаимодействие строится на принципах партнёрства и законности: религиозные организации участвуют в социальных проектах, образовательных и благотворительных инициативах, сохраняя свободу совести и равный доступ для всех граждан. Можно сделать общий вывод, что «свобода совести не может и не должна трактоваться произвольно: идеологический и религиозный плюрализм создает мировоззренческий хаос, угрожающий национальной безопасности. Современная политическая обстановка требует утверждения тех приоритетов защиты личности, общества и государства, которые будут способствовать единению народа, укреплению российской государственности и обретению подлинного суверенитета. Такими приоритетами являются противодействие национализму, сепаратизму, культу богатства и денег, нравственному разложению детей и молодежи, пропаганде оккультных практик в средствах массовой информации, деятельности синкретических и языческих религиозных движений и объединений» [4, с. 324].

Информационная политика и медиасреда играют критическую роль в актуализации ценностей. Государственные и поддерживаемые публично проекты должны способствовать созданию качественного контента на русском языке и языках народов, проживающих на территории России, поддерживать семейные и просветительские форматы, а также стимулировать профессиональные стандарты журналистики и креативной индустрии. Программы поддержки медиапроектов, фестивалей и конкурсов дают шанс увидеть положительные примеры и распространять их в обществе. Важно при этом сохранять баланс между поддержкой и независимостью медиа, чтобы государственная помощь не превращалась в инструмент навязывания единой точки зрения.

Поддержка гражданских инициатив и НКО, работающих в социальной, образовательной и культурной сферах, делает политику живой и гибкой. Система грантов, конкурсных фондов и программ сопровождения проектов позволяет возникать инициативам снизу, адаптированным к локальным условиям. Государство выступает здесь не только как донор, но и как платформа для координации, распространения лучших практик и создания условий для масштабирования успешных проектов.

Региональная политика должна учитывать культурное разнообразие и специфику исторического опыта субъектов федерации. Централизованные меры сопровождаются поддержкой региональных программ, стимулированием межмуниципального сотрудничества и созданием сетей культурного взаимодействия. Финансирование локальных центров культуры, поддержка национальных языков и традиций укрепляют ощущение принадлежности и повышают устойчивость ценностных практик. Проблема существования традиционной культуры в современном обществе «имеет свою историю, тесно связанную с развитием теории модернизации, которая от исходных позиций отрицания возможности существования традиции в современных условиях со временем эволюционировала в модернизационную парадигму. Многолинейная версия последней основана на признании инновационного потенциала этнических традиций» [5, с. 601].

Сегодня никто не подвергает сомнению «способность традиции к адаптации, к выработке «иммунитета», срабатывающего в условиях серьезных вызовов глобального информационного пространства, как и способность современного общества принимать и актуализировать традицию. Попытки «отмены» традиции, которые, как правило, предпринимаются в ходе включения традиционных обществ в широкое инокультурное пространство, сталкиваются с «культурным иммунитетом», защищавшим ее от разрушения и обеспечивавшим безболезненную адаптацию к инновациям» [6, с. 32]. В этой связи заслуживают внимания представления о структуре традиционной культуры, сложившиеся в рамках концепции культурной диффузии [7], которые предполагают наличие в традиционной культуре ядра и защитного пояса. Ядро – это «нормы жизни и ценности, ответственные за сохранение и передачу следующим поколениям идентичности социума, поэтому оно стабильно и мало подвержено переменам. Функцию защиты выполняет некий пояс, который, с одной стороны, нейтрализует угрозы влияния других культур, а с другой – обеспечивает адаптацию к меняющимся условиям» [5, с. 602]. К примеру, С. А. Раздольский рассматривал ядро культуры как «ее центральную, непротиворечивую, стабильную часть, влияющую на «периферию», определяющую тип культуры и удерживающую ее от распада» [8, с. 77].

Оценка эффективности и открытость к корректировке курса – важные элементы устойчивой политики. Показатели включают не только количественные метрики (охват программ, количество участвующих), но и качественные исследования: социологические опросы, независимые экспертные оценки, мониторинг влияния программ на поведение и установки. Регулярная публикация отчётов, вовлечение академического сообщества и общественный диалог помогают корректировать стратегии и повышают доверие к государственным инициативам.

Государственные программы и инициативы, ориентированные на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, образуют комплекс многоуровневых мероприятий, фокусирующихся на сохранении и развитии института семьи, консолидации коллективной исторической памяти, формировании культурного пространства и морально-этическом воспитании молодого поколения. Данные инициативы воплощаются в жизнь посредством национальных проектов, федеральных целевых программ, систем грантового финансирования, партнерства с конфессиональными и гражданскими структурами, а также локальных региональных и муниципальных подходов.

В рамках государственной политики по укреплению традиционных ценностей, национальные проекты выступают в роли основных механизмов институциональной поддержки. Эти инициативы включают специализированные направления, ориентированные на прямое продвижение и консолидацию социально-ценностных ориентиров. В частности, национальный проект «Демография» акцентирует внимание на усилении мер по содействию семейным структурам, включая такие инструменты, как материнский (семейный) капитал, целевые ежемесячные пособия для молодых семей, инициативы по стимулированию демографического роста, а также инвестиции в инфраструктуру дошкольных учреждений и системы здравоохранения, ориентированные на матерей и несовершеннолетних. Национальный проект «Образование» фокусируется на интеграции образовательных программ по этическому и патриотическому воспитанию, повышении квалификации педагогических кадров, обеспечении методологической базы для учебных курсов с акцентом на морально-гражданские аспекты, а также на расширении внеурочной деятельности и сети детских учреждений, выступающих платформами для процессов социализации и интегрированного обмена ценностями. Национальный проект «Культура» ориентирован на стратегическое сохранение культурно-исторического достояния, субсидирование деятельности музеев, театральных коллективов и традиционных ремесел, равно как и на ресурсное обеспечение просветительских культурных программ и событий, предназначенных для семейных групп и подрастающего поколения.

Механизмы распределения грантов играют определяющую роль в активации местных инициатив. Федеральные субсидии, президентские фонды, а также тендерные механизмы, реализуемые Министерством культуры и Федеральным министерством просвещения, предоставляют финансовые ресурсы некоммерческим структурам, конфессиональным группам и региональным программам, фокусирующимся на патриотическом воспитании, укреплении института семьи, сохранении этнокультурного наследия в форме фольклора и аутентичных промыслов. Эта модель способствует усилению общественной активности и идентификации инновационных подходов, обладающих потенциалом для масштабирования, минимизируя риски гиперцентрализации административного контроля. Среди доступных методик действуют конкурсная оценка предложений, партнерское софинансирование и квалифицированная методическая поддержка, что повышает профессиональную квалификацию коллективов и их способность к долгосрочной адаптации в условиях социально-экономических трансформаций.

В контексте современной педагогической парадигмы патриотическое и историческое воспитание реализуется посредством многообразия мероприятий и институциональных структур. Программы, ориентированные на сохранение преемственности исторической памяти относительно Великой Отечественной войны и других ключевых событий отечественной истории, предполагают государственное финансирование общенациональных акций (таких как «Бессмертный полк» и военно-исторические фестивали), строительство мемориальных комплексов и музейных экспозиций, а также разработку образовательных модулей, интегрирующих элементы практических занятий на локальных объектах. Студенческие и молодежные объединения, в частности ассоциация «Юнармия», получают системную

институциональную поддержку со стороны государства, выступая в качестве ключевой платформы для вовлечения подрастающего поколения в военно-патриотические практики и волонтерскую деятельность, что, в свою очередь, способствует институционализации общих социальных норм, включая принципы солидарности, культуры дисциплины и формирования гражданской идентичности.

В рамках государственной политики взаимодействия с религиозными институтами и традиционными вероисповеданиями реализуются инициативы, ориентированные на реставрацию храмовых и историко-культурных объектов, проведение образовательных мероприятий и оказание социальной поддержки. Модель государственно-религиозного сотрудничества способствует реализации программ на уровне приходов и филантропических структур, предоставляющих адресную помощь семьям, находящимся в уязвимом положении, стимулирующих развитие волонтерских практик в социальной сфере и вовлекающих в воспитательные проекты подрастающее поколение. При этом административные инструменты включают механизмы конкурентного отбора и мониторинг эффективности расходования ресурсов.

Сфера медийного производства и развлекательной индустрии интегрируется в стратегии консолидации традиционных моральных ориентиров. Инициированные государством и совместные грантовые программы побуждают к созданию контента с акцентом на семейные ценности и национальный патриотизм, включая кинематографические ленты, телевизионные циклы и просветительские материалы; практикуется предоставление финансовых стимулов для проектов, рассчитанных на детскую и семейную аудиторию, а также субсидирование издательской деятельности в области литературы для детей и тематики православной культуры. Формирование цифровых платформ, содержащих компоненты исторического наследия, наряду с поддержкой сетей библиотечных учреждений и акций по популяризации семейного чтения, способствует созданию всеобъемлющей социокультурной среды, где традиционные сюжеты и модели поведения становятся доступны широким массам. Особый акцент делается на защите нематериального культурного наследия – обычаев и традиций, воплощенных в человеческой деятельности, а не в физических объектах. Государственные меры предусматривают целенаправленную финансовую помощь учебным заведениям и специализированным центрам, обучающим традиционным ремесленным техникам, организуют полевые исследования этнографов для фиксации локального фольклора, инициируют фестивальные и зрелищные мероприятия народного творчества, а также разрабатывают образовательные модули для юных поколений, обеспечивающие освоение аутентичных методик предшествующих эпох.

Такие подходы идут дальше простого сбора отдельных техник или историй. Они укрепляют связь поколений – чтобы знания передавались от бабушек и дедушек к внукам, сохраняя ритуалы, праздники и местные особенности. В итоге это делает культурно-нравственные ценности более устойчивыми, особенно когда общество меняется под влиянием новых технологий. Так традиции не угасают, а продолжают жить [9, с. 190].

Региональные и муниципальные инициативы важны как лаборатории адаптации федеральной политики к местным условиям. Многие субъекты федерации реализуют собственные программы поддержки семей, фестивали традиций, программы развития семейных центров и клубов, конкурсы «Лучшая многодетная семья», системы наставничества и межпоколенного обмена. Такая децентрализация позволяет учитывать этноконфессиональные и культурные особенности регионов, а также вовлекать местные сообщества в управление программами.

В Северной Осетии-Алании проводят, например, национальный фестиваль «Фыдæлты фарн». Среди его задач – повышение интереса молодёжи к истокам национальной культуры,

интеграция народных обычаев в современную культуру, воспитание любви к родному языку[1].

В 2023 г. был открыт первый в СКФО Семейного многофункционального центра во Владикавказе. Центр создан для оперативного и комплексного оказания социальных услуг семьям с детьми в различных жизненных ситуациях[2]. В 2024 г. семья Марзоевых из Северной Осетии победила во Всероссийском конкурсе «Семья года» в номинации «Многодетная семья». В апреле 2025 г. прошёл региональный этап этого конкурса, в котором участвовали семьи Северной Осетии-Алании в разных номинациях[3].

Оценка эффективности государственной политики в сфере духовно-нравственных ценностей требует системного и многопланового подхода, поскольку её результаты проявляются не только через легко поддающиеся учёту показатели, но и через сложные изменения в поведении, установках и институциональных практиках общества. Ключевая трудность состоит в том, что нравственные ориентиры развиваются медленно и зависят от множества факторов – экономических, демографических, образовательных, культурных и международных – что делает прямую атрибуцию эффектов к отдельным государственным инициативам проблематичной. Задача «переформатирования мира на основе высокой духовности и моральности является актуальной, в том числе и в плане построения нравственного государства, но ее решение будет сложным и практически невозможным, особенно в нестабильных социумах, в государствах переходного типа» [10, с. 13]. Тем не менее, возможна выработка наборов критериев и процедур, позволяющих сформировать обоснованную и репрезентативную картину достижений и ограничений проводимой политики.

Первым элементом оценки должна стать чёткая и прозрачная система целевых показателей (KPI), согласованная между федеральными и региональными структурами, научным сообществом и общественными организациями. Такие показатели должны сочетать количественные и качественные метрики: демографические тренды и показатели семейного благосостояния; уровень участия граждан в культурных и религиозных мероприятиях; распространённость и доступность институтов семейной поддержки; показатели образовательной деятельности по воспитанию (число программ, охват учащихся, результаты тестов по медиаграмотности и гражданской культуре); индикаторы активности волонтерства и межпоколенного обмена; наличие и качество культурного контента в медиапространстве.

Второй важный компонент — независимый мониторинг и внешняя экспертиза. Государственные отчёты и ведомственные мониторинговые данные необходимо дополнять исследованиями академических институтов и независимых НКО, проводящими качественные этнографические и социологические исследования.

Третий аспект – оценка экономической эффективности и устойчивости мер. Распределение финансовых и материальных ресурсов на укрепление института семьи, культурного сектора и системы образования целесообразно анализировать с позиции баланса между вложенными расходами и получаемыми социально-экономическими преимуществами. В частности, такие меры способствуют минимизации уязвимости семейных структур, продлению срока совместного проживания членов семьи в едином хозяйстве, снижению количества разводов, а также повышению процента граждан, вовлеченных в культурно-досуговые практики. Здесь уместно применять методы экономической оценки программ, а также анализ мультипликативного эффекта для локальных экономик (создание рабочих мест в креативных индустриях, приток туристов на культурные события и т. п.).

Четвертым направлением является изучение региональной дифференциации результатов. Российская Федерация характеризуется широкой культурной и социально-экономической

[1] https://alaniatv.ru/ (дата обращения: 12.02.2026.)
[2] https://alania.gov.ru/news/13550 (дата обращения: 12.02.2026.)
[3] https://minsotc.alania.gov.ru/news/3070 (дата обращения: 12.02.2026.)

вариативностью, поэтому политика, создающая положительный эффект в одних субъектах, может оказаться менее эффективной в других. Оценка должна учитывать факторы локальной инфраструктуры, уровня доходов, демографической структуры и этноконфессионального состава. Выявление лучших практик на местах и их масштабирование через сопровождение (методическое, финансовое и кадровое) может повысить общую результативность политики без чрезмерной централизации.

Пятый момент – анализ влияния на молодое поколение и устойчивость изменений. Измерять успешность воспитательных программ следует через индикаторы, связанные с ценностными ориентациями подростков и молодёжи, их участием в волонтерских и культурных проектах, отношением к семейным ролям, гражданской активности и уровню медиаграмотности. Эффект можно оценивать с помощью лонгитюдных исследований, отслеживающих одни и те же когорты в течение нескольких лет, что даёт понимание, сохраняются ли привитые установки при переходе к взрослой жизни.

Наконец, выводы по текущему состоянию. Можно отметить, что политика по сохранению духовно-нравственных ценностей обладает значительным потенциалом, обеспечивая материальные и институциональные условия для передачи традиций. Вместе с тем её реальное влияние ограничено фрагментарностью мониторинга, недостаточной интеграцией качественных исследований и несистемной оценкой долгосрочных эффектов. Человек «не может выжить в мире без традиций или в мире, где традиции или нормы являются предметом выбора, так как само осознание себя человеком происходит в рамках той или иной традиции. Освоение традиции предшествует появлению личности» [11, с. 73]. Укрепление системы оценки, повышение прозрачности, вовлечение независимых экспертов и региональных сообществ, а также более чёткая привязка мер к измеримым целям позволят не только точнее выявлять достижения, но и своевременно корректировать курс, минимизируя риски побочных эффектов и повышая устойчивость нравственных практик в условиях быстрой социальной и технологической трансформации.

В современных реалиях последовательная реализация государственной ценностно-ориентированной политики авторами видится в принятии отдельного федерального закона, «регулирующего процесс формирования ценностно-идеолого-политического арсенала взаимодействия многонационального российского народа и властно-управленческих структур, направленного на сохранение и приумножение традиционных ценностей (среди которых приоритетное значение будет иметь жизнь, достойное и свободное развитие человека, сохранение и приумножение человеческого капитала, т.е. универсальные ценности, которые составляют одну из базовых основ конституционного строя России). Данный нормативный правовой акт (созданный в форме федерального закона, обладающего большей юридической силой, чем подзаконные акты, к числу которых относится большинство стратегий и концепций, принимаемых указами главы государства) в последующем может стать фундаментом для защиты основных векторов социально ориентированной государственной политики и эффективным инструментом, который будет гарантировать их приоритет в системе госуправления и социальных практиках» [12, с. 13].

Заключение

Проведенное исследование позволило всесторонне проанализировать роль и механизмы государственных программ и инициатив традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации. Преобразование подходов к оценке и интеграция результатов в управленческие решения остаются критически важными задачами для обеспечения долгосрочной эффективности политики. Учитывая выявленную фрагментарность мониторинга и потребность в качественной оценке, следующим логическим шагом является не только совершенствование методологии сбора данных, но и создание постоянно функционирующего механизма обратной связи, который интегрирует научные выводы и общественные настроения непосредственно в процесс разработки и корректировки ведомственных программ.

Необходимо перейти от оценки, сфокусированной лишь на охвате и освоении средств, к оценке социокультурной трансформации: измерение того, насколько успешно внешние государственные стимулы (гранты, программы, законы) преобразуются во внутренние, устойчивые установки граждан и поведенческие паттерны в семье, школе и на рабочем месте. Это требует разработки валидных социальных индикаторов, способных измерять такие непрямые показатели, как уровень эмпатии в молодежной среде, качество межпоколенческого диалога, снижение уровня социального отчуждения и повышение готовности к гражданскому участию, основанному на моральных обязательствах, а не только на формальных требованиях.

Более того, для достижения заявленной цели – создания условий для воспроизводства ценностей обществом, а не директивной трансляции – необходимо усилить сетевое взаимодействие и делегирование ответственности на субсидиарный уровень. Государство должно выступать в роли архитектора среды, а не единственного поставщика контента. Это означает переход к более зрелой форме партнерства с НКО, религиозными организациями и образовательными учреждениями, где грантовая поддержка дополняется не только финансовым аудитом, но и методическим наставничеством. Региональные и местные институты, доказавшие свою эффективность в сохранении и актуализации локальной идентичности (как продемонстрировано на примере Северной Осетии-Алании), должны получать больше автономии в выборе инструментов, при условии, что они демонстрируют измеримые результаты в рамках общих стратегических ориентиров. Такая децентрализация усилит «культурный иммунитет» традиций, позволяя им адаптироваться к вызовам глобализации, оставаясь при этом верными своему ядру.

В перспективе развитие государственной стратегии должно базироваться на трех столпах: прозрачность и научность оценки, децентрализация исполнительских функций и усиление роли диалога. Принятие специального федерального закона может послужить прочным юридическим каркасом для придания этим принципам статуса обязательных норм, защищая их от смены ведомственных приоритетов. Этот закон должен не просто закрепить существующие направления, но и институционализировать сам механизм постоянной научной экспертизы и общественного обсуждения политики, гарантируя, что усилия государства будут не только последовательными, но и гибкими, способными отвечать на постоянно усложняющийся ценностный ландшафт XXI века, где духовное развитие становится необходимым условием для принятия адекватных жизненных решений и обеспечения суверенитета личности и нации.

Список источников

1. Мухин М. И. Духовно-нравственное воспитание – краеугольная основа формирования личности человека // Перспективы науки и образования. 2024. № 5(71). С. 10–29. https://doi.org/10.32744/pse.2024.5.1. EDN: DEDGTC

2. Летова Н. В. Материнство и детство как основа семейной политики: современность и историческое наследие // Государство и право. 2023. № 3. С. 120–127. https://doi.org/10.31857/S102694520024778-6. EDN: FDDJVK

3. Соколов А. В., Тургаев А. С. Традиционные ценности и книжная культура // Научные и технические библиотеки. 2022. № 7. С. 116-128. https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-7-116-128. EDN: NMCZYO

4. Клейменов М. П., Сейбол Е. М. Свобода совести и национальная безопасность // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 323–332. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(4).323-332. EDN: KRZABW

5. Канукова З. В. Традиционная культура народов Северного Кавказа в современном обществе // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 599-606. https://doi.org/10.32653/CH203599-606. EDN: XKLOPM

6. Миронов В. В. Информационное пространство: вызов культуре // Информационное общество. 2005. № 1. С. 31–35. EDN: KVMGOB

7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

8. Раздольский С. А. Проблемы и подходы в теории и методике изучения адыгской культуры // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 209–222.

9. Шаткин М. А., Орлов М. О. Этнокультурная традиция как наследие: реконцептуализация в условиях современности // Россия и современный мир. 2024. № 4(125). С. 190–204. https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12. EDN: IIVBWI

10. Левченков А. И., Глазков В. А. Нравственное государство: реальность и перспективы // Государство и право. 2022. № 4. С. 13–20. https://doi.org/10.31857/S102694520019553-9. EDN: KDXRNF

11.Гиринский А. А. О консервативном балансе и традиционных ценностях // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2(120). С. 64–75. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-64-75. EDN: JFZNJJ

12.Алексеев Р. А. Основные векторы государственной политики Российской Федерации в ценностно-программных нормативных документах // Журнал политических исследований. 2026. № 1. С. 3–16. https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-3-16. EDN: DMQVQM

References

1. Mukhin M.I. Spiritual and moral education as the cornerstone of human personality formation. *Perspectives of Science and Education.* 2024;5(71):10–29. (In Russ.). https://doi.org/10.32744/pse.2024.5.1. EDN: DEDGTC

2. Letova N.V. Motherhood and childhood as the basis of family policy: modernity and historical heritage. *State and Law.* 2023;(3):120–127. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S102694520024778-6. EDN: FDDJVK

3. Sokolov A.V., Turgaev A.S. Traditional values and book culture. *Scientific and Technical Libraries.* 2022; (7):116–128. (In Russ.). https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-7-116-128. EDN: NMCZYO

4. Kleymenov M.P., Seibol E.M. Freedom of conscience and national security. *Russian Journal of Criminology.* 2023;17(4):323–332. (In Russ.)

5. Kanukova Z.V. Traditional culture of the peoples of the North Caucasus in modern society. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus.* 2024;20(3):599–606. (In Russ.). https://doi.org/10.32653/CH203599-606. EDN: XKLOPM

6. Mironov V.V. Information space: a challenge to culture. *Information Society Journal.* 2005;(1):31–35. (In Russ.). EDN: KVMGOB

7. Wallerstein I. *Analysis of world systems and the situation in the modern world.* Translated from English. St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 2001. 416 p. (In Russ.)

8. Razdolsky S.A. Problems and approaches in the theory and methodology of studying Adyghe culture. In: *Socio-Humanitarian and Ecological Problems of the Development of Modern Adygea*. Rostov-on-Don; 2012:209–222. (In Russ.)

9. Shatkin M.A., Orlov M.O. Ethnocultural tradition as heritage: reconceptualization in modern conditions. *Russia and the Contemporary World.* 2024;4(125):190–204. (In Russ.). https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12. EDN: IIVBWI

10.Levchenkov A.I., Glazkov V.A. The moral state: reality and prospects. *State and Law.* 2022;(4):13–20. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S102694520019553-9. EDN: KDXRNF

11. Girinsky A. A. On the conservative balance and traditional values. Russia in global politics. 2023; Vol. 21. (2(120)): P. 64–75. (In Russ.). https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-64-75. EDN: JFZNJJ

12. Alekseev R.A. Main Vectors of the State Policy of the Russian Federation in Value-Program Normative Documents. *Journal of political research.* 2026;(1):3–16. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-3-16. EDN: DMQVQM

Информация об авторе

А. С. Лолаева – доцент кафедры частно-правовых дисциплин, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.S. Lolaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Private Law Disciplines, North-Ossetian State University Named after K. L. Khetagurov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 04.05.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 04.05.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 81–93
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):81–93

Научная статья
УДК 342.5+32
EDN NDCAVW

Организационно-правовые основы государственной политики Российской Федерации по сохранению традиционных ценностей

Наталья Евгеньевна Шакурова[1, 2]

[1]Государственный университет просвещения, Москва, Россия
[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
natalyapretty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3229-095X

Аннотация

Введение. Конституционная реформа 2020 г. изменила не отдельные нормы, а смысловую конструкцию Основного закона. В ст. 67.1, 72, 75.1, 114 законодатель ввел категории, прежде остававшиеся за пределами высшего нормативного уровня: историческую правду, защиту брака как союза мужчины и женщины, сохранение традиционных семейных ценностей. Уже это потребовало доктринальной перенастройки. Затем последовал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее по тексту – Основы), а к концу 2024 г. корпус «защитного» отраслевого законодательства расширился до полутора десятков федеральных законов. К началу 2026 г. государственная политика по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей превратилась в обширную нормативную систему, чей контур еще не получил исчерпывающего юридического описания.

Цель. Систематизировать организационно-правовой механизм государственной политики Российской Федерации по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей, сложившийся к 2026 году; определить его иерархию, выявить характер связей между конституционным аксиологическим ядром, программно-стратегическими актами Президента и Правительства РФ и отраслевым «защитным» законодательством; оценить степень нормативной зрелости региональной модели в субъектах Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Методы. Работа опирается на формально-юридический метод (анализ положений ст. 67.1, 72, 75.1, 114 Конституции Российской Федерации в редакции 2020 г., Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, корпуса федеральных законов № 304-ФЗ, 489-ФЗ, 478-ФЗ, 479-ФЗ, 386-ФЗ, 411-ФЗ); системно-структурный метод (построение иерархической карты источников); сравнительно-правовой метод (сопоставление региональных моделей республик Северного Кавказа и краев Юга России); элементы аксиологического анализа доктринальных позиций (Бондарь, Зорькин, Хабриева, Пермиловский, Чуйченко); статистический метод применен к эмпирическим данным ВЦИОМ, ФОМ и Росстата.

Результаты. Установлено, что к 2026 г. сложилась трехуровневая нормативная архитектура: конституционное аксиологическое ядро, программно-стратегический слой (Указ № 809, Стратегия национальной безопасности), отраслевая операциональная надстройка. Указ № 809 содержит легальную дефиницию традиционных ценностей и закрытый перечень из семнадцати ориентиров, дублирующий п. 91 Стратегии национальной безопасности. Корпус «защитного» законодательства 2020–2024 гг. формирует запретительный сегмент. Северо-Кавказская модель отличается тройственной структурой «государство, традиционные конфессии, этнокультурные обычаи»; чеченская концепция духовно-нравственного воспитания (Указ Главы ЧР от 5 октября 2021 г. № 177) демонстрирует наибольшую концептуальную проработанность. При высоком уровне общественной поддержки (84 % по ВЦИОМ-2025; 85 % по ФОМ-2024) демографические индикаторы свидетельствуют о разрыве между декларацией и поведением.

© Шакурова Н. Е., 2026

Выводы. Организационно-правовые основы политики по сохранению традиционных ценностей оформились как самостоятельный нормативный комплекс на стыке конституционного, административного и информационного права. Юридическая природа Указа № 809 остается дискуссионной: высказанное в литературе предложение о принятии одноименного федерального закона имеет основания, но требует разрешения вопроса о соотношении такого акта со ст. 13 Конституции РФ о запрете государственной идеологии. Региональный сегмент Северного Кавказа представляет наиболее зрелую модель, заслуживающую самостоятельного теоретического обобщения. Сформулированы предложения de lege ferenda: введение института ценностной экспертизы проектов нормативных правовых актов; кодификация регионального законодательства о духовно-нравственном воспитании; расширение полномочий межведомственной комиссии по историческому просвещению.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, конституционные ценности, Указ Президента № 809, Стратегия национальной безопасности, защита семьи, конституционные поправки 2020 года, ценностная экспертиза, региональное законодательство, Северо-Кавказский федеральный округ, правовая аксиология

Для цитирования: Шакурова Н. Е. Организационно-правовые основы государственной политики Российской Федерации по сохранению традиционных ценностей // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 81–93. EDN NDCAVW

Original article

Organizational and legal bases of the state policy of the Russian Federation for the preservation of traditional values

Natalia E. Shakurova[1, 2]

[1]State University of Education, Moscow, Russia
[2]Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
natalyapretty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3229-095X

Abstract

Introduction. The 2020 constitutional reform changed not individual norms, but the semantic structure of the Basic Law. In Articles 67.1, 72, 75.1, 114, the legislator introduced categories that had previously remained outside the highest regulatory level: historical truth, protection of marriage as a union of a man and a woman, and the preservation of traditional family values. This has already required a doctrinal readjustment. This was followed by Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 (hereinafter referred to as the Basics), and by the end of 2024, the body of "protective" sectoral legislation had expanded to one and a half dozen federal laws. By the beginning of 2026, the state policy on the preservation of traditional spiritual and moral values had turned into an extensive regulatory system, whose outline had not yet received an exhaustive legal description.

Purpose. To systematize the organizational and legal mechanism of the Russian Federation's state policy for preserving traditional spiritual and moral values that has taken shape by 2026; to determine its hierarchy; to identify the relationships between the constitutional axiological core, the program-strategic acts of the President and the Government, and the sectoral "protective" legislation; to assess the degree of normative maturity of the regional model in the constituent entities of the North Caucasian and Southern Federal Districts.

Methods. The work relies on the formal-legal method (analysis of articles 67.1, 72, 75.1, 114 of the Constitution of the Russian Federation in the 2020 wording, Presidential Decree No. 809 of November 9, 2022, the body of federal laws Nos. 304, 489, 478, 479, 386, 411); the system-structural method (construction of a hierarchical map of sources); the comparative-legal method (comparison of regional models of the North Caucasian republics and the regions of the Russian South); elements of axiological analysis of doctrinal positions (Bondar, Zorkin, Khabrieva, Permilovsky, Chuychenko); the statistical method is applied to empirical data of VTsIOM, FOM, and Rosstat.

Results. It has been established that by 2026 a three-level normative architecture has taken shape: the constitutional axiological core; the program-strategic layer (Decree No. 809, the National Security Strategy); and the sectoral operational superstructure. Decree No. 809 contains a legal definition of traditional values and a closed list of seventeen reference points that duplicates paragraph 91 of the National Security Strategy. The body of "protective" legislation of 2020-2024 forms the prohibitive segment.

The North Caucasian model is distinguished by a triple structure of "state, traditional confessions, and ethno-cultural customs"; the Chechen concept of spiritual and moral education (Decree of the Head of the Chechen Republic of October 5, 2021 No. 177) demonstrates the greatest conceptual elaboration. With a high level of public support (84% per VTsIOM-2025; 85% per FOM-2024), demographic indicators testify to a gap between declaration and behavior.

Conclusions. The organizational and legal foundations of the policy for preserving traditional values have taken shape as an independent normative complex at the intersection of constitutional, administrative, and information law. The legal nature of Decree No. 809 remains debatable: the proposal expressed in the literature to adopt a federal law of the same name has grounds, but requires resolving the question of how such an act relates to Article 13 of the Constitution prohibiting state ideology. The North Caucasian regional segment represents the most mature model deserving of independent theoretical generalization. Proposals de lege ferenda are formulated: introducing the institute of value-based examination of draft regulatory legal acts; codification of regional legislation on spiritual and moral education; expanding the powers of the interdepartmental commission on historical education.

Keywords: traditional spiritual and moral values, constitutional values, Presidential Decree No. 809, National Security Strategy, family protection, constitutional amendments of 2020, value-based examination, regional legislation, North Caucasian Federal District, legal axiology

For citation: Shakurova N. E. Organizational and legal foundations of the state policy of the Russian Federation for the preservation of traditional values. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):81–93. (In Russ.). EDN NDCAVW

Введение

Конституционная реформа 2020 г. изменила не отдельные нормы, а смысловую конструкцию Основного закона. В ст. 67.1, 72, 75.1, 114 законодатель ввел категории, прежде остававшиеся за пределами высшего нормативного уровня: историческую правду, защиту брака как союза мужчины и женщины, сохранение традиционных семейных ценностей. Уже это потребовало доктринальной перенастройки. Затем последовал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее по тексту - Основы), а к концу 2024 г. корпус «защитного» отраслевого законодательства расширился до полутора десятков федеральных законов. К началу 2026 г. государственная политика по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей превратилась в обширную нормативную систему, чей контур еще не получил исчерпывающего юридического описания.

Парадоксально другое. Декларативная поддержка традиционализма достигла исторических значений (по данным ВЦИОМ, в июле 2025 г. 8 4% респондентов высказались за сохранение традиционных семейных ценностей; по данным ФОМ, 85% самоидентифицируют себя как приверженцев таких ценностей), однако ключевой демографический индикатор (суммарный коэффициент рождаемости) опустился в декабре 2025 г. до 1,374, минимума с конца 1990-х гг. Разнонаправленность нормативной решимости и поведенческой практики ставит вопрос об эффективности самого правового механизма.

В научной литературе исследовались отдельные сегменты этого механизма. В. Д. Зорькин [1] обосновал концепцию баланса конституционных ценностей. Н. С. Бондарь и Э. Э. Баринов [2] разработали теорию практической конституционно-судебной аксиологии, особенно близкую северокавказской правовой школе. Целостной картины, соединяющей конституционный уровень, программно-стратегический указной слой, отраслевые федеральные законы и региональные акты Юга России, пока не предложено.

Цель статьи: реконструировать организационно-правовой каркас государственной политики по сохранению традиционных ценностей в России как иерархическую систему источников и определить место в ней северокавказского регионального сегмента. Задачи: выявить конституционное аксиологическое ядро; описать программно-стратегический слой Указа № 809 и сопряженных актов; систематизировать корпус отраслевого «защитного» законодательства; сопоставить региональные модели Юга России и Северного Кавказа; обозначить узкие места правового регулирования с предложениями de lege ferenda.

Методы и материалы

Методологическая основа сочетает несколько подходов. Формально-юридический метод применен к корпусу актуальных норм: ст. 67.1, 72, 75.1, 114 Конституции РФ в редакции 2020 г.; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809; Указ № 400 от 2 июля 2021 г. (Стратегия национальной безопасности); федеральные законы № 304-ФЗ, 489-ФЗ, 478-ФЗ, 479-ФЗ, 386-ФЗ, 411-ФЗ, 261-ФЗ, 32-ФЗ; распоряжение Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 1734-р. Системно-структурный метод позволил выстроить иерархическую карту источников. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении нормативных моделей Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Дагестан, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области. Эмпирическая база сформирована из открытых данных ВЦИОМ (2023-2025 гг.), ФОМ (опрос 6 сентября 2024 г.), Росстата (демографические показатели за 2024-2025 гг.) и Минюста России.

Обзор научной литературы

Российская юридическая мысль обращалась к проблематике традиционных ценностей задолго до Указа № 809. В работах Н. С. Бондаря, начиная с монографии 2013 г. и продолжая статьями последующих лет [2], сформирована концепция трехуровневой структуры конституционных ценностей: явно закрепленных, имплицитно выраженных через судебную практику, формально не зафиксированных, но действительных. Эта схема, на наш взгляд, остается наиболее операциональной для квалификации самого феномена «традиционных ценностей»: они не сводимы к перечню п. 5 Указа № 809 и одновременно не растворяются в широкой категории конституционных ценностей.

Особую роль в становлении российской конституционной аксиологии сыграли работы В. Д. Зорькина. В тексте «Под знаком обновленной Конституции» [1] председатель Конституционного Суда обосновывает идею «права метамодерна»: признание целостности и единства прошлого, настоящего и будущего как условие нормативного порядка. Однако сам же Зорькин предостерегает от попыток конституционного признания государственной идеологии, видя в этом угрозу плюрализму. Возникающее напряжение между необходимостью устойчивого ценностного фундамента и запретом ст. 13 Конституции задает рамку для всей последующей доктринальной дискуссии.

В. В. Комарова [3] квалифицирует поправки 2020 г. как закрепление новых для конституционного уровня терминов и дефиниций, часть из которых выступает целеполаганием для развития государственной и общественной жизни. Догматический аспект соотношения традиционных ценностей и конституционных ценностей наиболее последовательно раскрыт М. С. Пермиловским [4]: основу содержания конституционных ценностей образуют именно традиционные российские духовно-нравственные ценности, а конституционный контроль выступает инструментом их защиты. Развернутую дискуссию ведут К. А. Чуйченко, Н. М. Кропачев и В. Е. Кондуров [5], предлагающие рассматривать традиционные ценности как контекст современной правовой политики, требующий системного нормативного закрепления механизмов их защиты в отраслевом законодательстве.

Северокавказская правовая школа представлена работами А.И. Овчинникова [6], формулирующего тезис о законодательном обеспечении защиты традиционных ценностей как условии национальной безопасности. На страницах журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» особое место занимают работы Н. Н. Апостоловой [7], связывающей духовно-нравственные ценности с природой российского права, а также М. Д. Шапсуговой [8] и Р. А. Алексеева [9], рассматривающих сопряженные сюжеты национальной политики и трудовой солидарности. Целостной типологии организационно-правового механизма защиты традиционных ценностей с учетом регионального сегмента Юга России в литературе пока не сложилось.

Конституционно-правовое аксиологическое ядро

Закон РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ ввел в состав Основного закона ст. 67.1. Часть 2 этой статьи закрепила преемственность государства и формулу «памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». Часть 3 ввела категорию защиты исторической правды. Часть 4 объявила детей важнейшим приоритетом государственной политики России. Каждая из этих формулировок не имеет аналога в прежней редакции и образует, в терминологии Н.С. Бондаря, явно закрепленную конституционную ценность [2, с. 22]. Особую роль играет ст. 72, ч. 1, п. «ж.1»: к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов отнесена защита института брака как союза мужчины и женщины, защита семьи, материнства, отцовства и детства. Это не повторение формулировок ст. 38: норма перемещена на уровень разграничения предметов ведения, что превращает ее не только в декларацию, но и в основание для принятия региональных нормативных правовых актов. Так возникает региональная подсистема политики защиты традиционных ценностей.

Ст. 75.1 (новая) ввела понятие социальной солидарности и взаимного доверия государства и общества. О. С. Рыбакова [10] показала, что в совокупности указанные формулы переводят конституционно-правовую модель из либерально-индивидуалистической парадигмы в социально-солидаристскую, без отказа от прав и свобод первой главы. Ст. 114, ч. 1, п. «в» возложила на Правительство РФ обязанность обеспечивать единую социально ориентированную политику в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей. Здесь, на уровне распределения функций между ветвями власти, появилось организационное основание всех последующих стратегических документов.

Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З не только подтвердило конституционность поправок, но и сформулировало их аксиологический вектор. Цитируя Постановление КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П, суд указал, что семья, материнство и детство «в их традиционном, воспринятом от предков понимании» представляют собой ценности, обеспечивающие непрерывную смену поколений. Норма о браке как союзе мужчины и женщины, по позиции КС РФ, не носит дискриминационного характера, а отражает «сформированные социальные нормы», ориентированные на сохранение и развитие человеческого рода. В. В. Комарова [3, с. 25] квалифицирует поправки как закрепление новых для конституционного уровня терминов с целеполагающим характером; Г. Д. Садовникова [11, с. 50] фиксирует тезис о том, что только цели, основанные на традиционных ценностях, обеспечиваются народной поддержкой. Конституционный текст в редакции 2020 г. формирует не отдельные нормы, а аксиологический каркас, задающий содержание всему производному регулированию. При этом одна тонкость существенна: прямого упоминания «сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» сама ст. 114 не содержит. Эта формула закреплена в п. 26 и разделе V Стратегии национальной безопасности и в Указе № 809. Формулировка ст. 114 говорит уже: о сохранении традиционных семейных ценностей. Различие не косметическое: расширительное толкование переводит регулирование с конституционного уровня на уровень указной нормы, что меняет правовой режим ценностной материи. Конституционное ядро имеет ясную, но узкую формулировку, тогда как расширенный перечень из семнадцати ценностей закреплен на уровне указа Президента, что юридически слабее. Эта проблема отдельно ставится в литературе с предложением принятия одноименного федерального закона.

Указ № 809 в архитектуре стратегического планирования

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 принят на основании Стратегии национальной безопасности (Указ № 400 от 2 июля 2021 г.), которая в разделе V (п. 84-93) определила защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве восьмого из девяти стратегических национальных приоритетов. Структура Основ включает 32 пункта, объединенных в пять разделов: общие положения; оценка ситуации, угрозы и риски;

цели и задачи; инструменты реализации; ожидаемые результаты. Этот пятичленный каркас не случаен, он повторяет структуру стратегического планирования по ФЗ № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». По юридической природе Основы являются президентским актом программно-стратегического целеполагания. А не федеральным законом; их регулятивное значение состоит в постановке целей, координации публичной власти и задании понятийных ориентиров, но не в самостоятельном введении составов ответственности, ограничений прав или обязанностей частных лиц вне законодательной опоры.

Легальная дефиниция содержится в п. 4: традиционные ценности определены как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Юридически такая дефиниция выполняет одновременно несколько функций: задает предмет регулирования; ограничивает дискрецию правоприменителя; вводит признак идентификации того, что подлежит защите.

Перечень из семнадцати ценностей в п. 5 дублирует п. 91 Стратегии национальной безопасности, что обеспечивает согласованность двух стратегических документов разного уровня. Однако внутренние коллизии перечня очевидны: возможны конфликты между «жизнью» и «служением Отечеству и ответственностью за его судьбу» (готовность к жертвенному поведению), между «коллективизмом» и «правами и свободами человека», между «приоритетом духовного над материальным» и «созидательным трудом». Подобная критика отражает не столько порок самого перечня, сколько отсутствие предусмотренной процедуры разрешения коллизий: п. 6 Основ упоминает христианство, ислам, буддизм, иудаизм с особой ролью православия, но не дает алгоритма иерархизации перечисленных ценностей в случае их столкновения.

Угрозы и риски (п. 13-17 Основ) сформулированы юридически плотно. К деструктивной идеологии отнесены: культивирование эгоизма, вседозволенности и безнравственности; отрицание идеалов патриотизма; разрушение традиционной семьи через пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений; деятельность экстремистских и террористических организаций; действия США и других недружественных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций. Эта часть Основ задает основания для последующих ограничительных норм.

Инструменты реализации (п. 25-28) разделены на четыре категории: правовые (нормотворчество на трех уровнях), организационные (мониторинг, контроль за бюджетным финансированием, ценностная экспертиза проектов), научно-аналитические (исследования, методические рекомендации), информационные (взаимодействие со СМИ). Распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 1734-р утвержден план реализации Основ на 2024-2026 гг.; именно этот документ переводит указ в плоскость поручений конкретным федеральным органам исполнительной власти. Пункт 32 предусматривает корректировку Основ не реже раза в шесть лет. К. А. Чуйченко, Н. М. Кропачев, В. Е. Кондуров [5, с. 159] справедливо отмечают: Указ № 809 формирует контекст современной правовой политики, но не заменяет собой механизмов отраслевого регулирования. Сам по себе указ не вводит запретов и не изменяет правового статуса субъектов; основная нормативная нагрузка ложится на отраслевые федеральные законы.

Корпус «защитного» отраслевого законодательства 2020–2024 гг.

Между конституционным аксиологическим ядром и Указом № 809, с одной стороны, и реальными правоотношениями, с другой, лежит слой отраслевых федеральных законов 2020–2024 гг. Его целесообразно анализировать не как простую сумму запретов, а как совокупность нескольких регулятивных траекторий. Первая траектория – социализационно-

воспитательная: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ закрепил воспитание на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей, ввел ст. 12.1 ФЗ № 273-ФЗ и обязательную рабочую программу воспитания; Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ и последующие поправки 2024 г. придали духовно-нравственному и патриотическому воспитанию молодежи статус самостоятельных направлений публичной политики. Здесь аксиологическое содержание приобретает не карательную, а организационную форму.

Вторая траектория – информационно-ограничительная. Федеральные законы от 5 декабря 2022 г. № 478-ФЗ и № 479-ФЗ, а также законы 2024 г. о запрете пропаганды идеологии чайлдфри расширили сферу административно-правовой охраны публичной коммуникации. Их общая закономерность состоит в переносе акцента с общего декларирования защиты семьи и детства на регулирование информационной среды: право реагирует не на частное поведение как таковое, а на публичное распространение моделей, квалифицированных законодателем как деструктивные. Такая техника усиливает охранительный потенциал механизма, но одновременно требует повышенной определенности составов правонарушений.

Третья траектория – статусно-семейная и биомедицинская. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ, запретивший медицинские вмешательства, направленные на смену пола, одновременно затронул медицинское, семейное и регистрационное право; последующие изменения в СК РФ и ФЗ № 143-ФЗ показывают, что защита традиционных ценностей здесь осуществляется через уже существующие институты правового статуса, брака, усыновления и опеки. В этом сегменте особенно заметна межотраслевая природа регулирования: ценностный мотив не создает новый кодекс, а переориентирует действующие правовые конструкции.

Отдельный блок образуют нормы, связанные с историко-патриотической и оборонной повесткой: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ, ст. 20.3.3 КоАП РФ, обновленная Стратегия противодействия экстремизму 2024 г., а также решение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. по административному делу № АКПИ23-990с. Эти акты не всегда прямо апеллируют к Указу № 809, но функционально работают на защиту тех элементов ценностного контура, которые связаны с патриотизмом, исторической памятью и гражданским единством.

Тем самым «защитное» законодательство имеет смешанную юридическую природу: оно включает запретительные, организационные и стимулирующие элементы. Его развитие обнаруживает общую закономерность перехода от декларации ценностей к отраслевым механизмам их правовой охраны, однако результативность такого перехода не может измеряться только количеством запретов. Для оценки необходимы критерии правовой определенности, соразмерности ограничения прав, согласованности с конституционными принципами и измеримых социальных эффектов. В этом смысле вывод Н.В. Летовой [12, с. 55] о морально-нравственной основе государства требует дополнения инструментами юридической проверки качества регулирования.

Региональная модель субъектов СКФО и ЮФО

На уровне субъектов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов единый рамочный закон о традиционных ценностях не принят; реализация Указа № 809 идет через комплекс отраслевых актов и государственных программ. При этом региональный контур далеко не однороден. Чтобы избежать оценочной произвольности, региональные модели сопоставляются ниже по четырем параметрам: концептуальное закрепление ценностной политики; программно-бюджетная обеспеченность; наличие отраслевых юридических инструментов в сфере семьи, образования, профилактики и культуры; институциональная координация с общественными и конфессиональными субъектами. Термин «зрелость» используется далее только как сравнительная характеристика полноты этих параметров.

Чеченская модель. Указ Главы Чеченской Республики от 5 октября 2021 г. № 177 утверждает Единую Концепцию духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения, выстраивающую аксиологическую триаду: гражданственность, религиозные ценности (ислам традиционных направлений), вайнахские адаты как этнокультурный пласт. Закон ЧР от 28 декабря 2023 г. № 73-РЗ кодифицирует региональную семейную политику в форме закона о многодетной семье. Эта модель показательна тем, что задолго до Указа № 809 предложила собственную интеграцию государственной, конфессиональной и обычной аксиологии.

Ингушская модель. Постановление Правительства РИ от 9 сентября 2014 г. № 175 утвердило государственную программу с прямой подпрограммой «Духовно-нравственное воспитание населения» (единственной в СКФО), что юридически делает Ингушетию первым субъектом, где категория «духовно-нравственное воспитание» получила прямое программно-бюджетное оформление. Дагестанская модель. Закон РД от 2 октября 1995 г. № 6 «О государственных наградах Республики Дагестан» в редакции от 10 ноября 2020 г. № 65 учредил медаль имени Амет-Хана Султана «За вклад в патриотическое воспитание молодежи»; в январе 2026 г. Народное Собрание РД приняло в первом чтении законопроект о расширении задач патриотического воспитания. Дагестанская модель строится преимущественно через стимулирующее регулирование (награды, проекты, мероприятия), а не через запреты или императивные предписания.

Кубанская модель. Закон Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае», известный как «детский закон», прямо включает положение о духовном и нравственном развитии детей (ст. 3) и возрастные ограничения нахождения несовершеннолетних в общественных местах. Этот акт нередко характеризуют как пример превентивного регулирования аксиологического содержания через институт защиты несовершеннолетних. Ставропольская модель. Государственная программа «Межнациональные отношения, профилактика терроризма и поддержка казачества» (постановление Правительства края от 29 декабря 2018 г. № 623-п) соединяет межнациональную политику с поддержкой казачьей идентичности (численность членов казачьих обществ выросла с 1600 до 1810 человек).

Североосетинская модель. Государственная программа «Развитие межнациональных отношений в РСО-Алания» на 2019-2025 гг. реализуется во взаимодействии с Владикавказской и Аланской епархией РПЦ, Духовным управлением мусульман РСО-Алания и носителями традиционных верований осетин (всего в республике учтено 14 конфессий и 110 религиозных организаций), что является редким примером прямого включения этнических традиционных верований в нормативный контур региональной политики. Ростовская область. Областной закон «О патриотическом воспитании граждан в Ростовской области» (2014 г.) – пионерный акт Юга России в данной сфере; доктринальная разработка темы ведется здесь системно [8; 9].

Если применить названные критерии, концептуально-нормативная зрелость наиболее заметна у чеченской модели, программно-бюджетная оформленность – у ингушской, превентивное юридическое регулирование – у кубанской, содержательная этнокультурная детализация – у североосетинской. Координация политики осуществляется через сотрудничество с муфтиятами субъектов и православными митрополиями, а Всемирный русский народный собор инициировал создание при главах субъектов РФ советов по сохранению традиционных ценностей. Следовательно, северокавказский сегмент можно характеризовать как более оформленный по совокупности критериев, но не как безусловно завершенную или универсальную модель. Его значение состоит в том, что он показывает разные способы соединения федеральных ориентиров с региональными социальными институтами.

Доктринальная дискуссия о соотношении традиционных и конституционных ценностей

Соотношение традиционных духовно-нравственных ценностей и конституционных ценностей превратилось к 2024-2025 гг. в одну из активных тем российской конституционно-правовой мысли. Тезисно можно выделить три позиции. Позиция тождества: Г.Д. Садовникова [11, с. 50] и М.С. Пермиловский [4, с. 22] настаивают, что содержательное ядро конституционных ценностей образуют именно традиционные российские духовно-нравственные ценности; конституционные ценности при таком подходе оказываются юридической оболочкой, а традиционные ценности – их содержанием. Позиция иерархии: Н.С. Бондарь и В. Д. Зорькин (в работах последних лет) [2; 1] трактуют конституционные ценности шире, охватывая и универсальные правовые принципы (верховенство права, разделение властей, правовое равенство), а традиционные ценности образуют лишь социокультурное основание; традиционные и конституционные ценности соотносятся как часть и целое. Позиция напряжения: А. А. Кондрашев в более ранней статье 2017 г. обосновывает возможность конфликтов и девальвации конституционных ценностей, требующих судебно-конституционного разрешения; Е. И. Колюшин [13, с. 9] добавляет к этой позиции концепт «ценности правды»: правовая система не может функционировать, если ее аксиологическое содержание систематически расходится с социальной практикой.

К каждой из позиций прилегают свои методологические оговорки: сторонники тождества рискуют свести конституционализм к традиционализму, что противоречит ст. 13 Конституции; сторонники иерархии должны объяснить устойчивость «универсальных» конституционных принципов в условиях, когда сама универсальность поставлена под сомнение в международном дискурсе; сторонники напряжения, наиболее реалистичные эмпирически, обязаны предложить процедуру разрешения коллизий, а здесь доктринальные ресурсы пока ограничены. Особое место занимает проблема юридической силы Основ. В научной литературе [14, с. 13] обоснованно поднят вопрос о трансформации Указа № 809 в одноименный федеральный закон. Аргументы в пользу: устойчивость регулирования; парламентская легитимация; возможность системного включения в кодифицированные акты. Контраргументы: гибкость указной формы; возможность оперативной корректировки; межотраслевая координация без необходимости отдельных кодификационных решений. На наш взгляд, разумным компромиссом было бы принятие рамочного федерального закона с отсылочной техникой, где сохранялась бы роль Основ как программно-стратегического документа, но с парламентским закреплением ключевых дефиниций и процедур.

Самая тонкая часть дискуссии связана со ст. 13 Конституции, прямо запрещающей государственную идеологию. В.Д. Зорькин выразил эту тонкость с присущей ему точностью: всплеск активности по поводу выработки и конституционного признания государственной идеологии представляется как минимум несвоевременным, а как максимум опасным. При этом сам Указ № 809 в п. 4 квалифицирует традиционные ценности как нравственные ориентиры, а не как мировоззренческую систему, обязательную к разделению. Эта квалификация, на наш взгляд, юридически выверена: она позволяет защищать ценности от внешнего разрушения, не превращая их в нормативно обязательное мировоззрение.

Эмпирическая база и проблема эффективности правового регулирования

Вопрос об эффективности нормативного механизма не сводится к юридической технике, он требует обращения к эмпирике. По данным ВЦИОМ (опрос «Традиционные ценности: ожидание и реальность», 8 июля 2025 г., n=1600), 84 % россиян поддерживают сохранение традиционных семейных ценностей; для сравнения, в 2023 г. этот показатель составлял 77 %. Топ-3 ценностей по их собственной важности: крепкая семья (68 %), историческая память (33 %), гордость за страну (30 %). Уровень самоидентификации россиян как патриотов достиг 94 %, что является историческим максимумом.

По данным ФОМ (опрос от 6 сентября 2024 г., n=1500, 53 субъекта РФ), 85 % респондентов самоидентифицируются как приверженцы традиционных ценностей. При этом обнаруживается «парадокс зеркала»: о себе так говорят 85%, а о россиянах в целом этот тезис разделяют только 48 %. Иными словами, общественная риторика о «деградации нравов» проецируется не на собственную группу, а вовне. Этот феномен заслуживает отдельного юридико-социологического осмысления, поскольку он создает завышенные ожидания от запретительного регулирования.

Демографическая картина иная. По данным Росстата, в 2024 г. родилось 1 222 408 детей (на 3,4 % меньше, чем годом ранее), это минимум с 1999 г. Суммарный коэффициент рождаемости: 2023 г. – 1,41; 2024 г. – 1,40; декабрь 2025 г. – 1,374. Естественная убыль населения в 2024 г. составила 596,2 тыс. человек, увеличившись на 20,4 %. Региональный разрез показывает рост рождаемости в Адыгее, Крыму, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании и Чеченской Республике, при одновременном сокращении разводов в субъектах СКФО на 21,4 %. Эти данные фиксируют несинхронность между высокой декларативной поддержкой традиционализма и репродуктивным поведением в среднем по стране, но сами по себе не доказывают прямой причинной связи между нормативным механизмом и рождаемостью. Демографические показатели зависят от возрастной структуры, уровня доходов, жилищных условий, трудовой занятости, миграции и долгосрочных семейных стратегий. В регионах с более устойчивыми конфессиональными и этнокультурными практиками допустимо говорить о вероятном влиянии социальных институтов, но не об изолированном действии правовой нормы. Поэтому эмпирическая часть скорее обосновывает гипотезу о недостаточности одного нормативного закрепления аксиологического содержания, чем итоговый вывод о неэффективности всего механизма. Необходимым направлением остается дополнение запретительного регулирования стимулирующими нормами налогового, жилищного и трудового законодательства в пользу семей с детьми, что соответствует подходам О. С. Рыбаковой [10] и Н. В. Летовой [12].

Выводы

Проведенный анализ показал, что к 2026 г. государственная политика Российской Федерации по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей оформилась как трехуровневая нормативная архитектура. Конституционное аксиологическое ядро (ст. 67.1, 72, 75.1, 114 Конституции в редакции 2020 г.) формирует исходные категории. Программно-стратегический слой (Стратегия национальной безопасности 2021 г., Указ № 809 2022 г., Основы культурной политики, Стратегия противодействия экстремизму 2024 г.) задает приоритеты, определения и инструменты [15, с. 21]. Отраслевая операциональная надстройка (Федеральные законы № 304, 489, 478, 479, 386, 411, 32, 261 и сопряженные акты) обеспечивает реальное правовое воздействие. Эту структуру правомерно рассматривать как самостоятельный нормативный комплекс на стыке конституционного, административного, информационного и уголовного права.

Региональный сегмент Северного Кавказа и Юга России, при отсутствии единого рамочного закона о традиционных ценностях, демонстрирует нормативную и программную зрелость. Чеченская концепция духовно-нравственного воспитания (Указ Главы ЧР от 5 октября 2021 г. № 177) выступает наиболее проработанным концептуальным образцом; ингушская программа с самостоятельной подпрограммой «Духовно-нравственное воспитание населения» демонстрирует пример программно-бюджетного оформления категории; краснодарский «детский закон» № 1539-КЗ предлагает превентивную модель защиты несовершеннолетних с прямым включением аксиологической нормы; североосетинская модель уникальна тем, что включает в нормативный контур этнические традиционные верования. Обобщая, северокавказский сегмент представляет наиболее зрелую территориальную

проекцию государственной политики защиты традиционных ценностей в России. Эмпирические данные ВЦИОМ, ФОМ и Росстата фиксируют разрыв между высокой декларативной общественной поддержкой и реальным демографическим поведением. Этот разрыв ограничивает эффективность исключительно запретительного регулирования. В литературе сформировались три позиции по соотношению традиционных и конституционных ценностей: тождество, иерархия, напряжение [4; 11; 2; 13]. Наиболее операциональной, на наш взгляд, является разновидность позиции иерархии: традиционные ценности образуют социокультурное основание конституционного порядка, не сливаясь с ним и не отождествляясь с государственной идеологией в смысле ст. 13 Конституции.

Сформулируем предложения de lege ferenda. Во-первых, возможна разработка рамочного федерального закона «О защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей» с отсылочной техникой к Основам, утвержденным Указом № 809; такой закон позволил бы парламентски легитимировать ключевые дефиниции, сохраняя за указом статус программно-стратегического документа. Во-вторых, институт ценностной экспертизы проектов нормативных правовых актов может быть оправдан только при четком процедурном ограничении: субъектами экспертизы, Общественная палата, научные организации и общественные советы; представители традиционных конфессий могут участвовать консультативно по вопросам семьи, образования, культуры и исторической памяти, но не обладать правом вето. Такая экспертиза должна проводиться на стадии общественного обсуждения или оценки регулирующего воздействия, завершаться мотивированным заключением и проверять проект на соответствие ст. 13, 14, 19, 28 и 55 Конституции РФ, принципам светского государства, идеологического многообразия, равенства и соразмерности ограничения прав. В-третьих, целесообразна кодификация регионального законодательства о духовно-нравственном воспитании на уровне модельного закона субъекта РФ; опыт Чеченской Республики, Ингушетии и Краснодарского края дает достаточный материал для такой работы. В-четвертых, оправдано расширение полномочий межведомственной комиссии по историческому просвещению, учрежденной Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314, с включением в ее задачи координации мониторинга реализации Основ. Эффективность всей системы требует не только нормативной плотности, но и реальной трансформации сопряженных институтов: семейного, налогового, жилищного, трудового регулирования. Без этого разрыв между декларацией и поведением, зафиксированный социологическими и демографическими данными, сохранится. А это обесценивает самую тонкую и юридически проработанную часть нормативного каркаса. Перед российской юридической наукой открывается обширное поле системного исследования, в котором региональный сегмент Юга России и Северного Кавказа обещает стать одним из наиболее плодотворных направлений, как уже предвосхитили Г. Г. Небратенко и С. В. Студеникина [16].

Список источников

1. Зорькин В. Д. Под знаком обновленной Конституции: Конституционная основа социальной интеграции России // Журнал Конституционного правосудия. 2023. № 4. С. 1-8. https://doi.org/10.18572/2072-4144-2023-4-1-8. EDN: QXFBXS

2. Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 3-12. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-3-10. EDN: KUSFRH

3. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 22–31. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031. EDN: WZQYLQ

4. Пермиловский М. С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20–24. https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24. EDN: KAAFLJ

5. Чуйченко К. А., Кропачев Н. М., Кондуров В. Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 156–165. https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201. EDN: BBHZHJ

6. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42. https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. EDN: QQZJBP

7. Апостолова Н. Н. Духовно-нравственные ценности – основа российского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 7–13. EDN: NWJFGQ

8. Шапсугова М. Д. Труд как энергия, фактор производства и материальный источник права в обществе солидарности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 123–128. EDN: ECRQSQ

9. Алексеев Р. А. Конституционно-правовое обеспечение национальной политики России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 94-99. EDN: ZKMALQ

10. Рыбакова О. С. Конституционные основы российской государственной политики в сфере защиты семьи и традиционных семейных ценностей // Lex russica. 2024. Т. 77. № 11. С. 92–110. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.216.11.092-110. EDN: NFUAYE

11. Садовникова Г. Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10. С. 45–53. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053. EDN: IZOJKE

12. Летова Н. В. Традиционные семейные ценности: морально-нравственная основа государства // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 53–60. https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060. EDN: OABAKP

13. Колюшин Е. И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-2-8-14. EDN: COCSAP

14. Алексеев Р. А. Основные векторы государственной политики Российской Федерации в ценностно-программных нормативных документах // Журнал политических исследований. 2026. Т. 10. № 1. С. 3–16. https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-3-16. EDN: DMQVQM

15. Шакурова Н. Е. Духовно-нравственные ценности как элементы национальной безопасности России // Журнал политических исследований. 2026. Т. 10. № 1. С. 17–26. https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-17-25. EDN: TTQKOW

16. Небратенко Г. Г., Студеникина С. В. Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 4. С. 24–30. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-24-30. EDN: ZRABZH

References

1. Zorkin V.D. Under the sign of the renewed Constitution: The constitutional foundation of social integration of Russia. *Journal of Constitutional Justice.* 2023;(4):1–8. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/2072-4144-2023-4-1-8. EDN: QXFBXS

2. Bondar N.S., Barinov E.E. Axiology of the constitutional worldview. Part II. The value dimension of the constitutional worldview in the coordinates of constitutional justice. *Constitutional and Municipal Law.* 2022;(2):3–12. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-3-10. EDN: KUSFRH

3. Komarova V.V. Constitutional reform of 2020 in Russia (some aspects). *Actual Problems of Russian Law.* 2020;15(8):22–31. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031. EDN: WZQYLQ

4. Permilovsky M.S. Traditional Russian spiritual and moral values and Russian constitutional values: dogmatic correlation. *State Power and Local Self-government.* 2023;(11):20–24. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24.

5. Chuychenko K.A., Kropachev N.M., Kondurov V.E. Traditional Russian spiritual and moral values in the context of modern legal policy. *Pravovedenie.* 2024;68(2):156–165. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201. EDN: BBHZHJ

6. Ovchinnikov A.I. National security and traditional spiritual and moral values: issues of legislative provision. *Bulletin of the law faculty, Southern federal university.* 2022;9(1):35–42. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. EDN: QQZJBP

7. Apostolova N.N. Spiritual and moral values as the basis of the Russian state and law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2023;(1):7–13. (In Russ.). EDN: NWJFGQ

8. Shapsugova M. D. Labor as energy, a factor of production, and a material source of law in a society of solidarity. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2022;(2):123–128. (In Russ.). EDN: ECRQSQ

9. Alekseev R.A. Constitutional and legal support of the national policy of Russia. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2022;(1):94–99. (In Russ.). EDN: ZKMALQ

10. Rybakova O. S. Constitutional foundations of the Russian state policy in the sphere of family protection and traditional family values. *Lex russica.* 2024;77(11):92–110. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.216.11.092-110. EDN: NFUAYE

11. Sadovnikova G.D. 30 years of the Constitution of the Russian Federation: traditional values and new priorities. *Actual Problems of Russian Law.* 2023;18(10):45–53. (In Russ.). С. 45-53. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053. EDN: IZOJKE

12. Letova N. V. Traditional family values: the moral and ethical basis of the state. *Gaps in Russian Legislation.* 2024;17(1):53–60. (In Russ.). https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060. EDN: OABAKP

13.Kolyushin E.I. The values of truth in the state (constitutional) law of Russia. *Constitutional and Municipal Law.* 2023;(2):8–14. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-2-8-14. EDN: COCSAP

14. Alekseev R.A. The main vectors of the state policy of the Russian Federation in the value-programmatic normative documents. *Journal of Political Research.* 2026;10(1):3–16. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-3-16. EDN: DMQVQM

15. Shakurova N.E. Spiritual and moral values as elements of Russia's national security. *Journal of Political Research*. 2026;10(1):17–26. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-17-25. EDN: TTQKOW

16. Nebratenko G.G., Studenikina S.V. Normative and legal consolidation of the state policy for the preservation of traditional Russian spiritual and moral values. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(4):24–30. (In Russ.). https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-24-30. EDN: ZRABZH

Информация об авторе

Н. Е. Шакурова – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права, Государственный университет просвещения; доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

N.E. Shakurova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Law, State University of Education; Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 28.05.2026.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 28.05.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 94–106
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):94–106

Научная статья
УДК 342.4
EDN NEADDW

Особенности правовой защиты духовно-нравственных ценностей в сфере отечественного образования

Анна Александровна Кузнецова
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, nusen85@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях конституционного закрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве основы сохранения государственности особую значимость приобретает поиск эффективных правовых механизмов их защиты. Сфера образования занимает уникальное положение, поскольку именно здесь социализация личности, формирование мировоззрения и правовое воздействие образуют неразрывное единство. Вместе с тем правовая защита в данной сфере сталкивается с объективными сложностями: адресатом является развивающаяся личность несовершеннолетнего, а сама область находится в зоне коллизий между правами родителей, автономией ребенка, принципом светского государства и задачами ценностной социализации.

Цель. Обоснование особого характера правовой защиты духовно-нравственных ценностей в образовательной среде как направления нормативного регулирования публично-правовой природы, а также в выявлении специфики межотраслевого механизма такой защиты.

Методы. Методологическая основа исследования базируется на диалектическом методе научного познания. В работе использованы общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный подход), а также частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой). В совокупности они позволили рассмотреть проблематику в различных аспектах: конституционном, образовательном, семейном.

Результаты. В статье обосновано, что правовое обеспечение и защита традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере воспитания и образования образует самостоятельное направление регулирования, обладающее собственным объектом, специфическим субъектным составом и публично-правовой целью (ценностной социализацией подрастающего поколения). Автором охарактеризована образовательная среда как центральное пространство воспроизводства ценностей, где социализация, воспитание и право формируют единый процесс. Проанализировано нормативное закрепление общеобязательного характера духовно-нравственных ценностей в системе образовательных стандартов и воспитательных практик. Выявлена специфика правовой защиты, обусловленная адресатом (развивающаяся личность) и характером воздействия (длительное, межотраслевое, превентивное, аксиологически насыщенное). Исследованы коллизии между правами родителей, интересами государства и автономией несовершеннолетнего.

Выводы. Правовая защита духовно-нравственных ценностей в образовательной сфере, несмотря на наличие объективных коллизий, сохраняет легитимный характер, поскольку осуществляется не вопреки правам человека, а через их реализацию (гарантирование достоинства личности, права на образование, прав родителей на воспитание детей). Такая защита соотносится с охраной достоинства личности, безопасным развитием ребенка и интересами устойчивого общественного развития, обеспечивая переход внешних правовых предписаний во внутренние личностные установки правомерного поведения.

© Кузнецова А. А., 2026

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, правовая защита, образовательная среда, правовое воспитание, несовершеннолетние, ценностная социализация, правосознание, правомерное поведение, воспитательный процесс, межотраслевое регулирование

Для цитирования: Кузнецова А. А. Особенности правовой защиты духовно-нравственных ценностей в сфере отечественного образования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 94–106. EDN NEADDW

Original article

Features of legal protection of spiritual and moral values in the sphere of domestic education

Anna A. Kuznetsova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, nusen85@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of the constitutional entrenchment of traditional Russian spiritual and moral values as the foundation for preserving statehood, the search for effective legal mechanisms for their protection acquires particular significance. The sphere of education occupies a unique position, as it is precisely here that the socialization of the individual, the formation of a worldview, and legal impact form an indissoluble unity. At the same time, legal protection in this sphere faces objective complexities: the addressee is the developing personality of a minor, and the sphere itself lies in an area of potential conflicts between the rights of parents, the autonomy of the child, the principle of secularism, and the tasks of value socialization.

Objective. The objective of this work is to substantiate the independent nature of the legal protection of spiritual and moral values in the educational environment as a direction of normative regulation of a public-law nature, as well as to identify the specifics of its intersectoral mechanism.

Methods. The methodological framework of the research is based on the dialectical method of scientific cognition. The study employs general scientific methods (analysis, synthesis, system-structural approach), as well as specific scientific methods of legal science: formal-legal, comparative-legal, the method of interpreting legal norms, and the intersectoral method of research, which allowed for the examination of regulation within the unity of various branches of law (constitutional, educational, family).

Results. The article substantiates that the legal provision of spiritual and moral values in the sphere of upbringing and education constitutes an independent direction of regulation, possessing its own object, specific subject composition, and a public-law goal – the value socialization of the younger generation. The author characterizes the educational environment as the central space for the reproduction of values, where socialization, upbringing, and law form a unified process. The normative consolidation of the universally binding nature of spiritual and moral values within the system of educational outcomes, standards, and upbringing practices is analyzed. The specifics of legal protection, determined by its addressee (the developing personality) and the nature of its impact (long-term, intersectoral, preventive, axiologically saturated), are identified. Conflicts between the rights of parents, the interests of the state, and the autonomy of the minor are examined.

Conclusions. The legal protection of spiritual and moral values in the educational sphere, despite the presence of objective conflicts, retains its legitimate character, as it is exercised not contrary to human rights, but through their implementation (human dignity, the right to education, the right of parents to raise their children). Such protection is consistent with safeguarding human dignity, the safe development of the child, and the interests of sustainable social development, ensuring the transition of external legal prescriptions into internal personal dispositions of lawful behavior.

***Keywords*:** spiritual and moral values, legal protection, educational environment, legal education, minors, value socialization, legal consciousness, lawful behavior, educational process, intersectoral regulation

For citation: Kuznetsova A.A. Features of legal protection of spiritual and moral values in the sphere of domestic education. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):94–106. (In Russ.). EDN NEADDW

Введение

После реформы 2020 г. закрепленные в Конституции РФ традиционные для нашей страны духовные и нравственные ценности стали ключевой основой государственного суверенитета и устойчивого развития государства. В силу этого на первый план выходит задача разработки действенных правовых инструментов для правовой защиты данных ценностей от различного рода посягательств. В этом отношении воспитательно-образовательная сфера становится тем местом, где процессы личностного становления, усвоения системы взглядов и нормативно-правового регулирования не просто пересекаются, а сливаются в целостное, неделимое целое. Фиксируя воспитательные цели как неотъемлемый элемент учебных стандартов и программ, власть придаёт указанным ценностям статус общеобязательных ориентиров. Это, в свою очередь, с неизбежностью поднимает проблему юридических способов их защиты от нарушений.

Вместе с тем правовая защита духовно-нравственных ценностей в образовании сталкивается с объективными сложностями. Ее адресатом является развивающаяся личность несовершеннолетнего, что требует не столько запретительно-карательного инструментария, сколько длительного, превентивного и аксиологически насыщенного воздействия, направленного на формирование внутренне принятого и одобряемого обществом правомерного поведения. Кроме того, данная сфера изначально находится в зоне потенциальных коллизий между правами родителей на воспитание, автономией личности ребенка, принципом светскости государства и задачами ценностной социализации, реализуемыми через публичные институты.

Современное состояние нормативного регулирования характеризуется накоплением значительного массива межотраслевых предписаний. Их спектр достаточно широк: от конституционных основ и семейно-правовых гарантий до образовательных стандартов и требований к воспитательной работе. Однако вопрос о том, сформировалось ли в российской правовой системе самостоятельное направление регулирования в данной сфере, обладающее собственным объектом, субъектным составом и специфическими механизмами реализации, остается дискуссионным. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что ключевая научная проблема состоит в теоретико-правовом обосновании публично-правовой потребности государства в формировании, развитии и защите духовно-нравственных ценностей в образовательной среде в условиях недостаточной систематизации и концептуальной разработанности юридических механизмов ее реализации. Ситуация осложняется необходимостью гарантий соблюдения ряда конституционных принципов (светскость, автономность личности и иные), которые должны учитываться в процессе межотраслевого регулирования и защиты духовно-нравственных ценностей. Вопрос заключается не в том, нужно ли защищать духовно-нравственные ценности в образовании, а в том, как именно юридически это делать, не вступая в конфликт с фундаментальными правами и свободами человека и гражданина.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость комплексного теоретико-правового анализа правовой защиты духовно-нравственных ценностей в образовательной среде, выявления ее межотраслевой природы, публично-правовой сущности и специфических механизмов реализации. В этом контексте мы разделяем точку зрения А. В. Стремоухова, который подчеркивал, что «правовая защита – это та часть правой работы субъектов государственной власти и местного самоуправления, государственных служащих и должностных лиц, а также общественных объединений, которая непосредственно или опосредованно направлена на охрану, юридическую помощь и защиту прав человека с целью создания ему высокого уровня правовой защищенности» [1, с. 26].

В соответствии с этим ***цель*** настоящей работы состоит в обосновании самостоятельного характера правовой защиты духовно-нравственных ценностей в образовательной среде как направления нормативного регулирования публично-правовой природы, а также в выявлении специфики ее межотраслевого механизма.

Наиболее важным с гносеологических позиций в рамках обозначенной цели представляется определение объекта, субъектного состава и перспектив правового обеспечения духовно-нравственных ценностей в сфере воспитания и образования. Образовательная среда в этом смысле выступает как центральное пространство воспроизводства духовно-нравственных ценностей, в котором социализация, воспитание и правовое воздействие образуют единый процесс. При этом нормативное закрепление общеобязательного характера духовно-нравственных ценностей в системе образовательных результатов, программ, стандартов и воспитательных практик следует брать за основу при понимании специфики юридической защиты в образовательной сфере. Такая защита обусловлена ее адресатом (развивающаяся личность) и характером правового воздействия (длительное, межотраслевое, превентивное, аксиологически насыщенное). Отдельным вопросом, подлежащим выяснению в настоящей статье, является исследование коллизий между правами родителей, интересами государства, автономией личности несовершеннолетнего, принципом светскости и задачами ценностной социализации. Полагаем, что юридическая защита традиционных духовно-нравственных ценностей, осуществляемая через реализацию прав личности, а не вопреки им, носит легитимный характер.

Теоретические основы

Вопросам правовой защиты духовно-нравственных ценностей в сфере отечественного образования посвящено достаточно большое количество научных трудов. А. И. Овчинников обосновал легитимность юридической защиты традиционных ценностей, доказав, что через их внедрение право возвращает себе духовно-нравственную легитимность [2]. В плане понимания объекта правовой защиты большое значение имеют работы А. А. Козловой, которая обосновала включение в объект не только непосредственно духовно-нравственных ценностей, но также ряда идей и нематериальных благ [3]. К. А. Чуйченко, Н. М. Кропачев и В. Е. Кондуров разработали концепцию субъектного состава акторов правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, выделив государство, органы публичной власти, суд, прокуратуру и самих носителей ценностных установок [4].

Не менее интересны работы П. Н. Бурмакина, который раскрыл механизм правовой социализации [5], В. В. Гладких и Е. И. Панкова, предложивших понимать сферу образования как базовый институт сохранения традиционных ценностей, через который происходит их осознание субъектом и последующая реализация в поведенческих практиках [6]. Работая на стыке социологии, юриспруденции и педагогики, Т. А. Козлова и Т. В. Кульневич, обосновали системообразующий потенциал ценностей, интегрирующих индивидуальное и коллективное сознание через групповую динамику и коммуникативные практики в образовательной среде [7].

В доктрине имеются и иные исследования, в том числе эмпирические, раскрывающие ценностный портрет дошкольников и его эволюцию [8], анализирующие возможности ценностного разрыва между государственными ориентирами и сознанием детей [9], изучающие возможности достижения правового баланса между охраной ценностей и гарантиями свободы, идентичности и безопасности личности [10]. Однако все упомянутые исследования не приводят к формированию концептуальной основы механизма правовой защиты духовно-нравственных ценностей в сфере отечественного образования. На наш взгляд, следует исходить из того, что концепция правовой защиты указанных ценностей должна базироваться на следующих важнейших аспектах:

1) закреплении сущности правовой защиты духовно-нравственных ценностей, которая заключается в консолидации средств и методов различных отраслей права. Тогда правовая защита ценностей в сфере образования видится как самостоятельное межотраслевое направление публично-правового регулирования;

2) объектом такой защиты выступают не сами ценности как идеальные сущности (они не могут быть непосредственным объектом правовой охраны), а общественные отношения по их формированию, трансляции, закреплению и воспроизводству в образовательной среде, а также условия, обеспечивающие эти процессы;

3) субъектный состав механизма защиты включает: а) государство (как носителя всеобщего публичного интереса и гаранта ценностного суверенитета); родителей (как приоритетных воспитателей – ч. 2 ст. 38 Конституции РФ); образовательные организации (как институциональные трансляторы ценностей); несовершеннолетнего (как формирующуюся личность, права и законные интересы которой подлежат особой охране).

4) легитимность данной защиты обеспечивается не вопреки правам человека, а через конкретную реализацию: права на образование (ст. 43 Конституции РФ), права родителей на воспитание (ст. 63 СК РФ), прав ребенка на защиту от информации, причиняющей вред его развитию (ст. 14 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»);

5) доминирующая идея при разрешении противоречий в ходе защиты традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере образования – учет принципа пропорциональности: ограничение прав допускается только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, и только при невозможности достичь цели иными средствами.

Результаты и обсуждение

В отечественной юридической доктрине отсутствует единое понимание объекта правовой защиты в сфере духовно-нравственных ценностей. Согласно позиции А. А. Козловой, в качестве такового выступают сами ценности как социальные ориентиры, нравственность как конституционно-правовое благо, а также условия их сохранения и трансляции, включая образовательную среду [3]. В более широком контексте защита распространяется на культуру, историческую память и ценностное единство общества, рассматриваемые сквозь призму национальных интересов.

Когда речь заходит о воспитательно-образовательной сфере, интересующий нас объект правовой защиты обретает более чёткие очертания. Он раскрывается через следующие взаимосвязанные элементы: а) закреплённое за несовершеннолетним правомочие получать воспитание, базирующееся на традиционных духовно-нравственных устоях; б) законное право родителей выступать полноценными участниками данного процесса; в) сама образовательная среда, выполняющая функцию институциональной площадки, через которую транслируются и осваиваются эти ценности; г) совокупность общественных отношений, благодаря которым обеспечивается непрерывное воспроизводство и закрепление в сознании подрастающего поколения указанных ценностных ориентиров.

Между тем единого доктринального подхода к определению духовно-нравственных ценностей как объекта правовой защиты не сложилось. Разнообразие авторских трактовок затрудняет их юридическую конкретизацию и формирование устойчивой теоретической модели.

Представляется, что сами духовно-нравственные ценности в силу своей идеальной, аксиологической природы не могут выступать непосредственным объектом правовой охраны. Объект защиты образуют общественные отношения и социально-правовые предпосылки, в рамках которых эти ценности формируются, закрепляются и воспроизводятся: отношения в сфере воспитания и образования, семейные отношения, информационно-коммуникационные процессы, а также система социальных институтов, обеспечивающих их передачу.

В научной литературе указанная позиция получила достаточно серьезное обоснование. В. В. Гладких и Е. И. Панкова считают, что образование – это базовый механизм сохранения духовно-нравственных ценностей. Они связывают его с формированием ценностных ориентиров и их реализацией в поведении субъектов [6, с. 580, 582–583].

Согласно позиции Т. А. Козловой и Т. В. Кульневич, глубина принятия личностью ценностных установок напрямую детерминирована мерой её вовлечённости в социум. Исходя из этого, образовательные учреждения обретают статус площадок с высокой насыщенностью социальными контактами, где благодаря коллективной интеракции и повседневным коммуникационным практикам происходит постоянное тиражирование и закрепление одобряемых обществом ценностных моделей [7].

В рамках педагогического подхода акцент делается на культуросозидающем предназначении образования: обучающая среда осмысляется как своего рода генератор культурного кода и смыслов, где происходит становление личностной зрелости и чувства ответственности. Трансляция обычаев, юридических предписаний и значимых ориентиров перестает быть стихийной. Она превращается в системную, планомерную деятельность, согласующуюся с курсом государства в области воспитания подрастающего поколения.

Взаимосвязь между правом, воспитательным процессом и становлением индивида наиболее полно проявляется в таком явлении, как правовое воспитание, которое находится в точке соприкосновения нормативно-правового регулирования и ценностно-мировоззренческой структуры сознания. В юридической науке правовое воспитание трактуется как способ опосредованного влияния права на глубинные, внутренние механизмы регуляции поведения человека, благодаря чему внешне заданные предписания преобразуются в прочные личностные ориентиры. П. Н. Бурмакин совершенно обоснованно увязывает этот процесс с юридической социализацией личности, в ходе которой складываются такие компоненты внутренней нормативной ориентации индивида, как правовая культура, правовое сознание и устойчивые привычки действовать правомерно [5, с. 150–151, 154].

Представляется очевидным, что право, воспитание и формирование личности образуют единую регулятивно-ценностную конструкцию. В ее рамках право придает нормативным моделям поведения общеобязательный характер, что корреспондирует с закреплением ценностей в системе образовательных стандартов и программ. Воспитание выступает механизмом превращения внешних ценностных установок во внутренние убеждения личности, обеспечивая длительное, превентивное и аксиологически насыщенное воздействие на развивающегося человека. Итогом же выступает устойчивое правосознание и правомерное поведение как внутренне принятые регуляторы.

В российском правопорядке юридическое закрепление духовно-нравственных ценностей в сфере образования вышло за рамки сугубо декларативного характера. Нормативная конструкция формируется вокруг аксиологически нагруженных целей образования, получивших легальное выражение.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» задает данную конструкцию уже на уровне принципов государственной политики. Статья 3 закрепляет гуманистический характер образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, соединяя его с воспитанием взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, а также с единством обучения и воспитания[1]. Статья 2 определяет воспитание как деятельность, направленную на развитие личности и ее социализацию на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей.

Дальнейшая детализация нормативных предписаний нашла своё воплощение на уровне ведомственных нормативных правовых актов. Так, Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 370 вводит в действие федеральную рабочую программу воспитания, в рамках которой целевой вектор сформулирован предельно четко: он направлен на становление личности учащегося через опору на социокультурные и духовно-нравственные ценности, а также на общепризнанные в социуме нормы и правила поведения. При этом такая ориентация осуществляется в интересах не только самого человека, но и семьи, общества и государства в целом[2].

Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287 воспроизводит вышеуказанную идею через категорию личностных результатов, включая

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.
[2] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 370 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» (зарегистрирован в Минюсте России 12.07.2023 № 74223) // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 13.04.2026).

гражданское, патриотическое, духовно-нравственное развитие и формирование российской гражданской идентичности[1]. Стратегический ориентир государственной политики закреплен в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р, где в качестве приоритетной цели обозначено взращивание высоконравственной личности, т.е. человека, который осознанно принимает и разделяет традиционные духовные ценности, составляющие фундамент российского общества[2].

Приведенная нормативная регламентация демонстрирует юридически оформленную преемственность: закон задает принцип и дефиницию, стандарт закрепляет обязательный результат, федеральная образовательная программа содержит технологию воспитательного воздействия, стратегия – формирует государственный телеологический горизонт.

Практическая проекция указанных предписаний получила выражение в ведомственных материалах Министерства просвещения Российской Федерации, включая цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном» и правопросветительские мероприятия. Суть этой нормативной конструкции можно свести к тому, что традиционные духовно-нравственные ориентиры трансформируются в закрепленные воспитательные цели, в подлежащие неукоснительному достижению итоговые характеристики, а также в обеспеченные ресурсами и организационно оформленные алгоритмы воспитательного процесса.

При этом перечень источников, фиксирующих ценностную составляющую образования, значительно шире. К их числу относятся: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 678-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года»; распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей»; Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»; постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 2022 г. № 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности»; иные концептуальные документы Министерства просвещения Российской Федерации.

Все указанные акты в содержательном плане однородны и в аксиологическом смысле. В них духовно-нравственные ценности получают статус официально признанного фундамента воспитательной стратегии, увязываясь при этом с вопросами сохранения культурной преемственности, формирования общероссийской гражданской идентичности, обеспечения безопасности детства и поддержания социальной стабильности. С точки зрения законодательной техники, подобного рода нормативные положения выполняют сразу несколько функций: задают целевой вектор воспитательного процесса, узаконивают вовлеченность государственных структур и образовательных учреждений в процесс ценностного становления личности, выстраивают такую нормативно-правовую среду, где вопросы духовности и нравственности перестают быть второстепенными и обретают статус общественно значимого юридического веления, обязательного для исполнения.

Вышеизложенное позволяет утверждать о необходимости формирования относительно самостоятельного направления правового регулирования механизма защиты духовно-нравственных ценностей в сфере образования. О самостоятельном характере такого регулирования можно судить по следующим критериям:

---

[1] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 12.04.2026).

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 23. Ст. 3357.

– предмет регулирования: особая группа общественных отношений по формированию, трансляции, закреплению и воспроизводству духовно-нравственных ценностей в образовательной среде, включая отношения между государством, семьей, образовательной организацией и несовершеннолетним;

– метод регулирования: сочетание императивных (обязательные требования к содержанию образования, ФГОС, программам воспитания, запрет на распространение вредной информации) и воспитательно-ориентирующих (поощрительные механизмы, рекомендательные нормы, программно-целевое регулирование) средств и приемов.

– институциональная обособленность: наличие специализированных норм в ФЗ «Об образовании» (ст. 2, 3, 12, 87), ведомственных актов (приказы об утверждении федеральных государственных образовательных стандартов), а также специальных институтов (общественно-государственные советы, экспертные группы и т.д.);

– специальные механизмы реализации: экспертиза образовательных программ на соответствие ценностным требованиям; порядок разрешения споров между родителями и образовательными организациями по вопросам воспитания; механизмы защиты детей от информационной продукции, причиняющей вред их духовно-нравственному развитию.

Таким образом, данное направление обладает достаточной степенью нормативной и институциональной самостоятельности, оставаясь при этом межотраслевым по своей природе.

Рассмотрение нормативного регулирования духовно-нравственных ценностей требует обращения к специфике их юридической защиты в образовательной среде. Это особенно актуально в контексте формирования самостоятельного направления нормативного регулирования сферы традиционных ценностей, когда важное значение приобретают объект, субъектный состав и публично-правовая цель регулирования. Рассмотрим ключевые позиции, существующие в отечественной науке, на этот счет.

Согласно наблюдениям Ю. Б. Шубникова и Н. И. Пристансковой, специфика правовой защиты в рассматриваемой области напрямую вытекает из самой природы образования, представляющего собой планомерный воспитательный процесс, нацеленный на становление личности. Ключевым объектом правового воздействия здесь выступает формирующийся человек, проходящий этап социализации. При этом образовательная деятельность ведётся одновременно в интересах личности, семьи, общества и государства. Это, в свою очередь, порождает характерное переплетение публично-правовых и частноправовых элементов. Как полагают указанные исследователи, юридическая защита в образовательной среде обнаруживает себя через следующие черты: продолжительный и поступательный характер правового влияния; его устремлённость на закрепление ценностных ориентиров; задействование норм, относящихся к разным отраслям права; а также умеренное применение государственного принуждения, которое не носит всеохватывающего характера [11, с. 187].

Т. В. Дурнева, Е. А. Гринева и Т. В. Чернова проводят связь между ценностной сферой и перспективами развития ребёнка, рассматривая образовательный результат в его антропологическом и мировоззренческом ракурсах [12]. Согласно их позиции, ценности не остаются чем-то внешним по отношению к взрослению человека. Они органично вплетаются в его дальнейший жизненный путь посредством тех достижений, которые дает образование, и обретают тем самым роль фундамента для последующего мировоззренческого выбора и самоопределения личности.

В. В. Гладких и Е. И. Панкова отстаивают схожую позицию, увязывая ценностные ориентиры с личностным совершенствованием и уровнем жизни. Традиционные духовно-нравственные ценности, с их точки зрения, служат той базой, которая предопределяет картину мира и генеральную линию развития индивида. Благодаря освоению таких качеств, как доброта, чувство ответственности и уважение к окружающим, у человека формируется глубинная нормативно-ценностная структура, которая в дальнейшем задает его жизненные стандарты и готовность продуктивно взаимодействовать с социумом. Исследователи прямо подчеркивают обусловленность поведенческих реакций молодёжи её ценностными

предпочтениями. Из этого следует важный вывод: аксиологическая система, сложившаяся у новых поколений, обладает воспроизводственным потенциалом и напрямую влияет на конфигурацию будущего общества [6, с. 582-584].

А. И. Меремьянина, Т. В. Веревкина, А. В. Сиверина и Т. А. Шиляева придерживаются позиции, согласно которой основы воспитания нравственно зрелой личности закладываются, прежде всего, в семье. Именно через родительский пример ребёнок постигает такие ориентиры, как гражданская ответственность, почтительное отношение к старшим, патриотические чувства и значимость семейных связей. Повседневное общение внутри семьи транслирует живые поведенческие эталоны, благодаря которым усваиваются благородство, сострадание, уважительное отношение к другим и готовность прийти на помощь [13, с. 294]. На этом фоне педагогическая деятельность отходит на второй план, однако её роль как канала приобщения к ценностям остаётся исключительно высокой. Она по-прежнему носит вторичный, но крайне насыщенный характер. Продуманная организация учебного и воспитательного процесса позволяет учителю превращать духовно-нравственное содержание из навязываемой извне морали во внутреннюю систему личных приоритетов и убеждений.

Подростковый этап отличается исключительно высокой насыщенностью процессами вхождения в социум. То, как устроена ценностная сфера юного человека, напрямую сказывается на качестве его образовательных и профессиональных траекторий, а также на том, насколько активно и успешно он сможет в дальнейшем интегрироваться в общественную жизнь. Система высшего образования служит средой, где происходит закрепление гражданских, профессиональных и личностных качеств. Такие характеристики, как внутренняя убежденность в своих силах, ответственное отношение к профессиональному долгу, почтительное отношение к закону и способность к саморегуляции, коренятся не в абстрактных нормах, а именно в нравственно-ценностной основе личности.

Г. В. Семья, И. А. Бурлакова, Е. Е. Клопотова и А. С. Радчикова предприняли попытку воссоздать ценностный облик современного ребёнка дошкольного возраста. Полученные ими данные фиксируют заметное переключение детского интереса в область гаджетов и домашних любимцев; при этом забота о собственном здоровье оказывается лишь на четвёртом месте по значимости. Тем не менее, тот факт, что большинство детских пожеланий обращены к семье, а интерес к здоровью не утрачен полностью, говорит о существовании у дошкольников некоего базового ценностного фундамента, который, однако, нуждается в грамотной юридической и педагогической поддержке [8, с. 11-12, 15-16].

М. П. Воюшина и С. А. Белоруссова провели исследование, посвящённое восприятию первоклассниками традиционных российских ценностных ориентиров. Абсолютное большинство детей твёрдо относят к положительному полюсу такие понятия, как Родина, уважение, трудолюбие, правдивость, сострадание [9, с. 369–371]. Полученные данные свидетельствуют о наличии у младших школьников изначального ценностного фундамента, а потому главная задача государства заключается не в формировании ценностей «с нуля», а в их сбережении и ограждении от искажающих внешних влияний. С этим выводом в целом согласуется логика законодательных ограничений, направленных на защиту несовершеннолетних от информационных материалов, наносящих ущерб их духовному развитию. Подобные правовые барьеры призваны не ограничивать свободу ради неё самой, а оберегать хрупкую ценностную структуру растущей личности на этапе её становления.

Т. Ф. Пушкина и С. В. Кучерова в своих работах демонстрируют, что в системе приоритетов подростков доминируют личностное развитие, чувство защищённости, межличностное общение и физическое здоровье [10, с. 310–311]. Такие ориентиры, как власть, влияние и публичная известность, пользуются значительно меньшей популярностью. Для правовой стратегии данная картина имеет ключевое значение: объектом охраны здесь выступает сложная и динамичная аксиологическая система, внутри которой необходимо поддерживать сбалансированную взаимосвязь между свободой, развитием, безопасностью и культурно-исторической самоидентификацией.

Отдельного анализа требует механизм разрешения обозначенных выше противоречий между правами родителей, автономией ребенка, принципом светскости и задачами ценностной социализации, которые наиболее ярко проявляются в образовательной среде. Важно понимать суть конкретных элементов механизма разрешения указанных противоречий. Так, при возникновении коллизии между правами родителей (ст. 38 Конституции РФ, ст. 63 СК РФ) и ценностными ориентирами, закрепленными государством в образовательных стандартах, следует исходить из следующего механизма их разрешения. В основу может быть положен принцип субсидиарности и приоритет семейного воспитания. Государственное вмешательство в процесс ценностной социализации допускается только в части, не противоречащей основным правам ребенка, и при условии, что родители не реализуют свои права в ущерб физическому и психическому здоровью ребенка (п. 2 ст. 65 СК РФ). Образовательная организация обязана уважать религиозные и мировоззренческие убеждения родителей, но вправе требовать соблюдения базовых образовательных стандартов, закрепляющих традиционные духовно -нравственные ценности.

При взаимодействии принципа светскости образования (п. 6 ч. 1 ст. 3 ФЗ «Об образовании») и духовно-нравственных ценностей, имеющих религиозное происхождение, надо исходить из следующего. Светскость не означает ценностную нейтральность или внецензурность. Светскость есть невмешательство религиозных объединений в государственные образовательные стандарты и отделение религиозного образования от светского, но не запрет на формирование традиционных ценностей и культурно-исторического наследия. В качестве механизма разрешения коллизии можно предложить закрепление идеи отделения содержания ценностей от их религиозного обоснования и включение в образовательные программы в формате культурологического и этического знания.

В рамках общей для всего механизма разрешения обозначенных коллизий идеи можно выделить принцип пропорциональности. Любое ограничение прав в процессе ценностной социализации должно быть: а) предусмотрено законом; б) направлено на защиту конституционно значимых ценностей; в) необходимым в демократическом обществе; г) соразмерным преследуемой цели. Если цель может быть достигнута менее ограничительными средствами, предпочтение следует отдавать таким средствам.

Данные ВЦИОМ свидетельствуют о сохранении традиционных ценностных ориентиров в молодежной среде[1]. 91 % молодых граждан признают важность теплых семейных отношений; семейное здоровье, безопасность и материальное положение семьи сохраняют доминирующее значение. Исследование 2025 г. (11 тыс. респондентов из 37 городов) показывает: 61 % опрошенных видят жизненной целью создание семьи, 55 % – поиск настоящей любви, 51 % – материальную обеспеченность[2]. Приоритетами накоплений выступают собственное жилье, качественное образование, здоровье и профессиональная самореализация. Из этих данных видно, что речь идет не о крушении ценностной основы, а о ее современной трансформации. Кроме того, указанные данные имеют не только социологическое, но и юридическое значение: они подтверждают легитимность правовой защиты духовно-нравственных ценностей. Правовые предписания не должны вступать в явное противоречие с традиционными ценностными ориентациями большинства населения.

В процессе соответствующих изменений институт семьи, забота о здоровье, стремление к образованию и готовность трудиться уверенно удерживают лидирующие позиции в опросах граждан.

Указанные выше социологические данные позволяют сделать вывод о том, что правовое обеспечение духовно-нравственных ценностей не следует трактовать как ущемление личных

[1] Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Ценности молодежи: аналитический обзор [Эл. ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?utm (дата обращ.: 30.03.2026).
[2] Молодежь России: главные ценности и финансовые привычки 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=43bfd035-27ac-4302-8a45-f31ee5748c3a&blockID=1303&regionID=16&lang=ru&type (дата обращения: 30.03.2026).

прав или введение цензурных ограничений. Гораздо более адекватной представляется иная интерпретация: действующая правовая система обеспечивает охрану ценностных ориентиров, опираясь на сами права человека. Такие правомочия, как уважение человеческого достоинства, доступ к образованию, свобода мировоззренческого выбора, право родителей воспитывать своих детей, а также ограждение несовершеннолетних от информации, наносящей ущерб их развитию в своей совокупности создают юридическую основу для защиты полноценного становления подрастающего поколения. Иными словами, охрана традиционных ценностей осуществляется не в обход прав и свобод личности, а именно через их всемерную реализацию.

Заслуживает внимания и вопрос о преодолении потребительского (сервисного) подхода к образованию. Восприятие обучения как разновидности коммерческой услуги входит в противоречие с его общественно значимой природой и воспитательной функцией. Когда образование сводится к обслуживанию потребительских запросов, акцент неизбежно смещается в сторону индивидуальных пожеланий и сиюминутной практической выгоды, тогда как формирование у человека духовно-нравственных опор требует продолжительного системного воздействия со стороны институтов. В рамках своей последовательной и весьма продуманной нормотворческой деятельности отечественный законодатель целенаправленно преодолевает отмеченную выше терминологическую и смысловую редукцию. В законодательство вводятся такие юридические конструкции, которые выражают суть образовательного процесса (например, реализация образовательных программ, исполнение государственного задания и т.д.). Таким образом, в настоящее время в России созданы необходимые условия для обеспечения аксиологической основы образования.

В научных работах отмечается, что расхождение между правовой и нравственной оценками способно вызывать феномены «коллизионного отторжения». Как подчеркивает В.М. Баранов, одно и то же деяние нередко получает одновременно юридическую и моральную характеристики, которые могут расходиться между собой, что ведет к возникновению конфликтующих регулятивных моделей [14, с. 69-70]. В отношении рассматриваемой нами проблемы противоречивость интересов участников правоотношений создает почву для дисбаланса в нормативной системе. Речь в данном случае идет о коллизиях между родителями и образовательными организациями по вопросам содержания воспитания, между свободой информации и необходимостью защиты обучающихся (в связи с ограничением доступа к контенту), между принципом светскости образования и опорой на духовно-нравственные традиции и т.д.

При этом следует поддержать позицию А. И. Овчинникова, который справедливо отмечает, что представители юридического экспертного сообщества могут восстановить духовно-нравственную легитимность права, если будут опираться на традиционные ценностные ориентиры и преодолеют узость сугубо индивидуалистического правопонимания [2, с. 13].

Именно в образовательной среде формируется правосознание и закрепляются ценностные ориентиры: уважение к правам окружающих, осознание социальной ответственности и устремленность к общему благу. Такое воздействие предупреждает деструктивное поведение, вызванное отрывом права от нравственности. Поэтому юридическая охрана духовно-нравственных ценностей в образовании, несмотря на возможные коллизии, полностью легитимна. Она коренится в правовой природе государства, связана с защитой достоинства личности и обеспечивает устойчивое развитие социума через воспитание ценностных основ правомерного поведения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в сфере воспитания и образования юридическое сопровождение духовно-нравственных ценностей выделяется в отдельное регулятивное направление. Его отличают собственный предмет (общественные отношения, складывающиеся при передаче ценностных ориентиров), широкий круг участников (ребенок, семья, образовательные учреждения, государство), специфические инструменты внедрения (межотраслевое и превентивное

воздействие); а также публично-правовая деятельность (приобщение молодого поколения к традиционным духовно-нравственным ценностям через механизмы социализации).

Во-вторых, именно образовательная среда служит ключевой площадкой для трансляции и укоренения традиционных духовно-нравственных ценностей. Здесь социализация, воспитание и правовое влияние объединены в целостный процесс, благодаря которому у личности вырабатываются прочные мировоззренческие ориентиры. Эти ориентиры обладают воспроизводственным потенциалом, определяя будущее состояние общества.

В-третьих, традиционные духовно-нравственные ценности в сфере образования приобрели в российском законодательстве статус общеобязательных. Их закрепление произошло на нескольких уровнях: в перечне образовательных результатов, в федеральных государственных образовательных стандартах, в рабочих программах воспитания, а также в стратегических документах. В итоге выстроена нормативно оформленная цепочка преемственности, которая ведёт от законодательного принципа к конкретной воспитательной технологии.

В-четвертых, особенность правовой защиты духовно -нравственных ценностей в образовательной сфере обусловлена ее целевой аудиторией, а именно личностью, находящейся в процессе становления. Сама же защита осуществляется путём продолжительного, межотраслевого, превентивного и ценностно-ориентированного воздействия. Конечная цель такого воздействия заключается в формировании у человека внутренне одобряемого им самим и обществом правомерного поведения и устойчивого уровня правосознания.

Наконец, в-пятых очевидно, что между правами родителей, государственными интересами, автономией несовершеннолетнего, светским характером образования и задачами ценностной социализации существуют объективные противоречия. Тем не менее, правовая защита традиционных духовно-нравственных ценностей является вполне легитимной. Причина в том, что она действует не вопреки правам и свободам человека, а через их гармоничную реализацию. Она согласуется с защитой человеческого достоинства, безопасным взрослением ребёнка и потребностями устойчивого развития общества.

Список источников

1. Стремоухов А. В. Правовая защита человека. СПб: СПбГУП, 2007. 312 с. EDN: QVONVT
2. Овчинников А. И. Духовно-нравственная легитимация права: мировоззренческий контекст // Философия права. 2013. № 1. С. 12–17. EDN: RADPCH
3. Козлова А. А. Общая характеристика духовно-нравственных ценностей как объекта правовой защиты // Advances in Law Studies. 2024. Т. 12. № 3. С. 11-15. https://doi.org/10.29039/2409-5087-2024-12-3-11-15. EDN: QTPXWL
4. Чуйченко К. А., Кропачев Н. М., Кондуров В. Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 156–165. https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201. EDN: BBHZHJ
5. Бурмакин П. Н. Влияние системы правового воспитания на процесс формирования правовой социализации личности // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №3. С. 150–154. EDN: WXFLWL
6. Гладких В. В., Панкова Е. И. Интеграция науки и образования как эффективное средство сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 580-591. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-580-591. EDN: AMAIDM
7. Козлова Т. А., Кульневич Т. В. Духовные и нравственные ценности в педагогическом контексте как источник созидательной деятельности человека // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С. 310–324. https://doi.org/10.21515/1990-4665-131-030. EDN: ZRXWQL
8. Семья Г. В., Бурлакова И. А., Клопотова Е. Е., Радчиков А. С. К портрету современного дошкольника: особенности ценностных ориентаций // Психолого-педагогические исследования. 2025. Т. 17. № 4. С. 5–22. https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170401. EDN: DMEXPZ
9. Воюшина М. П., Белоруссова С. А. Диагностика отношения первоклассников к традиционным российским ценностям // Педагогический ИМИДЖ. 2025. Т. 19. № 3. С. 366-383. https://doi.org/10.32343/10.32343/2409-5052-2025-19-3-366-383 EDN: LCBNWI
10. Пушкина Т. Ф., Кучерова С. В. Специфика системы ценностей современных подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67-3. С. 309–312. EDN: CYAURA

11. Шубников Ю.Б., Пристанскова Н. И. К вопросу защиты прав участников образовательного процесса: теоретико-методологический анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 191. С. 186–192. EDN: ZGWBOM

12. Дурнева Т. В., Гринева Е. А., Чернова Т. В. Исторические предпосылки становления духовно-нравственных ценностей в образовании // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6. С. 70. EDN: AMYIGY

13.Меремьянина А. И., Веревкина Т. В., Сиверина А. В., Шиляева Т. А. Современные тенденции развития системы образования в духовно-нравственном воспитании молодого поколения // Управление образованием: теория и практика. 2025. Т. 15. № 3-1. С. 292–299. https://doi.org/10.25726/n9229-2108-5630-l. EDN: VLUTRE

14.Баранов В. М. Коллизионные проблемы нравственного измерения современного российского законодательства: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 66–80. EDN: XIMTMP

References

1. Stremoukhov A.V. *Legal protection of a person.* Saint-Petersburg; 2007. 312 p. EDN: QVONVT

2. Ovchinnikov A.I. Spiritual and Moral Legitimation of Law: Ideological Context. *Philosophy of Law*. 2013;(1):12-17. (In Russ). EDN RADPCH.

3. Kozlova A.A. General Characteristics of Spiritual and Moral Values as an Object of Legal Protection. *Advances in Law Studies*. 2024;(3):11–15. (In Russ). https://doi.org/10.29039/2409-5087-2024-12-3-11-15. EDN QTPXWL

4. Chuychenko K.A., Kropachev N.M., Kondurov V.E. Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Context of Modern Legal Policy. *Pravovedenie*. 2024;(2):156–165. (In Russ). https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201

5. Burmakin P.N. The Influence of the Legal Education System on the Process of Formation of Legal Socialization of an Individual. *Humanities and law research*. 2016;(3):150–154. (In Russ). EDN WXFLWL

6. Gladkikh V. V., Pankova E. I. Integration of Science and Education as an Effective Means of Preserving and Strengthening Spiritual and Moral Values. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2023;(3):580–591. (In Russ). https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-580-591. EDN AMAIDM

7. Kozlova T.A., Kulnevich T.V. Spiritual and Moral Values in the Pedagogical Context as a Source of Human Creative Activity. *Polythematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University.* 2017;(131):310–324. (In Russ). https://doi.org/10.21515/1990-4665-131-030. EDN ZRXWQL

8. Family G.V., Burlakova I.A., Klopotova E.E., Radchikov A.S. Towards a Portrait of a Modern Preschooler: Features of Value Orientations. *Psychological and Pedagogical Research*. 2025;(4):5–22. (In Russ). https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170401. EDN DMEXPZ

9. Voyushina M.P., Belorussova S.A. Diagnostics of first-graders' attitudes toward traditional Russian values. *Pedagogical IMAGE*. 2025;(3):366–383. (In Russ). https://doi.org/10.32343/10.32343/2409-5052-2025-19-3-366-383. EDN LCBNWI

10. Pushkina T.F., Kucherova S.V. Specifics of the value system of modern teenagers. *Problems of modern pedagogical education*. (In Russ). 2020;(67-3):309–312. EDN CYAURA

11. Shubnikov Yu.B., Pristanskova N.I. On the Issue of Protecting the Rights of Participants in the Educational Process: A Theoretical and Methodological Analysis. *Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2019;(191):186–192. (In Russ). EDN ZGWBOM

12. Durneva T.V., Grineva E.A., Chernova T.V. Historical Prerequisites for the Formation of Spiritual and Moral Values in Education. *Modern Problems of Science and Education*. (In Russ). 2019;(6):70. EDN AMYIGY

13. Meremyanina A.I., Verevkina T.V., Siverina A.V., Shilyaeva T.A. Modern trends in the development of the education system in the spiritual and moral education of the younger generation. *Education Management: Theory and Practice*. 2025;(3-1):292-299. (In Russ). https://doi.org/10.25726/n9229-2108-5630-l. EDN VLUTRE

14. Baranov V.M. Conflict of laws problems of the moral dimension of modern Russian legislation: doctrine, practice, technique. *Juridical techniques*. 2017;(11):66-80. (In Russ). EDN XIMTMP

Информация об авторе

А. А. Кузнецова – аспирант факультета «Юридический», Донской государственный технический университет.

Information about the author

A. A. Kuznetsova – Postgraduate Student of the Faculty of law of the Don State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.
Статья поступила в редакцию 16.04.2026; одобрена после рецензирования 27.05.2026; принята к публикации 29.05.2026. The article was submitted 16.04.2026; approved after reviewing 27.05.2026; accepted for publication 29.05.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 107–115
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):107–115

Научная статья
УДК 342.4+349.6
EDN OWXYYN

Развитие конституционных основ экологической безопасности в современной России

Павел Петрович Баранов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, baranov-pp@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-7062-5266

Аннотация

Введение. Динамичное развитие общественных отношений, появление новых экологических рисков, вызовы, связанные с изменением климата и технологической трансформацией экономики, остро ставят вопрос о необходимости совершенствования конституционно-правовых основ в данной сфере. Речь идет не только о точечных поправках, но о системном осмыслении и развитии всего комплекса правовых норм, призванных гарантировать экологическую безопасность как публичное благо.

Цель. Исследование текущего состояния законодательства в сфере экологической безопасности в Российской Федерации и определение путей совершенствования конституционно-правовых основ ее обеспечения.

Теоретико-методологическую основу работы составили анализ действующего природоохранного законодательства, труды исследователей в области экологической безопасности и ее конституционно-правовых основ.

Результаты и выводы

Совершенствование конституционно-правовых основ обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации представляет собой не просто юридическую или техническую задачу, а стратегическую необходимость для устойчивого развития страны. Конституция РФ задает высокий стандарт, закрепляя право на благоприятную окружающую среду и признавая природные ресурсы основой жизни народов. Однако эти декларативные положения остаются недостаточно реализованными в связи с отсутствием целостной концепции государственного управления и фрагментарностью правового регулирования.

Для решения данной проблемы необходимо: а) легальное определение ключевых понятий («благоприятная окружающая среда», «экологическая безопасность», «приемлемый риск») в федеральном законе; б) закрепление процедурных гарантий, включая упрощённый порядок судебной защиты экологических прав, обязательность стратегической экологической оценки для государственных программ и планов; в) четкое распределение полномочий и ответственности между федеральным центром и регионами на основе статьи 72 Конституции, исключающее «размывание» ответственности.

Преодоление системной проблемы текущего состояния законодательства в сфере экологической безопасности, очевидно, требует: 1. Разработки и принятия Федерального закона «Об экологической безопасности в Российской Федерации» как системообразующего акта, который даст четкое определение, установит принципы, разграничит ответственность и создаст эффективные механизмы управления рисками. 2. Последующей кодификации экологического законодательства в форме Экологического кодекса РФ, который позволит

© Баранов П. П., 2026

устранить противоречия, унифицировать подходы и выстроить единую правовую систему, подчиненную общей цели обеспечения экологической безопасности. Только на основе такого комплексного подхода можно построить прочную конституционно-правовую модель, способную гармонизировать экологические, экономические и социальные интересы.

Ключевые слова: Конституция РФ, экологическая безопасность, национальная безопасность, кодификация экологического законодательства, Экологический кодекс РФ, Основы государственной политики в области экологического развития России, конституционно-правовые основы обеспечения экологической безопасности, нормативно-правовая база обеспечения экологической безопасности

Для цитирования: Баранов П. П. Развитие конституционных основ экологической безопасности в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 107–115. EDN OWXYYN

Original article

The development of the constitutional foundations of environmental safety in modern Russia

Pavel P. Baranov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
baranov-pp@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-7062-5266

Abstract

Introduction. The dynamic development of public relations, the emergence of new environmental risks, challenges related to climate change and the technological transformation of the economy, sharply raise the question of the need to improve the constitutional and legal framework in this area. This is not only about targeted amendments, but also about the systematic understanding and development of the entire set of legal norms designed to guarantee environmental safety as a public good.

Purpose. The study of the current state of legislation in the field of environmental safety in the Russian Federation and the identification of ways to improve the constitutional and legal foundations of its provision.

The theoretical and methodological basis of the work was an analysis of the current environmental legislation, the works of researchers in the field of environmental safety and its constitutional and legal foundations.

Results and conclusions. Improving the constitutional and legal foundations for ensuring environmental safety in the Russian Federation is not just a legal or technical task, but a strategic necessity for the country's sustainable development. The Constitution of the Russian Federation sets a high standard, enshrining the right to a favorable environment and recognizing natural resources as the basis of peoples' lives. However, these declarative provisions remain insufficiently implemented due to the lack of a holistic concept of public administration and the fragmented nature of legal regulation.

To solve this problem, it is necessary: a) to legally define key concepts ("favorable environment", "environmental safety", "acceptable risk") in federal law; b) to consolidate procedural guarantees, including a simplified procedure for judicial protection of environmental rights, the obligation of strategic environmental assessment for government programs and plans; c) a clear distribution of powers and responsibilities between the federal center and the regions based on article 72 of the Constitution, excluding the "blurring" of responsibility.

Overcoming the systemic problem of the current state of legislation in the field of environmental safety obviously requires: 1. Development and adoption of the Federal Law "On Environmental Safety in the Russian Federation" as a system-forming act that will provide a clear definition, establish principles, delineate responsibilities and create effective risk management mechanisms. 2. The subsequent codification of environmental legislation in the form of the Environmental Code of the Russian Federation, which will eliminate contradictions, unify approaches and build a unified legal system subordinated to the common goal of ensuring environmental safety.

Only on the basis of such an integrated approach is it possible to build a solid constitutional and legal model capable of harmonizing environmental, economic and social interests.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, environmental safety, national security, codification of environmental legislation, Environmental Code of the Russian Federation, Fundamentals of state policy in the field of environmental development of Russia, constitutional and legal foundations of environmental safety, regulatory framework for environmental safety
For citation: Baranov P. P. The development of the constitutional foundations of environmental safety in modern Russia. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):77–89. (In Russ.). EDN OWXYYN

Введение

В современную эпоху, когда антропогенное воздействие на природу достигло глобальных масштабов, а последствия экологических кризисов напрямую угрожают здоровью, благополучию и самому будущему человечества, вопросы экологической безопасности перестают быть лишь частью природоохранной политики. Они становятся фундаментом национального суверенитета, условием социальной стабильности и императивом устойчивого развития государства. В Российской Федерации, обладающей колоссальными природными ресурсами и уникальными экосистемами, эта проблема приобретает особую значимость.

Динамичное развитие общественных отношений, появление новых экологических рисков, вызовы, связанные с изменением климата и технологической трансформацией экономики, остро ставят вопрос о необходимости совершенствования конституционно-правовых основ в данной сфере. Речь идёт не только о точечных поправках, но о системном осмыслении и развитии всего комплекса правовых норм, призванных гарантировать экологическую безопасность как публичное благо.

Целью настоящей статьи выступает исследование текущего состояния законодательства в сфере экологической безопасности в Российской Федерации и определение путей совершенствования конституционно-правовых основ ее обеспечения.

Теоретическая база исследования

Отметим, что в рассматриваемой предметной области в последние годы появилось достаточное большое число научных публикаций российских авторов, что свидетельствует о высокой общественной значимости поднимаемых вопросов в сфере конституционно-правовых основ обеспечения экологической безопасности. Отметим лишь некоторые из них, которые представляют, на наш взгляд, интерес для проведения нашего исследовательского анализа.

Характеристике доктринальных и нормативных подходов к определению и сущности экологической безопасности посвящена работа Е. П. Тимофеева, в которой автор представил анализ отдельных международных и отечественных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы экологической безопасности. Он приходит к выводу, что «Отсутствие четкого определения экологической безопасности усложняет разработку эффективных мер, направленных на защиту окружающей среды. Требуется пересмотр сложившегося подхода и закрепление сущностного понимания экологической безопасности в доктрине и соответствующих правовых нормах. Это позволит усилить защиту экологической безопасности и обеспечить устойчивое экологическое развитие страны» [1, с. 67].

Вопросам происхождения, развития и современного состояния экологической безопасности в системе национальной безопасности в России в целом посвящено исследование А. И. Абдуллина и К. Б. Валиуллина. В своей работе авторы особо отмечают недостаточную проработку терминологической базы в российском законодательстве: «В действующем российском законодательстве все еще отсутствуют четко сформулированные правовые определения некоторых терминов, применяемых в деятельности по обеспечению экологической безопасности, что позволяет формировать разные представления об объекте охраны, в некоторых случаях недостаточно емкие». Исследователи, на наш взгляд, справедливо высказывают точку зрения и делают вывод, что «отсутствие четких правовых определений

у таких терминов, как: «обеспечение экологической безопасности», «меры экологической безопасности», «нормы экологической безопасности», «экологически безопасное производство»… ведет к возникновению сложностей в применении их на практике» [2, с. 55].

Историко-правовым аспектам правового обеспечения экологической безопасности в России посвящено исследование Н. В. Михайловой и Е. В. Зазолиной, которые в своей работе предложили авторский подход к периодизации истории развития законодательства в указанной сфере [3].

В свете характеристики конституционно-правовых основ обеспечения экологической безопасности, чему и посвящена настоящая статья, отметим работы Е. В. Виноградовой, Е.М. Проходимова, О. А. Губановой, С. И. Меженской, А. И. Мартыновой.

В частности, Е. В. Виноградова по результатам своего исследования приходит к выводу «о необходимости исследований экологической безопасности в контексте конституционно-правовых основ. Институционализация специфической концепции экологической безопасности предопределена уникальностью природного многообразия, отмеченного в Конституции Российской Федерации» [4, с. 54].

Исследованием правовых основ экологических безопасности занимались в том числе и Е. М. Проходимова и О.А. Губанова, которые констатировали то, что «достижение экологической безопасности невозможно без прочных правовых основ, регулирующих отношения в сфере природопользования и охраны окружающей среды» [5, с. 547].

Вопросам формирования правовой базы обеспечения экологической безопасности, а также современным проблемам экологического законодательства России посвящены научные работы С. И. Меженской [6] и А. И. Мартынова [7], в которых авторы проводят анализ действующего законодательства, определяют основные направления повышения эффективности законодательной базы в сфере экологической безопасности России.

Результаты и обсуждение

Как уже было отмечено выше, проблема экологической безопасности в современной России крайне актуальна, и государственная задача ее обеспечения вышла в настоящее время на первый план среди первостепенных задач.

Нам видится, что совершенствование конституционно-правовых основ обеспечения экологической безопасности предстаёт как комплексная и насущная задача, от решения которой зависит выполнение социального контракта между государством и обществом, сохранение природного капитала страны и обеспечение достойного качества жизни для нынешнего и будущих поколений.

Несомненным фактом является то, что для эффективного решения поставленной задачи требуется надёжная законодательная база, чётко регламентирующая права, ограничения и поведенческие нормы всех участников правоотношений в экологической сфере. При том что экологическая безопасность является одним из ключевых элементов национальной безопасности государства [2; 8; 9], приходится признать отсутствие целостной научно обоснованной концепции государственного управления в этой области. По нашему мнению, нет единого стратегического видения, которое превратило бы разрозненные нормы в целостный механизм упреждающего действия. Законодательство развивается тактически, а не на основе общего замысла, что существенно снижает его потенциал и порождает правовые пробелы.

Отметим, что указанная концептуальная неопределённость существует на фоне обширного массива федерального законодательства. В РФ действует целый комплекс федеральных законодательных актов, регулирующих эту сферу жизни. Приведем лишь несколько цифр. Блок общих законов в этой сфере включает 4 закона, блок законов по экологической безопасности – 7 законов, блок законов по радиационной безопасности – 4 закона, блок законов по природным ресурсам – 17 законов, блок законов в области экологической информации – 4 закона.

Система экологического законодательства России, базирующаяся на конституционных положениях, структурирована в виде двух взаимосвязанных подсистем: природоохранного и природоресурсного законодательства.

Как известно, природоохранное законодательство формирует основу экологической политики государства. Его ядро составляет Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[1], дополненный иными актами комплексного правового регулирования, направленными на защиту и сохранение природной среды.

В свою очередь, природоресурсное законодательство регулирует вопросы использования и охраны отдельных природных ресурсов. В его состав входят: Земельный кодекс РФ[2]; Лесной кодекс РФ[3]; Водный кодекс РФ[4]; Федеральный закон «О недрах»[5]; Федеральный закон «О животном мире»[6]; иные профильные федеральные законы и подзаконные нормативные акты. Такое разделение позволяет обеспечить как общую защиту окружающей среды, так и дифференцированный подход к управлению отдельными природными ресурсами с учётом их специфики.

Основные положения экологической стратегии России и главные направления охраны и защиты экологического правопорядка закреплены в Конституции РФ[7]. Отметим, что в конституционном регулировании экологической безопасности ключевую роль играют положения статьи 9. Часть 1 этой статьи закрепляет принцип использования и охраны земли и иных природных ресурсов как фундамента жизнедеятельности населения соответствующих территорий.

Статья 42 Конституции РФ гарантирует право каждого на благоприятную окружающую среду, что отвечает фундаментальным биологическим потребностям человека в чистом воздухе, воде и безопасном существовании. Часть 2 статьи 9, в свою очередь, устанавливает право граждан и юридических лиц на частную собственность в отношении земли и других природных ресурсов. Таким образом, необходимо отметить, что если первая из названных статей Конституции РФ касается биологических начал человека, то вторая относится к материальным основам существования людей.

В Конституции также закрепляются организационно-правовые взаимоотношения Федерации и субъектов Федерации. В ст. 72 сказано, что пользование, владение и распоряжение землёй, недрами, водными и другими природными ресурсами, природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности относятся к совместной компетенции Федерации и субъектов Федерации.

Таким образом, Конституция РФ (ст. 9, 42, 72) задает высокую планку и закладывает фундаментальные принципы, но, по нашему мнению, не предоставляет детализированного механизма для ее достижения, оставляя пространство для противоречий между экологическими, экономическими и частноправовыми конституционными нормами.

---

[1] Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об охране окружающей среды" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/

[2] "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/

[3] "Лесной кодекс Российской Федерации" от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/

[4] "Водный кодекс Российской Федерации" от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026).

[5] Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 29.12.2025) "О недрах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/

[6] Федеральный закон от 24.04.1995 N 52-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О животном мире". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/

[7] Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Для решения данной проблемы, на взгляд автора настоящей статьи, необходимы следующие меры:

а) легальное определение ключевых понятий («благоприятная окружающая среда», «экологическая безопасность», «приемлемый риск») в федеральном законе;

б) закрепление процедурных гарантий, включая упрощённый порядок судебной защиты экологических прав, обязательность стратегической экологической оценки для государственных программ и планов;

в) четкое распределение полномочий и ответственности между федеральным центром и регионами на основе статьи 72 Конституции, исключающее «размывание» ответственности.

В свете рассматриваемой в данной статье проблематики необходимо отметить, что стратегическим политико-правовым документом в сфере экологической безопасности в РФ являются «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года», утвержденные Президентом РФ своим указом 30 апреля 2012 года[1]. Данный акт выполняет роль концептуального каркаса. Он увязывает экологические цели с социально-экономическим развитием, определяет приоритеты государственного регулирования и критерии оценки прогресса в сфере экологической безопасности. По сути своей этот документ зафиксировал своевременный и прогрессивный переход от узко понимаемой «охраны природы» к парадигме «экологического развития», интегрирующей экологические императивы в основу социально-экономического планирования.

Необходимо особо отметить, что в этом важном для сферы экологической безопасности стратегическом документе констатируется: «стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечение экологической безопасности»[2].

Однако, на наш взгляд, документ так же содержит ряд «слабостей», ограничивающих его практическую эффективность. Он носит декларативный характер, лишён конкретных измеримых индикаторов достижения целей, механизмов их реализации и чёткого ресурсного обеспечения, что не позволяет, на взгляд автора настоящей статьи, объективно оценивать прогресс и возлагать ответственность за его отсутствие. Отметим, что в данном документе не заложены действенные процедуры координации между различными ведомствами и уровнями власти, отсутствует адаптивный механизм для оперативного учёта новых глобальных вызовов.

Следует подчеркнуть, что стратегический документ по экологическому развитию прямо выделяет в качестве одной из приоритетных задач государства – совершенствование нормативно-правовой базы в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Эта задача задаёт долгосрочный курс развития экологического законодательства, цель которого состоит в формировании действенной, прозрачной и отвечающей современным вызовам системы правового регулирования природоохранной деятельности. По нашему мнению, реализация такой масштабной задачи позволит укрепить экологическую безопасность страны и обеспечить сбалансированное природопользование в интересах нынешнего и будущих поколений.

---

[1] Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012).
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/

[2] Там же.

На сегодняшний день при наличии весьма большого массива законодательства в экологической среде, на наш взгляд, на первый план выходит задача кодификации экологического законодательства [10–11]. Поэтому следует согласиться с предложениями о создании Экологического кодекса Российской Федерации. Он призван систематизировать разрозненные нормы, устранить противоречия и создать логичную иерархию правовых инструментов [12].

Несомненно, что принятие Экологического кодекса способно принести ощутимые результаты для всех участников экологических отношений. Государство получит инструмент единой правовой политики и повысит эффективность экологического контроля. Бизнес обретет предсказуемую регуляторную среду и снизит издержки на соблюдение норм. Граждане получат более простой доступ к механизмам защиты экологических прав. В целом кодификация станет стратегическим шагом к формированию прозрачной и эффективной системы охраны окружающей среды, обеспечивающей долгосрочную экологическую безопасность страны.

Поскольку экологическая безопасность представляет собой состояние защищённости природной среды и ключевых интересов человека от потенциально вредных последствий хозяйственной деятельности, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного происхождения и их последствий, на наш взгляд, существует потребность реально соединить воедино разбросанные в различных нормативных актах правовые нормы, регулирующие отношения в этой сфере защиты, в специальном отдельном Федеральном законе «Об экологической безопасности в Российской Федерации». Принятие такого закона позволило бы выстроить целостную систему правового регулирования, устранив нынешнюю несогласованность и неопределенность. Как нам представляется, в нём можно было бы четко зафиксировать базовое понятие экологической безопасности, а также обозначить критерии, позволяющие отличать допустимые риски от чрезвычайных экологических ситуаций. Ключевое значение имело бы закрепление в законе целей, задач и системы принципов экологического регулирования. Закон мог бы ввести унифицированные механизмы предупреждения и реагирования. Одновременно следовало бы прописать систему ответственности за нарушение нормативов, сокрытие данных и несвоевременное реагирование на инциденты.

Таким образом, можно сделать вывод, что совершенствование конституционно-правовых основ обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации представляет собой не просто юридическую или техническую задачу, а стратегическую необходимость для устойчивого развития страны. Конституция РФ задает высокий стандарт, закрепляя право на благоприятную окружающую среду и признавая природные ресурсы основой жизни народов. Однако эти декларативные положения остаются недостаточно реализованными в связи с отсутствием целостной концепции государственного управления и фрагментарностью правового регулирования.

Заключение

В завершение нашего исследования отметим, что анализ текущего состояния законодательства выявляет парадокс: при наличии множества законов и стратегических документов система регулирования остаётся разрозненной, реактивной и не способной в полной мере обеспечивать упреждающую защиту от экологических угроз. На наш взгляд, очевидно, что преодоление этой системной проблемы требует двух взаимосвязанных действий:

1. Разработки и принятия Федерального закона «Об экологической безопасности в Российской Федерации» как системообразующего акта, который даст чёткое определение, установит принципы, разграничит ответственность и создаст эффективные механизмы управления рисками.

2. Последующей кодификации экологического законодательства в форме Экологического кодекса РФ, который позволит устранить противоречия, унифицировать подходы

и выстроить единую правовую систему, подчинённую общей цели обеспечения экологической безопасности.

Только на основе такого комплексного подхода можно построить прочную конституционно-правовую модель, способную гармонизировать экологические, экономические и социальные интересы. Реализация указанных мер станет конкретным шагом к выполнению социального контракта между государством и обществом, сохранению природного капитала страны и обеспечению права нынешних и будущих поколений россиян на безопасную и благоприятную среду обитания.

Список источников

1. Тимофеев Е. П. Доктринальные и нормативные подходы к определению и сущности экологической безопасности // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 4. С. 63-68. https://doi.org/10.26163/GIEF.2024.43.32.009. EDN: BALXRD

2. Абдуллин А. И., Валиуллина К. Б. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: происхождение, развитие, современное состояние // Московский журнал международного права. 2025. № 3. С. 44–58. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-44-58. EDN: CUMNLZ

3. Михайлова Н. В., Зазолина Е. В. Правовое обеспечение экологической безопасности в России: историко-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 131–137. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-5-131-137. EDN: LGETKB

4. Виноградова Е. В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в современной России // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 2. С. 51–54. EDN: VSVLFK

5. Проходимова Е. М., Губанова О. А. Исследование правовых основ экологической безопасности // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 547–552. EDN: FCQDGH

6. Меженская С. И. Формирование правовой базы обеспечения экологической безопасности // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2025. № 3 (93). С. 98–100. EDN: TJKXTN

7. Мартынова А. И. Некоторые современные проблемы экологического законодательства России // Человек. Социум. Общество. 2024. № 1. С. 141–145. EDN: WQMMSM

8. Мотова Е. А. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2025. № 2. С. 83–87. EDN: BVRZMN

9. Бидова Б. Б., Бетуганов А. А. Экологическая безопасность как элемент национальной безопасности России // Вестник СКФО: право и экономика. 2024. № 2 (30). С. 38–43. EDN: TNXPKI

10. Сагитов С. М., Огрина В. В. Теоретические аспекты кодификации экологического законодательства Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2025. № 5 (204). С. 286-288. EDN: TINAMC

11. Зазолина Е. В. Проблемы и перспективы кодификации экологического законодательства Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 1. С. 46–56. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-1-46-56. EDN: ASNQRS

12. Боголюбов С. А. Экологический кодекс не сходит с повестки дня // Черные дыры в Российском законодательстве. 2023. № 2. С. 64–69. EDN: LPIMQS

References

1. Timofeev E.P. Doctrinal and normative approaches to the definition and essence of environmental safety. *Journal of Legal and Economic Studies.* 2024;(4):63–68. (In Russ.). https://doi.org/10.26163/GIEF.2024.43.32.009. EDN: BALXRD

2. Abdullin A.I., Valiullina K.B. Environmental safety in the national security system of the Russian Federation: origin, development, current state. *Moscow Journal of International Law.* 2025;(3):44–58. (In Russ.). https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-44-58. EDN: CUMNLZ

3. Mikhailova N.V., Zazolina E.V. Legal provision of environmental safety in Russia: historical and legal aspect. *Vestnik of economic security.* 2024;(5):131–137. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-5-131-137. EDN: LGETKB

4. Vinogradova E.V. Constitutional and legal aspects of ensuring environmental safety in modern Russia. *Legal science: history and the presence.* 2023;(2):51–54. (In Russ.). EDN: VSVLFK

5. Prokhodimova E.M., Gubanova O.A. Investigation of the legal foundations of environmental safety. *Legal science.* 2025;(4):547–552. EDN: FCQDGH

6. Mezhenskaya S.I. Formation of the legal framework for ensuring environmental safety. *Vestnik of Lugansk State University named after Vladimir Dahl.* 2025;3(93):98–100. (In Russ.). EDN: TJKXTN

7. Martynova A.I. Some modern problems of environmental legislation of Russia. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo.* 2024;(1):141–145. (In Russ.). EDN: WQMMSM

8. Motova E.A. Environmental safety in the national security system of the Russian Federation. *"Black Holes" in Russian Legislation.* 2025;(2):83–87. (In Russ.). EDN: BVRZMN

9. Bidova B.B., Betuganov A.A. Environmental safety as an element of Russia's national security. *Bulletin of the North Caucasian Federal District: law and economics.* 2024;2(30):38–43. (In Russ.). EDN: TNXPKI

10. Sagitov S.M., Ogrina V.V. Theoretical aspects of the codification of environmental legislation of the Russian Federation. *Eurasian Law Journal*. 2025;5(204):286–288. (In Russ.). EDN: TINAMC

11. Zazolina E.V. Problems and prospects of codification of environmental legislation of the Russian Federation. *Siberian Law Review.* 2025;22(1):46–56. (In Russ.). https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-1-46-56. EDN: ASNQRS

12. Bogolyubov S.A. The Environmental Code does not leave the agenda. *"Black Holes" in Russian Legislation*. 2023;(2):64–69. (In Russ.). EDN: LPIMQS

Информация об авторе

П. П. Баранов – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

P. P. Baranov – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 116–124
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):116–124

Научная статья
УДК 342.8
EDN FLOSRA

Цензы и ограничения при реализации пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной Думы: конституционные постулаты и их имплементация в российском законодательстве

Леонид Владимирович Акопов[1], Игорь Александрович Сизько[2]

[1, 2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Леонид Владимирович Акопов, norin.gospravo@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9909-7919

Аннотация

Введение. Осенью 2026 г. состоятся очередные выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания в связи с чем в реальном избирательном процессе будут применяться установленные законодательством цензы и ограничения для выдвигаемых кандидатов из числа граждан Российской Федерации. Современные процессы отечественного государственного строительства характеризуются переосмыслением базовых основ организации и функционирования национального механизма государственной власти, прежде всего, в контексте реализации гражданами Российской Федерации своих конституционных прав. При этих обстоятельствах актуализируется проблема правовой природы избирательных цензов и ограничений, их доктринального развития, места в системе конституционного права, роли в реализации гражданами права участвовать в управлении делами государства в контексте права быть избранными в органы публичной власти.

Цель. На основе системно-логического анализа существующих в законодательстве цензов и ограничений пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации внести предложения по совершенствованию правоприменения норм действующего законодательства по этой проблематике.

Теоретические основы. Наличие избирательных цензов и ограничений призвано способствовать формированию качественного профессионального состава депутатов Государственной Думы, что позволяет повышать эффективность законодательной деятельности государства. Применение избирательных цензов и ограничений в процессах государственного строительства способствует упорядочению условий и требований к избирателям и кандидатам в представительные органы государственной власти и местного самоуправления и другие органы публичной власти. Исходя из существующей национальной практики, полагаем, что некоторые цензы и ограничения в отношении пассивного избирательного права при выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нуждаются в корректировках, в то же время важно, чтобы внедрение новаций было приемлемым для реального обеспечения избирательных прав и свобод граждан, не имело чрезмерного характера и не приводило к их трансформации в качестве инструмента дискриминации отдельных граждан.

Результаты и выводы. Вопросы применения избирательных цензов и ограничений в отношении пассивного избирательного права в ходе избрания Государственной Думы в России требуют пристального внимания со стороны федеральных органов власти и гражданского общества. Целесообразно ускорить процесс совершенствования правового регулирования данных общественных отношений с учетом более чем тридцатилетнего опыта избрания указанной палаты российского парламента. Сформулированные в статье теоретические положения могут быть использованы в последующих научных исследованиях по данной проблематике.

© Акопов Л. В., Сизько И. А., 2026

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, законодательство о выборах, избирательные цензы, избирательный процесс, выборы, пассивное избирательное право, Государственная Дума, депутат Государственной Думы, возрастной ценз, ценз оседлости, выдвижение кандидатов в депутаты Государственной Думы, обязательные сведения о кандидатах, принципы избирательного права, избирательная система, статус депутата Государственной Думы, ответственность депутатов
Для цитирования: Акопов Л. В., Сизько И. А. Цензы и ограничения при реализации пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной Думы: конституционные постулаты и их имплементация в российском законодательстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 116–124. EDN FLOSRA

Original article

Censorship and restrictions on the exercise of passive suffrage in the elections of State Duma deputies: constitutional principles and their implementation in Russian legislation

Leonid V. Akopov[1], Igor A. Sizko[2]

[1, 2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
Corresponding author: Leonid V. Akopov, norin.gospravo@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9909-7919

Abstract

Introduction. In the fall of 2026, the next elections for deputies of the State Duma of the Federal Assembly will be held, and the real electoral process will be subject to the legal requirements and restrictions for candidates from among the citizens of the Russian Federation. The current processes of domestic state-building are characterized by a rethinking of the basic principles of the organization and functioning of the national mechanism of state power, primarily in the context of the exercise of constitutional rights by the citizens of the Russian Federation. Under these circumstances, the problem of the legal nature of electoral qualifications and restrictions, their doctrinal development, their place in the system of constitutional law, and their role in the implementation of citizens' right to participate in the management of state affairs in the context of the right to be elected to public authorities becomes relevant.

Purpose. Based on a systematic and logical analysis of the existing qualifications and restrictions on passive suffrage in the elections of deputies to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, to make proposals for improving the application of the current legislation on this issue.

Theoretical foundations. The presence of electoral qualifications and restrictions is intended to contribute to the formation of a high-quality professional staff of State Duma deputies, which allows for increasing the effectiveness of the state's legislative activities. The use of electoral qualifications and restrictions in the processes of state building contributes to streamlining the conditions and requirements for voters and candidates for representative bodies of state power and local self-government, as well as other public authorities. Based on the existing national practice, we believe that certain qualifications and restrictions on passive suffrage in the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation need to be adjusted. At the same time, it is important that the introduction of innovations be acceptable for the real implementation of citizens' electoral rights and freedoms, and that it not be excessive or transformative into a tool for discriminating against individual citizens.

Results and conclusions. The issues of the application of electoral qualifications and restrictions on passive suffrage during the election of the State Duma in Russia require close attention from federal authorities and civil society. It is advisable to accelerate the process of improving the legal regulation of these social relations, taking into account the more than thirty years of experience in electing this chamber of the Russian parliament. The theoretical provisions formulated in the article can be used in subsequent scientific research on this issue.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, election legislation, electoral qualifications, electoral process, elections, passive suffrage, State Duma, deputy of the State Duma, age limit, residency qualification, nomination of candidates for deputies of the State Duma, mandatory information about candidates, principles of electoral law, electoral system, status of a deputy of the State Duma, responsibility of deputies
For citation: Akopov L.V., Sizko I.A. Censorship and restrictions on the exercise of passive suffrage in the elections of State Duma deputies: constitutional principles and their implementation in Russian legislation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):116–124. (In Russ.). EDN FLOSRA

Введение

Избирательные права представляют собой важнейший инструмент реализации принципов народовластия и правового государства, занимающих центральное место в системе основ конституционного строя. Они предоставляют возможность каждому гражданину свободно выбирать своих представителей и влиять на принятие политических решений. Следовательно, сохранение этого механизма является важной задачей для обеспечения легитимности власти.

Четкое правовое регулирование избирательного процесса играет важнейшую роль в формировании представительных органов и избрании должностных лиц. Избирательные цензы выполняют роль своеобразных правовых «фильтров», определяют численность и контингент избирателей, а также требования к кандидатам на выборные должности. Сложно переоценить роль избирательных цензов, поскольку формирование органов публичной власти является одной из ключевых составляющих демократического общества.

Несмотря на то, что термин «избирательные цензы» прочно вошел в конституционную лексику, в правовой доктрине избирательным цензам и ограничениям уделено недостаточно внимания. Во многом от характера цензов и ограничений зависит степень демократичности избирательного права, а соответственно и механизма государственной власти. В связи с тем, что современная избирательная система России находится в состоянии перманентного дополнения и уточнения норм законодательства о выборах, качественное исследование избирательных цензов и ограничений имеет характер острой необходимости.

Одной из исходных посылок уяснения данного феномена является постулирование различий в природе активного и пассивного избирательных прав. Цензы и ограничения пассивного избирательного права в основном выступают в качестве критериев, подлежащих удовлетворению кандидатом на избираемую должность, так как в случае успеха на выборах такой кандидат приобретает весьма значимые публичные права и обязанности, а также замещает должность, которой необходимо соответствовать и принимать решения, так или иначе влияющие на общество и государство.

В отечественной научной литературе отмечается недостаточность критического анализа роли существующих избирательных цензов и ограничений в пассивном избирательном праве, что отрицательным образом влияет на понимание их смысла, а в конечном итоге – на понимание конституционного смысла избирательных прав. Работ же, специально посвященных избирательным цензам и ограничениям при реализации пассивного избирательного права гражданами на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, крайне мало.

Как верно отметили А. А. Кондрашев и Н. А. Сидорова, «введение избыточных избирательных барьеров (избирательных цензов и ограничений-фильтров) позволяет действующему политическому режиму отсекать от выборов значительное число реальных оппозиционных кандидатов, которые представляют различные социальные группы российского общества» [1, с. 59].

В контексте настоящей статьи под избирательными цензами понимаются установленные законодательством общие условия, которым должны удовлетворять граждане для реализации права быть избранными депутатами Государственной Думы. Что касается ограничений, то они представляют в этом случае сужение конкретных правовых возможностей граждан по реализации их права быть избранными в указанную палату российского парламента (подразумевающее требование о соблюдении дополнительных, нередко обременительных, условий или действий, необходимых для избрания депутатом).

Результаты и обсуждение

Объединяя активное и пассивное избирательное право, государство создает механизм демократического участия граждан в управлении делами государства, который помогает определять общую волю и обеспечивает развитие справедливого и правового общества. Эти две формы избирательного права вместе образуют основу демократии, в которой голоса большинства граждан оказывают решающее влияние на курс страны и ее будущее.

Основным отличием ограничений активного и пассивного избирательного права является то, что первое ограничено по большей мере психофизиологическими особенностями субъекта и в значительно меньшей степени обстоятельствами иного, внеличностного свойства [2, с. 5]. Пассивное же избирательное право является начальным этапом непосредственного включения гражданина в процесс осуществления властных полномочий, что не может не сказаться на его содержании и необходимости получения определенного доверия со стороны остальных членов общества. С точки зрения Конституционного Суда РФ, пассивное избирательное право является атрибутом конституционно-правового статуса гражданина в правовом демократическом государстве и одним из важнейших политических прав[1]. Именно при его реализации гражданин получает возможность представлять в органах публичной власти интересы различных социальных, политических и возрастных групп и участвовать в придании им формы законодательных актов.

Понимание природы пассивного избирательного права становится возможным в связи с уяснением феномена избирательных цензов и ограничений. Так, избирательные цензы рассматриваются как «установленные законами ограничения избирательных прав граждан» [3, с. 325]; как «установленные законодательством ограничения активного и пассивного избирательного права, обусловленные теми или иными обстоятельствами» [4, с. 16]; как «совокупность условий и ограничений, предусмотренных законом для реализации активного или пассивного избирательного права» [5, с. 176]; как условия с обязательным наличием которых закон связывает возможность реализации избирательных прав.

Конечно, избирательные цензы и ограничения для пассивного избирательного права часто имеют вид более жестких требований по сравнению с цензами активного избирательного права. Кроме того, здесь часто применяются дополнительные цензы, которые для активного избирательного права считались бы дискриминационными, а также цензы, в принципе не применимые к избирателям, в частности ценз несовместимости. Однако это лишь свидетельствует о том, что принцип всеобщего избирательного права является достаточно сложным правовым феноменом, поскольку не является единым само субъективное избирательное право. Такие цензы и ограничения очерчивают субъекта этого права, устанавливая условия владения пассивным избирательным правом, и отграничивают круг лиц, которые такого права не имеют. Также необходимо отметить, что условия приобретения пассивного избирательного права являются разными и зависят от должности, замещаемой по результатам выборов.

Конституция РФ, закрепляя пассивное избирательное право как важнейший компонент конституционного статуса граждан Российской Федерации, установила два универсальных избирательных ограничения (ч. 3 ст. 32), согласно которым не имеют права быть избранными граждане, признанные судом недееспособными и содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Как верно отмечено С. В. Юсовым и Н. Г. Мажинской, «ограничения в отношении названных категорий граждан вполне понятны», ибо, по их же мнению, «управление делами государства требует не только реального осознания гражданами совершаемых ими действий, но и наличия элементарной гражданской ответственности..., публичность совершаемых действий должна полностью исключать присутствие «чувства обиды» на государство или апатичного безволия...» [6, с. 31].

Законодательное закрепление ценза дееспособности в отношении пассивного избирательного права, включая выборы депутатов Государственной Думы, преследует цель допуска к процессам государственного строительства лиц здоровых, не имеющих психических расстройств, не злоупотребляющих спиртными напитками, наркотическими средствами, токсическими веществами, азартными играми и т. д., то есть граждан, которые способны надлежащим образом понимать значение своих действий и руководить ими.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства РФ в связи с жалобой граждан И. Л. Трунова и М. В. Юревича» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2655.

Сущность ценза дееспособности в отношении пассивного избирательного права принципиально не отличается от этого же ценза в отношении активного избирательного права. Однако проблема наличия либо отсутствия права баллотироваться на выборах для лиц, признанных ограниченно дееспособными, на наш взгляд, является достаточно острой. Физическое лицо, гражданская дееспособность которого ограничена, может самостоятельно совершать лишь мелкие бытовые сделки; относительно других правоотношений такое лицо находится под попечительством другого лица, которое и дает согласие на совершение тех или иных действий (статья 30 ГК РФ). Однако Конституция РФ не ограничивает пассивного избирательного права таких лиц, а, следовательно, они могут баллотироваться на всех выборах в Российской Федерации (в том числе на выборах депутатов Государственной Думы) и получить соответствующий депутатский мандат. Считаем, что возможность баллотироваться на выборах (а, следовательно, и быть избранными) для лиц с ограниченной дееспособностью может привести к потенциально опасным правовым последствиям ввиду зависимости в принятии решений и реализации имущественных прав от попечителя. Выходом из этой ситуации может быть введение института публично-правовой дееспособности, предусматривающего оценку судом при рассмотрении соответствующего дела о признании лица недееспособным (ограниченно дееспособным) также и степени публичной дееспособности (недееспособности) такого лица.

Отбывание наказания в виде лишения свободы по приговору суда также ограничивает реализацию права быть избранным. При этом в отношении пассивного избирательного права также действует ограничение по наличию судимости за совершенные ранее тяжкие, особо тяжкие, экстремистские преступления, преступления небольшой и средней тяжести, указанные в пп. «б.1» п. 3.2 ст.4 Закона № 67-ФЗ. То есть закон расширил конституционную формулировку, устанавливая, что ограничение по наличию судимости, при котором пассивным избирательным правом обладают граждане, у которых отсутствует судимость за совершение преступления, а также если эта судимость погашена или снята в установленном законом порядке. В отношении лиц, совершивших тяжкие преступления, ограничения в пассивном избирательном праве действуют в течение десяти лет со дня снятия или погашения судимости, а в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, действуют еще более жесткие ограничения – пятнадцать лет. В 2020 г. дополнительно были внесены изменения, расширяющие круг лиц, имеющих криминальное настоящее или прошлое, за счет включения в их число лиц, совершивших отдельные преступления средней тяжести. Для них был установлен пятилетний ограничительный срок. Несмотря на общую направленность на ужесточение, нельзя не отметить и более взвешенный и профессиональный подход к законодательному закреплению ограничений по сравнению с новеллами 2014 г., поскольку в данном случае законодатель определил перечень статей, с которыми связаны ограничения [7, с. 43].

Также отметим конституционные цензы, применяемые исключительно к реализации пассивного избирательного права в отношении депутатов Государственной Думы. Все они сформулированы в ст. 97 Конституции РФ: ценз гражданства, возрастной ценз, ценз оседлости, финансовый ценз, ценз несовместимости. В конституционной практике многих стран уже давно приобрело общепринятый характер, что одним из наиболее важных требований для приобретения и реализации субъективного избирательного права является гражданство. Из всех конституционно-правовых статусов именно гражданство дает больше всего возможностей для человека, особенно когда речь идет о политических правах и участии в управлении делами государства. Поэтому вполне логичным является то, что все граждане в юридическом смысле составляют понятие «народ», который в подавляющем большинстве конституций государств, в том числе и российской, признан единственным источником власти и носителем суверенитета в государстве. Вместе с тем сегодня требуют учета при анализе института гражданства и ценза гражданства миграционные процессы, увеличение количества внутренне и внешне перемещенных лиц. По сравнению с избирательным законодательством некоторых других стран, в России ценз гражданства не связан с определенными

требованиями относительно порядка его приобретения или срока пребывания в гражданстве, что является более прогрессивным и демократическим положением, обеспечивая именно всеобщность избирательного права.

Длительное время оставалась без внимания со стороны отечественного законодательства проблема наличия пассивного избирательного права у лиц, имеющих гражданство иностранного государства. Первоначальная редакция Конституции РФ 1993 г. устанавливала в статье 97 в качестве обязательного ценза лишь наличие гражданства РФ, ограничивая в пассивном избирательном праве на выборах депутатов Государственной Думы лишь иностранцев. В 2006 г. в Федеральный закон от 18.05.2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» вносится часть 4-1 статьи 5, закрепляющая, что наличие иностранного гражданства у гражданина России является препятствием в реализации пассивного избирательного права. Помимо иностранного гражданства в этой норме также было закреплено наличие вида на жительство в иностранном государстве, как основание лишения гражданина России пассивного избирательного права. Данные ограничения пассивного избирательного права лишь в 2020 г. получили свое конституционное закрепление. С нашей точки зрения, соответствующие изменения были внесены в законодательство в целях обеспечения безопасности государства, что согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, который в абзаце втором пункта 2.2 мотивировочной части определения от 4 декабря 2007 г. №797-О-О по этому поводу отметил, что волеизъявление лица, имеющего двойное гражданство, «в процессе реализации депутатских полномочий может обуславливаться не только требованиями конституционного порядка Российской Федерации и интересами ее народа, но и требованиями, вытекающими из принадлежности к иностранному государству».

Возрастной ценз – вид избирательного ценза, при котором гражданин может реализовать свое избирательное право (в нашем случаем – пассивное) при условии достижения им минимального возраста, который установлен Конституцией или другим законодательным актом. Для реализации активного и пассивного избирательного права, как правило, устанавливаются различные возрастные цензы. Разница заключается в установлении для кандидатов на выборные должности несколько большего для избираемого кандидата возраста, чем для голосующих избирателей. По общему правилу, чем большее значение в конституционной системе органов публичной власти имеет выборная должность или пост, тем большим для них является возрастной ценз. Для депутата общегосударственного представительного органа нужны не только сложившееся мировоззрение, политические убеждения, но и определенные профессиональные навыки и специальные знания. Управление государством, в том числе законодательный процесс, должно находиться в руках людей, которые являются политически зрелыми, имеют значительный опыт решения жизненных проблем, владеют определенной информацией об окружающем мире, способны осознанно с учетом интересов народа, государства, общества принимать законы и другие решения. Например, когда мы говорим о парламентских выборах, то в Российской Федерации право баллотироваться на должность депутата Государственной Думы имеют граждане, достигшие 21 года.

Как и для активного избирательного права, для возрастного ценза пассивного избирательного права существует особенность момента приобретения права быть кандидатом на выборах в связи с достижением возраста, установленного цензом. Поскольку возрастной ценз для кандидата связывается во времени с днем выборов, лицо, которое в начале избирательной кампании не соответствует указанным квалификационным требованиям, может быть зарегистрировано кандидатом в депутаты Государственной Думы при условии соответствия таким требованиям в перспективе на день проведения парламентских выборов. Лицо приобретает пассивное избирательное право со дня начала избирательного процесса, если оно достигает установленного возраста в день голосования, то есть (в случае, когда соответствующий возраст достигается после начала избирательного процесса) досрочно, до фактического достижения такого возраста. Отметим, однако, определенное отличие в формулировании норм Конституции относительно установления возрастного ценза для кандидатов в депутаты

Государственной Думы (часть первая статьи 97: «достигший 21 года») и Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (п. 4 статьи 4: «достигший на день голосования 21 года». Очевидно, это требует разъяснения в порядке конституционного судопроизводства.

Конституционным цензом выступает и ценз оседлости. Его сущность заключается в том, что условием допуска лица к участию в управлении делами государства, в том числе и выборах, выступает необходимость его проживания на территории государства или отдельной его местности (избирательного округа).

Смысл установления ценза оседлости заключается в том, чтобы гражданин, претендующий на должность депутата Государственной Думы, был знаком с культурой и традициями народа страны, понимал социально-экономическую ситуацию в стране, был в курсе тех вопросов, которые больше всего волнуют избирателей. Ценз оседлости ограничивает прежде всего граждан, которые не проживают постоянно на территории страны и, соответственно, не обладают достаточной информацией по основным проблемам, которые существуют в России. То есть, ничто так хорошо не проинформирует кандидата на выборах о реальном состоянии российского общества и возможных перспективах дальнейшего развития российского государства, как постоянное проживание на его территории. В Конституции РФ данный ценз закреплен так: в ч. 1 ст. 97 закреплена необходимость для граждан постоянного проживания в Российской Федерации без указания конкретных сроков.

Однако текущее законодательство не устанавливает определение или условия постоянного проживания для граждан России. В ст.2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» устанавливается, что «постоянно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин – лицо, получившее вид на жительство». Но оно применимо только к иностранцам. В ст. 209 Налогового кодекса устанавливается, что «фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев» признаются налоговыми резидентами, но насколько это коррелируется со статусом постоянного проживания тоже непонятно. Статья 20 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что «Местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает». Однако здесь тоже не уточняется, что означает постоянное проживание. Закон РФ от 25.06.1993 N 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» устанавливает при изменении места жительства обязанность зарегистрироваться по новому месту жительства, то есть именно наличие постоянной регистрации выступает в качестве доказательства постоянного проживания. В связи с вышеизложенным считаем целесообразным в продолжение изложенного в ч. 1 ст. 97 Конституции РФ ограничения, в качестве критерия для ограничения права быть избранным в депутаты Государственной Думы установить факт постоянного фактического проживания в иностранном государстве при условии всесторонне обоснованного определения сроков такого проживания.

Финансовый ценз в классическом его понимании - вид избирательного ценза, при котором право участвовать в выборах имеют граждане, обладающие установленным законом размером имущества, доходов, уплачивающих определенную сумму налогов или не имеющие долгов. Введение имущественного ценза при проведении выборов существенно сужает круг избирателей. Конституционный же смысл этого ценза в отношении пассивного избирательного права при избрании депутатов Государственной Думы имеет несколько иной смысл – запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. То есть это скорее приоритет национального банковского сектора, чем изначально вкладываемый в этот ценз имущественный дискриминационный смысл. В отдельных случаях слабость установленных государством финансовых гарантий реализации пассивного избирательного права и уход государства от финансирования избирательных

кампаний граждан и избирательных объединений может стать при определенных условиях фактическим финансовым цензом [8, с. 13]. Финансовый ценз как элемент правового регулирования выборов является достаточно спорным. В современном демократическом государстве финансовый ценз должен согласовываться с нормами антикоррупционного законодательства, усилением финансовой независимости политических партий.

Части 2 и 3 статьи 97 Конституции закрепляют ценз несовместимости ряда должностей с депутатским мандатом. Связано это с тем, что депутаты Государственной Думы «работают на профессиональной постоянной основе», и для эффективного выполнения возложенных на них функций, должны все свое время отдавать работе в качестве народных избранников. Также требование несовместимости должностей связано с необходимостью обеспечения независимости депутата от каких-либо органов и должностных лиц, кроме Государственной Думы Федерального Собрания.

Установление иных, помимо закрепленных в Конституции РФ ограничений пассивного избирательного права, пусть и на уровне федерального законодательства, носит достаточно дискуссионный характер. Как отмечает И. А. Стародубцева, «ограничения, указанные в Конституции РФ являются исчерпывающими, носят закрытый характер, в связи с чем федеральными законами недопустимо ограничивать избирательные права иных категорий граждан» [9, с. 26]. Но современный российский законодатель пошел по иному пути, выбрав в качестве основного вектора значительное расширение перечня и наполнения ограничений пассивного избирательного права. [10, с. 35]. В связи с этим в федеральном законодательстве ограничений пассивного избирательного права содержится значительное количество, что предполагает дальнейший научно-правовой дискурс по этой теме.

Выводы

Установлено, что активное и пассивное избирательное право образуют основу демократии и функциональное единство, обусловленное объективной необходимостью демократического участия граждан в управлении делами государства. Наличие избирательных цензов и ограничений способствует формированию качественного механизма публичной власти, что повышает эффективность функционирования самого государства. Применение избирательных цензов и ограничений в процессах государственного строительства способствует в том числе упорядочению условий и требований к кандидатам в депутаты Государственной Думы.

Избирательные цензы и ограничения для пассивного избирательного права имеют порой вид более жестких требований по сравнению с цензами активного избирательного права. Кроме того, здесь часто применяются дополнительные ограничения, которые для активного избирательного права считались бы дискриминационными, а также ограничения, в принципе не применимые к избирателям, в частности ценз несовместимости. Некоторые цензы и ограничения нуждаются в законодательных изменениях, в то же время важно, чтобы внедрение таких новаций было приемлемым для обеспечения прав и свобод граждан, не имело чрезмерного характера и не приводило к их трансформации в качестве инструмента дискриминации отдельных граждан или определенных социальных групп. В качестве дополнительной гарантии реализации пассивного избирательного права граждан в ходе выборов депутатов Государственной Думы выступает выявленный в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 апреля 2026 г. №30-П конституционно-правовой смысл пункта 1.1 и подпункта «в.2» пункта 24 статьи 38 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в соответствии с которым кандидат в депутаты вправе, не позднее чем за один день до заседания избирательной комиссии, на котором будет решаться вопрос о регистрации, вносить изменения или даже заменять документы на новые, оформленные в соответствии с требованиями закона. Полагаем, что это может быть применимо и в процессе регистрации кандидатов в депутаты Государственной Думы.

Список источников

1. Кондрашев А. А., Сидорова Н. А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России // Правоприменение, 2022. Т. 6. № 4. С. 59–74. https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).59-74. EDN: IDPPWJ

2. Червонюк В. И. Избирательные цензы: конституционный анализ // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 5-10. EDN: XQCEZV

3. Игнатенко В. В. Словарь-справочник по избирательному праву / В. В. Игнатенко, А. В. Штурнев; Избират. комис. Иркут. обл.; Иркут. гос. экон. акад. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. 400 с. EDN: XPORPJ

4. Дмитриев Ю. А., Исраелян В. Б. Избирательное право: учеб. М.: Юстицинформ, 2008. 312 с.

5. Добрынин Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого: современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2012. 606 с. EDN: QUITAV

6. Юсов С. В., Мажинская Н. Г. Избирательное право и избирательный процесс. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 349 с. ISBN: 978-5-87872-453-1. EDN: YUGZTP

7. Исакова Ю. И. Ограничение пассивного избирательного права гражданина в связи с наличием судимости по законодательству Российской Федерации // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 38-45. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-38-45. EDN: XYCHXE

8. Игнатенко В.В. Избирательные цензы на выборах в Государственную Думу России: история и современность // Избирательное право. 2006. № 2 (2). С. 11-14. EDN: YUOBZR

9. Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 25–28. EDN: SBICBJ

10. Акопов Л. В., Сизько И.А. Ограничение пассивного избирательного права в законодательстве Российской Федерации // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 3. С. 32–38. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-3-32-38. EDN: KVLQXS

References

1. Kondrashev A. A., Sidorova N. A. Electoral qualifications and restrictions on passive suffrage in elections in Russia. *Law Enforcement Review*. 2022;6(4):59–74. (In Russ.). https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).59-74. EDN: IDPPWJ

2. Chervonyuk V.I., Shturnev A.V. Electoral qualifications: a constitutional analysis. *International Journal of Constitutional and State Law.* 2018;(1):5–10. (In Russ.). EDN: XQCEZV

3. Ignatenko V.V., *Dictionary of electoral Law*; Elected. the Commission. Irkut. region; Irkut. state economy akad. Irkutsk: IGEA Publishing House; 1999. 400 p. (In Russ.). EDN: XPORPJ

4. Dmitriev Yu.A., Israelyan V.B. *Electoral Law*: Textbook. Moscow; 2008. 312 p. (In Russ.)

5. Dobrynin N.M. *Universal Encyclopedic Dictionary for Everyone: A Modern Version of the Newest History of the State*. Novosibirsk: Nauka; 2012. 605 p. (In Russ.). EDN: QUITAV

6. Yusov S.V., Mazinskaya N.G. Electoral Law and the Electoral Process. Rostov-on-Don; 2008. 349 p. ISBN: 978-5-87872-453-1. (In Russ.). EDN: YUGZTP

7. Isakova Yu.I. Restriction of a Citizen's Passive Voting Right Due to a Criminal Record under the Legislation of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values.* 2023;1(4):38–45. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-38-45. (In Russ.). EDN: XYCHXE

8. Ignatenko V.V. Electoral Qualifications in the Elections to the State Duma of Russia: History and Modernity. *Izbiratel'noe Pravo*. 2006;2(2):11–14. EDN: YUOBZR (In Russ.)

9. Starodubtseva I.A. Constitutional Restrictions on Passive Voting Rights in Russia and Foreign Countries. *Constitutional and Municipal Law.* 2014;(4):25–28. (In Russ.). EDN: SBICBJ

10. Akopov L.V., Sizko I.A. Restriction of Passive Voting Rights in the Legislation of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(3):32-38. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-3-32-38. (In Russ.). EDN: KVLQXS

Информация об авторах

Л. В. Акопов – докт. юрид. наук, проф. кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

И.А. Сизько – канд. юрид. наук, доц. кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

Information about the authors

L. V. Akopov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

I. A. Sizko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 06.05.2026.
The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 06.05.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 125–135
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):125–135

Научная статья
УДК 347.736
EDN GSGKOU

Основания ограничения имущественного иммунитета единственного жилого помещения должника в рамках дела о банкротстве гражданина: направления совершенствования законодательства

Николай Андреевич Дюженков

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, dyugenckovn@gmail.com

Аннотация

Введение. В российской правоприменительной практике и правовой доктрине вопрос о возможности ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья граждан является предметом активного обсуждения на протяжении последних пятнадцати лет. На сегодняшний день единственное жилое помещение должника может быть реализовано в рамках дела о несостоятельности, однако конкретные основания для ограничения иммунитета в законодательстве отсутствуют, параметры жилых помещений, при достижении которых недвижимое имущество может быть квалифицировано в качестве роскошного, также не раскрыты. По мнению автора, данный законодательный пробел требует восполнения в части закрепления в законодательстве оснований ограничения имущественного иммунитета единственного жилья.

Цель. Охарактеризовать используемые в правоприменительной практике подходы по определению оснований для ограничения имущественного иммунитета единственного жилья, сформулировать предложения по совершенствованию законодательства в указанной части.

Методы. С использованием формально-юридического метода проведено изучение законодательства, судебной практики, научных публикаций, статистических данных. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления подходов к ограничению имущественного иммунитета в отечественном законодательстве и праве зарубежных государств. Для анализа и формулирования предложений по реформированию законодательства применены метод системного и логического анализа и метод моделирования.

Результаты. В ходе проведенного исследования установлено, что используемые судами подходы к определению оснований ограничения иммунитета единственного жилья не отвечают целям института несостоятельности и интересам участников дела о банкротстве. В данной связи автором предложено рассмотреть опыт американского законодателя в части установления стоимостного критерия для определения признаков роскошности жилого помещения. Содержание данного механизма состоит в установлении максимальной стоимости жилого помещения должника, превышение которой автоматически повлечет необходимость его реализации. Автором предложена примерная установленная на основании статистических данных и закрепленных в законодательстве нормативов методика расчета такой предельной стоимости, в основу которой положено произведение показателей средней стоимости и средний площади жилого помещения.

Выводы. Установление предельной величины стоимости жилых помещений в качестве ключевого основания для ограничения его имущественного иммунитета способно оказать положительное влияние на весь институт потребительского банкротства, а именно, способствовать прозрачности и прогнозируемости рассмотрения дел, снижению нагрузки на суды, а также минимизировать риски злоупотреблений со стороны должников.

© Дюженков Н. А., 2026

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, исполнительное производство, иммунитет, имущественный иммунитет, право на жилище, право собственности, конкурсная масса, жилое помещение, норма предоставления
Для цитирования: Дюженков Н. А. Основания ограничения имущественного иммунитета единственного жилого помещения должника в рамках дела о банкротстве гражданина: направления совершенствования законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 125–135. EDN GSGKOU

Original article

Reasons for restricting the property immunity of the debtor's only residential place in the course of a citizen's bankruptcy case: directions for improving legislation

Nikolai A. Dyuzhenkov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
dyugenckovn@gmail.com

Abstract

Introduction. In Russian law enforcement practice and legal doctrine, the issue of the possibility of limiting citizens' executive immunity to single housing has been the subject of active discussion over the past fifteen years. To date, the debtor's only residential premises can be sold as part of an insolvency case, however, there are no specific grounds for limiting the immunity in the legislation, and the parameters of residential premises, upon reaching which real estate can be qualified as luxury, are also not disclosed. According to the author of the study, this legislative gap needs to be filled in terms of fixing criteria for limiting the property immunity of a single dwelling in legislation.

Purpose. To characterize the approaches used in law enforcement practice to determine the grounds for limiting the property immunity of a single dwelling, to formulate proposals for improving legislation in this part.

Methods. The study of legislation, judicial practice, scientific publications, and statistical data was conducted using the formal legal method. The comparative legal method is used to compare approaches to the limitation of property immunity in domestic legislation and the law of foreign countries. The method of system and logical analysis and the method of modeling were used to analyze and formulate proposals for legislative reform.

Results. In the course of the study, it was found that the approaches used by the courts to determine the criteria for limiting the immunity of single housing do not meet the goals of the institute of insolvency and the interests of participants in the bankruptcy case. In this regard, the author suggests considering the experience of the American legislator in establishing a cost criterion for determining the signs of luxury living space. The content of this mechanism is to establish the maximum value of the debtor's residential premises, the excess of which will automatically entail the need for its implementation. The author suggests an approximate methodology for calculating such a marginal cost, based on statistical data and standards stipulated in legislation, based on the product of the average cost and the average area of a residential building.

Conclusions. Setting a ceiling on the cost of residential premises as a key criterion for limiting its property immunity can have a positive impact on the entire institution of consumer bankruptcy, namely, to promote transparency and predictability in the consideration of cases, reduce the burden on the courts, and minimize the risks of abuse by debtors.

Keywords: bankruptcy, insolvency, enforcement proceedings, immunity, executive immunity, right to housing, ownership, bankruptcy estate, housing, provision rate
For citation: Dyuzhenkov N.A. Reasons for restricting the property immunity of the debtor's only residential place in the course of a citizen's bankruptcy case: directions for improving legislation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):125–135. (In Russ.). EDN GSGKOU

Введение

Под имущественным иммунитетом понимается правовой режим, содержание которого состоит в ограничении возможности обращения взыскания на определенное имущество должника или его реализации [1, с. 32]. Признаками имущественного иммунитета может обладать различное имущество, принадлежащее как юридическим лицам, так и гражданам: объекты коммунальной инфраструктуры, депонированное имущество, денежные средства сверх величины прожиточного минимума, однако, вне всякого сомнения, наиболее известной разновидностью имущественного иммунитета, подвергшейся, несравнимо более глубокой теоретической разработке, является иммунитет единственного жилого помещения гражданина. Это объясняется как конституционно-правовой значимостью права гражданина на жилище, которое обеспечивается возможностью иметь жилые помещения на праве собственности, так и особой ценностью недвижимого имущества как ценнейшего актива гражданина [2, с. 34]. Указанные факторы на протяжении долгого времени определяли абсолютный характер иммунитета единственных жилых помещений – принципиальную невозможность обращения взыскания на указанное имущество, вне зависимости от его характеристик и обстоятельств возникновения соответствующего статуса [3, с. 19–20].

Указанный подход неоднократно становился предметом последовательной критики Конституционного Суда РФ, который еще в 2012 г. отмечал дефектность положений статьи 446 ГПК РФ в части отсутствия ориентиров для определения разумно достаточного уровня обеспеченности граждан жильем, однако воздержался от их признания не соответствующими Основному Закону, указав лишь на необходимость внесения изменений в федеральное законодательство[1]. Избранный подход не получил однозначной оценки в правовой доктрине: с одной стороны, отмечалась приверженность Конституционного Суда РФ принципу «разумной сдержанности» [4, с. 28–29], с другой – указывалось на отсутствие у вынесенного решения каких-либо правовых последствий [5, с. 54]. Обоснованность последней точки зрения со временем подтвердилась – выводы Конституционного Суда РФ, так и не нашедшие отражения в федеральном законодательстве, не были восприняты судебной практикой, а все попытки реализации единственного жилья пресекались судами со ссылками на отсутствие разработанного механизма обращения взыскания на указанное имущество[2].

В данной связи Конституционный Суд РФ вынужден был вернуться к рассмотрению вопроса о возможности преодоления иммунитета единственного жилья, и уже в Постановлении от 26.04.2021 № 15-П (далее – Постановление № 15-П), напрямую указал на возможность отказа в применении иммунитета в случае, если характеристики жилья явно превышают уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности в жилище (роскошное жилье)[3].

Не ставя под сомнение ценность приведенных выводов, следует согласиться с точкой зрения Н. Е. Кантор, которая характеризует сформулированные критерии для ограничения имущественного иммунитета как «рамочные» [6, с. 68]. Действительно, допустив возможность ограничения иммунитета роскошных жилых помещений, Конституционный Суд РФ оставил открытым вопрос о том, при каких условиях объекты могут признаваться роскошными. Предполагалось, что на базе сформулированных выводов будут разработаны и внесены изменения в федеральное законодательство, однако до настоящего момента соответствующее правовое регулирование не сформировано. Так, предложенный Министерством юстиции РФ в 2016 г. механизм, допускающий возможность реализации недвижимого имущества при превышении его размера и стоимости над значениями двукратной нормы

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 21.05.2012, № 21, ст. 2697.

[2] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.10.2017 № Ф09-9760/16 по делу № А47-10533/2015, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.04.2017 № Ф05-3884/2017 по делу № А41-84978/2015 // СПС «Консультант-Плюс».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П // Собрание законодательства РФ. 10.05.2021, № 19, ст. 3290.

предоставления площади жилого помещения (далее – норма предоставления) (ч. 1 ст. 50 ЖК РФ)[1], был негативно оценен правовой доктриной [7, с. 26] и до настоящего времени так и не получил статуса закона. Опубликованный Министерством юстиции РФ в 2026 г. законопроект, определяющий порядок реализации жилых помещений, отвечающих критерию роскошности, регулирует лишь порядок продажи имущества и не затрагивает вопрос об основаниях ограничения иммунитета[2].

При этом отсутствие законодательной регламентации не препятствует рассмотрению и разрешению споров о включении единственного жилья в состав конкурсной массы должника-гражданина. Правовое обоснование выводов судов по таким обособленным спорам строится, как правило, на общем толковании положений Постановления № 15-П, разъяснениях Верховного Суда РФ, а также собственных представлениях о разумности и справедливости.

Подход, при котором разрешение вопроса о возможности включения в состав конкурсной массы единственного жилья осуществляется судами в отсутствие четкой законодательной рамки, мы считаем неверным и опасным. Далее мы подробно обоснуем приведенную точку зрения, охарактеризуем сформированные судебной практикой основания для ограничения имущественного иммунитета, обратимся к зарубежному опыту регулирования данного вопроса и предложим свое видение критериев ограничения иммунитета единственного жилья.

Материалы и методы

Для анализа оснований ограничения имущественного иммунитета единственного жилья в российском законодательстве применен комплекс научных методов, позволяющих установить правовую природу их возникновения и особенности их практической реализации. В частности, формально-юридический метод использован для толкования норм законодательства, разъяснений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, практики арбитражных судов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы к ограничению иммунитета единственного жилья в российском праве и законодательстве США. Метод системного и логического анализа применен в целях оценки перспектив использования зарубежного опыта в российском законодательстве. При разработке механизма определения оснований для ограничения имущественного иммунитета и обоснования законодательных изменений использован метод моделирования.

Результаты и обсуждение

Артикулированная Конституционным Судом РФ позиция о возможности преодоления имущественного иммунитета единственного жилья, с одной стороны, и отсутствие законодательных ориентиров для ее применения, с другой, ставят перед судами крайне непростую задачу по самостоятельному определению оснований для ограничения иммунитета и установления баланса интересов должника и его кредиторов.

Ключевую роль в формировании практики, безусловно, приобретают выводы Верховного Суда РФ, которым сформулированы два основания для ограничения имущественного иммунитета: 1) иммунитет возник вследствие злоупотребления правом со стороны должника; 2) площадь жилья существенно (кратно) превышает нормы предоставления в регионе проживания гражданина[3]. Однако предложенный подход, при котором разрешение вопроса об иммунитете осуществляется на основании соотношения площади имущества с нормами предоставления, не получил поддержки в доктрине. Так, Р. Т. Мифтахутдинов, Т. И. Шайхеев

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/11-16/00059339) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.12.2016) // СПС «Консультант-Плюс».

[2] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 04/13/04-26/00167109) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.04.2026) // СПС «Консультант-Плюс».

[3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 № 304-ЭС21-9542(1,2) по делу № А27-17129/2018 // СПС «Консультант-Плюс».

указывают на недопустимость отождествления данных категория и переселения граждан из их квартир лишь ввиду превышения их площади над нормами предоставления и невозможность отождествления [8, с. 23–24; 9, с. 9–11]. Кроме того, использование норм предоставления в качестве меры для определения роскошности жилых помещений, зачастую приводило к принятию крайне неоднозначных судебных решений, когда роскошными признавались квартиры, площадь которых не превышала 42 кв. м.[1] и 73 кв. м.[2]

Впоследствии суды постепенно начали отказываться от сопоставления площади жилых помещений с нормами предоставления, все чаще поддерживая вывод о том, что превышение первого показателя над вторым не может становиться безусловным основанием для отказа в иммунитете[3]. Указанная позиция в итоге была поддержана и Верховным Судом РФ, который, полностью не отказываясь от соотношения площади жилья с нормами предоставления, тем не менее, указал, что этот фактор имеет решающее значение лишь в совокупности с иными характеристиками: расположением, конструктивными особенностями, уровнем инфраструктуры и т.д.[4]

Предложенный подход позволяет судам проявлять большую гибкость в разрешении каждого спора, анализируя не только соотношение площади с нормами предоставления, но и иные характеристики жилья. Ключевым же недостатком текущей позиции Верховного Суда РФ является то, что она относит разрешение вопроса о наличии у жилья признаков роскошности к дискреционным полномочиям суда, что способствует вынесению противоречивых и несоотносимых между собой судебных актов, чему есть множество подтверждений в судебной практике. Так, в одном деле суды не усмотрели признаков роскошности у квартиры площадью 294,9 кв. м., со стоимостью свыше 90 млн руб.[5], в другом, напротив, имущество площадью 91 кв. м., признано роскошным, ввиду расположения в центре города, в районе с развитой инфраструктурой[6]. В некоторых случаях факт расположения квартиры на территории, имеющей паркинг, фитнес-центр, химчистку и ресторан признан свидетельствующим об «определенном уровне комфорта», но не о выходе за пределы разумной потребности в жилище[7], тогда как в другом аналогичный набор условий квалифицирован в качестве достаточного для отнесения жилого помещения к категории роскошного жилья[8].

Нам представляется, что предложенная Верховным Судом РФ методика определения оснований для ограничения иммунитета далека от идеальной. В соответствии с точкой зрения М. М. Агаркова, «прочность права есть большее благо, чем гибкость и конкретность судебных решений» [10, с. 430]. В рассматриваемом случае эти слова имеют особую значимость – расширение границ судейского усмотрения, особенно, в таком вопросе как лишение граждан принадлежащего им единственного жилья, не только ведет к формированию разнонаправленной судебной практики, но и лишает процесс рассмотрения дел о банкротстве необходимой прозрачности и прогнозируемости, что негативно сказывается на доверии граждан к правовым институтам. При этом видится, что возможности судов, не обладающих

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2024 № Ф05-25522/2023 по делу № А40-47959/2022 // СПС «Консультант-Плюс».
[2] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.03.2024 № Ф08-1898/2024 по делу № А53-42315/2020 // СПС «Консультант-Плюс».
[3] См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.02.2023 № Ф09-10052/16 по делу № А60-51936/2015 // СПС «Консультант-Плюс».
[4] «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «Консультант-Плюс».
[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.06.2022 № Ф05-12662/2022 по делу № А40-98653/2021 // СПС «Консультант-Плюс».
[6] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.09.2022 № Ф08-7808/2022 по делу № А63-14159/2019 // СПС «Консультант-Плюс».
[7] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.12.2022 № Ф04-460/2021 по делу № А27-21932/2019 // СПС «Консультант-Плюс».
[8] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.03.2025 № Ф09-5631/21 по делу № А60-46040/2018 // СПС «Консультант-Плюс».

компетенциями создавать нормы права, по уточнению порядка ограничения иммунитета, в настоящий момент исчерпаны, и рассматриваемая проблема не может быть решена иначе как путем внесения изменений в федеральное законодательство.

В качестве возможного ориентира мы предлагаем рассмотреть законодательство США, в котором реализована модель, при которой имущественный иммунитет недвижимого имущества может быть ограничен при достижении им оправленной предельной стоимости.

Так, согласно разделу 522 Кодекса о банкротстве США из конкурсной массы должника-гражданина при банкротстве исключается недвижимое имущество, которое должник использует в качестве места жительства[1]. Совокупная стоимость указанного имущества для его исключения из конкурсной массы не должна превышать 15 000 долл. США, однако указанный лимит ежегодно пересматривается и в настоящий момент составляет 27 900 долл. США[2].

Более того, в соответствии с американским законодательством каждый штат вправе отказаться от предусмотренной федеральным законом системы льгот и ввести собственные лимиты стоимости имущества[3]. Так, в Калифорнии при разрешении вопроса об исключении недвижимого имущества из конкурсной массы величина его стоимости определяется как наибольшее значение между средней ценой его продажи по состоянию на год, предшествующий году рассмотрения заявления об исключении, но в любом случае не более 600 000 долл. США и величиной в 300 тыс. долл. США[4]. В штате Флорида исключению подлежит имущество в размере до 189 050 долл. США[5]. Законодательство штата Айова и вовсе освобождает от включения в конкурсную массу любое имущество должника[6].

Такое разнообразие подходов к определению лимитов стоимости жилого помещения предопределило многочисленные злоупотребления со стороны граждан, желающих сохранить имущество от правопритязаний кредиторов. Так, должники в преддверии возбуждения дела о банкротстве вкладывали все свои сбережения в приобретение имущества в одном из штатов с наиболее благоприятным правовым режимом в целях использования предусмотренных законодательством штата льгот. Например, в 2002 г. из примерно полутора миллионов граждан, подавших заявления о банкротстве за последние десять лет, более 400 воспользовались возможностью освобождения имущества от обращения взыскания в штатах Флорида и Техас[7].

Принятый в 2005 г. Закон о предотвращении злоупотреблений при банкротстве и защите прав потребителей (BAPCPA) установил некоторые ограничения для граждан, желающих воспользоваться правом на освобождение имущества от его реализации в рамках банкротства[8]. В частности, раздел 522 Кодекса о банкротстве США теперь ограничивает возможность освобождения имущества для тех, кто недавно переехал или приобрел жилье, стоимость которого превышает 120 000 долл. США, а также не допускает освобождение по долгам, возникшим вследствие совершения некоторых преступлений.

Тем не менее, само по себе принятие BAPCPA не отменяет существующих на уровне законодательства штатов льгот – в случае, если недвижимое имущество приобретено задолго до возбуждения дела о банкротстве, оно не подпадает под действие указанных норм, в связи с чем должники могут рассчитывать на его исключение из конкурсной массы.

Как показывает исследование Pattison N. и Hynes R., посвященное взаимосвязи изменения лимитов стоимости недвижимого имущества, при которых оно исключается из состава конкурсной массы должника, и количества инициируемых процедур банкротства в отдельных штатах – когда условия освобождения имущества становятся более благоприятными

[1] United States Code, Title 11 - Bankruptcy // Pub. L. 95 - 598, Title I, § 101, Nov. 6, 1978, 92 Stat. 2549.
[2] 11 U.S.C. § 104 (2024).
[3] 11 U.S.C. § 522(b) (2006).
[4] Cal. Civ. Proc. Code (2023).
[5] Fla. Stat. Ann. § 222.01 (West 1998 & Supp. 2009).
[6] Iowa Code Ann. § 561.16 (West 1992 & Supp. 2008).
[7] Herb Kohl, Kohl Letter Urges Colleagues to Keep Homestead Cap, 21 Am. Bankr. Inst. J. 25 (2005).
[8] Pub. L. No. 109-8, 119 Stat. 23 (Apr. 20, 2005).

для должников, количество заявлений о банкротстве, резко и стабильно возрастает [11]. В частности, авторы приходят к выводу о том, что, если бы каждый штат США повысил размер верхнего порога лимитов стоимости имущества на 10 процентных пунктов, общее количество ежегодных заявлений о банкротстве увеличилось бы примерно на 10 000.

Представляется, что подход американского законодателя в части установления предельно допустимых стоимостных значений для недвижимого имущества, по достижении которых оно будет считаться роскошным и подлежащим реализации – видится вполне разумным и может быть использован в российском законодательстве. Для определения предельной стоимости за основу могут быть взяты, в том числе, показатели площади и стоимости, как это было предложено Министерством юстиции РФ в рассмотренном выше законопроекте № 01/05/11-16/00059339, однако в для целей настоящего исследования мы предлагаем отказаться от соотношения жилых помещений с нормами предоставления и взять за основу показатели, более приближенные к средней рыночной стоимости квадратного метра жилья и его средней площади.

Так, средняя рыночная стоимость одного квадратного метра общей площади жилых помещений ежеквартально определяется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Согласно данным за 3 квартал 2025 г., средняя рыночная стоимость одного квадратного метра жилого помещения в Москве составляет 198 506 руб., в Санкт-Петербурге – 165 315 руб., в Самарской области – 108 745 руб.[1]

Между тем, указанные данные не в полной мере отражают реальную рыночную стоимость квадратного метра жилой недвижимости. В частности, в Москве медианная стоимость квадратного метра жилого помещения на вторичном рынке составляет 354–362 тыс. руб., в Санкт-Петербурге – 216–233 тыс. руб., в Самаре – 117–127 тыс. руб., в Нижнем Новгороде – 140–161,9 тыс. руб.[2] Таким образом, разрыв между средней стоимостью, определенной Минстроем РФ и медианной стоимостью, рассчитанной на основании экспертного анализа, составляет от 5–14 % в Самаре до 78–82 % в Москве.

В федеральном законодательстве для выравнивания возможностей лиц-получателей субсидий на приобретение жилых помещений в городах федерального значения стоимость квадратного метра корректируется на поправочный коэффициент, размер которого ежеквартально пересматривается (по состоянию на 2 квартал 2025 г. утвержден коэффициент 1,90 для Москвы, 1,50 для Санкт-Петербурга)[3]. Корректировка рыночной стоимости квадратного метра на поправочный коэффициент позволяет достичь показателей стоимости квадратного метра в размере 377 тыс. руб. в Москве и 247,5 тыс. руб. в Санкт-Петербурге, что в целом соотносится с экспертной оценкой стоимости квадратного метра в указанных городах.

Таким образом, при определении предельной стоимости жилого помещения, представляется целесообразным исходить из средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения, с корректировкой на поправочный коэффициент. При этом для остальных субъектов РФ могут быть разработаны собственные поправочные коэффициенты, размер которых должен быть определен на основании размера средней стоимости квадратного метра в соответствующем регионе. Соответствующие коэффициенты также могут быть разработаны и для отдельных муниципальных образований.

Для определения второго компонента предельной стоимости недвижимого имущества – средней площади, необходимо обратиться к существующей в жилищном законодательстве категории нормативной площади жилого помещения, которая рассчитывается

---

[1] Приказ Минстроя России от 21 марта 2025 г. № 172/пр «О средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на II квартал 2025 года» // СПС «Консультант-Плюс».

[2] В июне цены на вторичное жилье в городах-миллионниках стагнировали // Сетевое издание «РБК». 2025. 03 июля. URL: https://realty.rbc.ru/news/686510419a7947a834ac8bfa (дата обращения: 11.03.2026).

[3] Приказ Минтруда России от 26.03.2025 № 155н (Зарегистрировано в Минюсте России 25.04.2025 № 81969) // СПС «Консультант-Плюс».

для расчета субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг. В Москве размер данного показателя составляет 33 кв. м. для одиноко проживающих граждан, 42 кв. м. для семьи из двух человек и 18 кв. м. на каждого члена семьи в случае проживания в составе трех человек и более[1], в Санкт-Петербурге – 36 кв. м., 25 кв. м. и 20 кв. м. соответственно[2]. При этом согласно публикуемым статистическим данным, средняя площадь квартир в сделках на первичном рынке за первую половину 2025 г. находится в диапазоне от 39 кв. м. в Санкт-Петербурге до 60 кв. м. в Самаре, в Москве данный показатель составил 49 кв. м.[3] По другим данным, средняя площадь квартир граждан РФ составляет 52 кв. м., при этом лишь 12 % респондентов проживают в квартирах площадью менее 35 кв. м.[4]

С учетом изложенного, при определении средней площади жилых помещений мы будем руководствоваться двукратным показателем нормативной площади жилого помещения. Двукратный размер указанного норматива будет соответствовать (и даже несколько превышать) средний размер площади жилых помещений, находящихся в собственности у граждан РФ и его использование не потребует разработки дополнительной методологии, а также несения расходов на указанные нужды.

Таким образом, размер предельной стоимости может определяться как произведение средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения, определяемой Минстроем РФ, с корректировкой на поправочный коэффициент, и двукратного показателя нормативной площади жилого помещения. На примере Москвы данная величина составит 24 882 000 руб. (377 тыс. руб. * (33*2)) для одиноко проживающих граждан, 31 668 000 руб. (377 тыс. руб. * (42*2)) – для семей из двух человек, а также 13 572 000 руб. ((377 тыс. руб. * (18*2)) * кол-во членов семьи) из расчета на каждого члена семьи, в случае проживания в составе трех человек и более.

Как следует из расчета, величина предельной стоимости жилых помещений должна обеспечивать возможность определения стоимости жилья в зависимости от состава семьи должника, а именно должна быть установлена предельная стоимость жилья для одиноко проживающего гражданина, для семьи из двух человек, и отдельно для каждого члена семьи, в случае, если в семье три человека и более. Показатель предельной стоимости жилья также должен подлежать ежегодному или ежеквартальному пересмотру для обеспечения его соответствия динамике изменения цен на жилье.

Наиболее существенная практическая сложность применения такого подхода может состоять в высоком уровне дифференциации цен на жилье как в рамках одного региона, так и в пределах отдельного муниципального образования. Например, очевидно, что стоимость жилого помещения, расположенного на побережье Краснодарского края существенно, а в некоторых случаях кратно выше стоимости жилья, расположенного в районах без выхода к морю, а цены на жилье в отдаленных районах любого крупного города почти всегда уступают ценам на такое же имущество в центральной его части (при этом согласно доминирующему на сегодняшний день в судебной практике подходу, переселение должника из одного муниципального района, в другой в пределах одного города является правомерным[5]). В данном случае ориентирование на показатель стоимости, рассчитанный на основании

[1] Закон г. Москвы от 1 ноября 2006 года № 54 «О стандартах города Москвы, применяемых при определении прав граждан на предоставление субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» (с изменениями на 31 мая 2023 года) // СПС «Гарант».

[2] Закон г. Санкт-Петербурга от 11 июля 2005 г. № 403-48 «О региональных стандартах в жилищной сфере» (с изменениями на 3 апреля 2013 года) // СПС «Гарант».

[3] Средняя площадь квартир в сделках на первичном рынке в России в январе–июне 2025 года // Сетевое издание «Коммерсантъ» 2025. 30 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7924730 (дата обращения: 11.03.2026).

[4] Квартира почти каждого десятого россиянина не превышает 35 кв. м. // Сетевое издание «РБК». 2024. 06 декабря. URL: https://realty.rbc.ru/news/6751b9a59a7947d837634436 (дата обращения: 11.03.2026).

[5] См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.01.2026 № Ф04-1868/2020 по делу № А03-9949/2017, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2023 № Ф05-8606/2019 по делу № А40-181643/2018 // СПС «Консультант-Плюс».

среднего уровня цен, может привести к ситуации, когда гражданин будет вынужден существенно изменить место постоянного жительства, что нарушает как его права на жилище, так и противоречит выводам Постановления № 15-П об обязанности предоставлять должнику замещающее жилье «в пределах того же поселения».

При этом представляется, что разработка методики расчета средней стоимости жилых помещений для каждого муниципального района и ее регулярная актуализация могут быть сопряжены со значительными трудностями и с высокими бюджетными расходами. В данной связи для обеспечения прав должника на сохранение за ним имеющегося жилого помещения в условиях региональной и муниципальной дифференциации стоимости на недвижимое имущество последнему может быть предоставлено право несогласия с установленной на уровне региона предельной стоимостью жилого помещения. В случае поступления мотивированных возражений гражданина с обоснованием отклонения стоимости его жилья от определенной на основании приведенной выше методики (например, в случае существенного изменения цен на жилье, а также, если стоимость жилья в поселении гражданина существенно отличается от средней по региону), средняя стоимость жилых помещений по месту проживания гражданина должна быть определена на основании судебной экспертизы. При установлении по результатам экспертизы средней стоимости жилья, превышающей предельную стоимость, установленную на уровне региона, стоимость жилья должника подлежит сопоставлению с показателем, установленным на основании проведенной экспертизы, в ином случае – применению подлежит установленная предельная стоимость. Кроме того, соответствующее право должно быть предоставлено и кредиторам должника для использования в противоположной ситуации, когда стоимость имущества гражданина значительно ниже определенной для региона предельной стоимости жилых помещений.

Иными словами, предельная величина стоимости жилья, установленная по предложенной выше методике, не должна становиться единственным мерилом роскошности жилых помещений. У должника и иных участников дела должно быть право несогласия с формируемой величиной стоимости, обеспечивающее их возможность доказать ее отклонение от реальной стоимости принадлежащего гражданину недвижимого имущества.

В случае же принятия судом решения о возможности ограничения имущественного иммунитета единственного жилого помещения должника, процедура и порядок приобретения замещающего жилья подлежат определению на основании положений, предложенных федеральным законодателем в уже упомянутом законопроекте № 04/13/04-26/00167109 о внесении изменений в законодательство о банкротстве.

Заключение

Таким образом, сложившийся на сегодняшний день подход, в соответствии с которым ограничение имущественного иммунитета единственного жилья осуществляется судом на основании обстоятельств конкретного дела без четкой регламентации в законодательстве критериев для ограничения иммунитета, требует безусловного пересмотра.

Одним из способов совершенствования законодательства и правоприменительной практики может стать закрепление в законе предельной стоимости жилого помещения, достижение которой будет являться основанием для реализации имущества в рамках процедуры несостоятельности. В рамках настоящего исследования предложен механизм расчета такой стоимости, в основу которого положены показатели средней стоимости и средней площади жилых помещений, находящихся в собственности граждан РФ. Полученный в результате соответствующего расчета показатель стоимости соответствует рыночной конъюнктуре цен на недвижимость, ввиду чего, его использование не нарушит права должников-собственников недвижимости.

При этом предлагаемый механизм расчета предельной стоимости жилых помещений следует оценивать в качестве ориентира для судов при разрешении вопроса о судьбе единственного жилого помещения должника – за участвующими в деле о банкротстве лицами, в первую очередь, за должником должно быть сохранено право мотивированно возразить

относительно установленной стоимости, а у суда – возможность объективно проверить доводы должника и, при наличии оснований, принять во внимание иную среднюю стоимость имущества.

Наиболее важным последствием введения стоимостного критерия для разрешения вопроса о возможности реализации единственного жилья должника будет являться повышение уровня прогнозируемости дел о несостоятельности в части разрешения вопроса об исключении единственного жилья, что создаст преимущества как для граждан в части установления единых и прозрачных правил определения параметров жилья, подлежащего исключению из конкурсной массы, так и для судов в виде снижения нагрузки за счет уменьшения количества рассматриваемых обособленных споров. Более того, установление предельной стоимости жилых помещений потребует от физических лиц более тщательного анализа целесообразности собственного банкротства, что способно остановить рост числа потребительских банкротств в России, а также сократить количество злоупотреблений при возбуждении процедур несостоятельности.

Список источников

1. Слабоспицкий А. С., Соловьева Д. А. Исполнительский иммунитет при банкротстве должника // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2023. № 3 (39). С. 31–38. https://doi.org/10.21777/2587-9472-2023-3-31-38. EDN: ZBYDSY

2. Бондарь Н., Клишас А., Мифтахутдинов Р. и др. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов // Закон. 2018. № 12. С. 27-45. EDN: YSFTNJ

3. Карелина С. А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон. 2023. № 6. С. 15–24. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-15-24. EDN: OXXMQC

4. Гриценко Е. В. Роль конституционного суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1. С. 14–29. EDN: PTTSRV

5. Бондарь Н. С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. 2012. № 4. С. 50–57. EDN: PMDYOV

6. Кантор Н. Е. Влияние публичного элемента в делах о банкротстве на развитие судебного правотворчества // Закон. 2023. № 12. С. 67–78. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-12-67-78. EDN: GVOOXP

7. Сафонов А. В. Обращение взыскания на единственное жилье в практике Конституционного Суда РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 9. С. 18–27. https://doi.org/10.37239/2500-2643-2021-16-9-18-27. EDN: SHVJBQ

8. Михеева Л., Гальперин М., Ярков В. и др. Исполнительский иммунитет в отношении единственного жилья: разрубил ли Конституционный Суд гордиев узел? // Закон. 2021. № 5. С. 18–30. EDN: KOYLFY

9. Шайхеев Т. И. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о банкротстве граждан // Арбитражные споры. 2023. № 1 (101). С. 100–143. EDN: LGJUGC

10.Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6. С. 424–436.

11.Pattison N, Hynes R. Asset Exemptions and Consumer Bankruptcies: Evidence from Individual Filings. J Law Econ. 2019;63(3):557–594. https://doi.org/10.1086/708809. EDN: BXKTNO

References

1. Slabospiczkij A.S., Solov`eva D.A. Executive immunity in case of bankruptcy of the debtor. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal science.* 2023;3(39):31–38. (In Russ.). https://doi.org/10.21777/2587-9472-2023-3-31-38. EDN: ZBYDSY

2. Bondar' N., Klishas A., Miftahutdinov R. et al. Foreclosure on single housing: in search of a balance of interests. *Zakon.* 2018;(12):27–45. (In Russ.). EDN: YSFTNJ

3. Karelina S.A. Peculiarities of implementation of general legal principles in the process of citizens bankruptcy. *Zakon.* 2023;(6):15–24. (In Russ.). https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-15-24. EDN: OXXMQC

4. Gricenko E.V. The role of the Constitutional Court in ensuring the direct operation of the Constitution in Germany and Russia. *Journal of Constitutional Justice.* 2013;(1):14–29. (In Russ.). EDN: PTTSRV

5. Bondar N.S. Searching for equilibrium of constitutional values: once again about recovery against residential property of individual debtors. *The Civilist.* 2012;(4):50–57. (In Russ.). EDN: PMDYOV

6. Kantor N.E. The influence of the public element in bankruptcy cases on the development of judicial law-making. *Zakon.* 2023;(12):67–78. (In Russ.). https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-12-67-78. EDN: GVOOXP

7. Safonov A.V. Foreclosure of the only housing in the practice of the constitutional court of the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federatsii.* 2021;(9):18–27. (In Russ.). https://doi.org/10.37239/2500-2643-2021-16-9-18-27. EDN: SHVJBQ

8. Miheeva L., Gal'perin M., YArkov V. et al. Executive immunity in relation to single housing: has the Constitutional Court cut the Gordian knot? *Zakon.* 2021;(5):18–30. (In Russ.). EDN: KOYLFY

9. Shajxeev T.I. About some issues arising during the consideration of bankruptcy cases by the courts of citizens. *Arbitrazhnye spory.* 2023;1(101):100–143. (In Russ.). EDN: LGJUGC

10.Agarkov M.M. The problem of abuse of law in Soviet civil law. *Izvestiya AN SSSR.* 1946;(6):424–436. (In Russ.)

11.Pattison N, Hynes R. Asset Exemptions and Consumer Bankruptcies: Evidence from Individual Filings. *J Law Econ.* 2019;63(3):557–594. https://doi.org/10.1086/708809. EDN: BXKTNO

Информация об авторе

Н. А. Дюженков – аспирант юридического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

N. A. Dyuzhenkov – Postgraduate Student at the Faculty of Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.05.2026; одобрена после рецензирования 16.06.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 13.05.2026; approved after reviewing 16.06.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 136–145
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):136–145

Научная статья
УДК 347.512.7
EDN GWJJZB

Особенности возмещения убытков при одностороннем отказе от государственного контракта

Виктор Васильевич Тарасов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, Саратов, Россия, tarasov_lawyer@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6812-6558

Аннотация

Введение. В условиях развития контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок особую значимость приобретает проблема гражданско-правовой ответственности сторон контракта и механизмов компенсации имущественных потерь. Усиление роли публичных интересов и одновременная необходимость обеспечения справедливой защиты прав участников закупочных процедур формируют устойчивый научный и практический интерес к вопросам возмещения убытков, в особенности упущенной выгоды при одностороннем отказе от исполнения контракта. Данная проблематика приобретает особую актуальность в свете неоднозначности правоприменительной практики и существующих законодательных ограничений.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе правовой природы и особенностей возмещения убытков в системе государственных и муниципальных закупок, а также выявление коллизий между общими нормами гражданского законодательства и специальным регулированием контрактной системы.

Методы. В исследовании использованы общенаучные и частно-юридические методы познания: формально-юридический анализ нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод, системный анализ судебной практики арбитражных судов, Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, а также элементы доктринального анализа научных источников.

Результаты. Установлено, что действующее законодательство формирует модель ограниченной ответственности при одностороннем отказе от исполнения контракта, исключая возможность взыскания упущенной выгоды и тем самым отклоняясь от принципа полного возмещения убытков, закреплённого в гражданском праве. Выявлены ключевые проблемы правоприменения, связанные с доказыванием реального ущерба, квалификацией незаконного одностороннего отказа заказчика и рисками злоупотребления правом.

Выводы. Обоснована необходимость уточнения пределов применения специального ограничения ответственности и разработки единых ориентиров судебной оценки поведения сторон. Сделан вывод о целесообразности нормативного разграничения последствий правомерного и неправомерного одностороннего отказа от исполнения контракта, что позволит обеспечить баланс публичных и частных интересов и повысить предсказуемость правоприменительной практики.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, возмещение убытков, реальный ущерб, упущенная выгода, государственные закупки, государственный контракт, односторонний отказ от исполнения контракта, публичные интересы, ограничение ответственности, судебная практика, баланс интересов сторон

Для цитирования: Тарасов В. В. Особенности возмещения убытков при одностороннем отказе от государственного контракта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 136–145. EDN GWJJZB

© Тарасов В. В., 2026

Original article

Features of compensation for losses in case of unilateral refusal to sign a public contract

Viktor V. Tarasov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, Saratov, Russia,
tarasov_lawyer@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-6812-6558

Abstract

Introduction. With the development of the contract system in public and municipal procurement, the issue of civil liability of contracting parties and mechanisms for compensating for property losses has become particularly important. The growing role of public interests and the simultaneous need to ensure fair protection of the rights of procurement participants have generated persistent academic and practical interest in the issue of compensation for damages, particularly lost profits due to unilateral contract termination. This issue is particularly relevant in light of the ambiguity of law enforcement practices and existing legislative restrictions.

The purpose of this study is to comprehensively analyze the legal nature and features of compensation for damages in the system of state and municipal procurement, as well as to identify conflicts between the general norms of civil legislation and special regulation of the contract system.

Methods. The study utilized general scientific and legal research methods: formal legal analysis of regulatory legal acts, comparative legal methods, a systems analysis of the judicial practice of arbitration courts, the Supreme Court of the Russian Federation, and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as elements of doctrinal analysis of scholarly sources.

Results. It was established that current legislation creates a model of limited liability in the event of unilateral contract termination, excluding the possibility of recovering lost profits and thereby deviating from the principle of full compensation for damages enshrined in civil law. Key enforcement issues related to proving actual damages, qualifying the customer's unlawful unilateral termination, and the risks of abuse of rights were identified.

Conclusions. The need to clarify the scope of application of the special limitation of liability and develop uniform guidelines for judicial assessment of the parties' conduct is substantiated. A conclusion is reached on the advisability of statutory differentiation between the consequences of lawful and unlawful unilateral refusal to perform a contract, which will ensure a balance between public and private interests and improve the predictability of law enforcement practice.

Keywords: civil liability, compensation for damages, actual damage, lost profits, government procurement, government contract, unilateral refusal to perform a contract, public interests, limitation of liability, judicial practice, balance of interests of the parties

For citation: Tarasov V.V. Features of compensation for losses in case of unilateral refusal to sign a public contract. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):136–145. (In Russ.). EDN GWJJZB

Введение

Современная контрактная система, регулируемая Федеральным законом от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1], занимает ключевое место в обеспечении функционирования государственного и муниципального сектора. Эффективность расходования бюджетных средств, прозрачность закупочных процедур и обеспечение добросовестной конкуренции являются основными задачами государства. Однако в процессе исполнения контрактов нередко возникают ситуации ненадлежащего исполнения обязательств, что порождает необходимость применения мер гражданско-правовой ответственности, в том числе

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

взыскания убытков. Как справедливо отмечал Д. Е. Богданов возмещение убытков является спорным вопросом в гражданском праве [1].

Проблематика возмещения убытков в рамках контрактной системы является одной из наиболее острых, поскольку затрагивает баланс интересов заказчиков и поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Нельзя не согласиться с мнением Л. И. Шевченко о том, что нарушить договорные обязательства может и поставщик, и сам заказчик в лице государства [2, с. 11]. Особое значение приобретает вопрос о возможности взыскания упущенной выгоды, что напрямую связано с толкованием положений ч. 23 ст. 95 ФЗ № 44-ФЗ. Практика применения этой нормы выявляет как неоднозначность ее формулировки, так и определенные риски злоупотреблений со стороны государственных заказчиков.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения равновесия частных и публичных интересов: с одной стороны, государство стремится минимизировать бюджетные риски; с другой – исполнители нуждаются в справедливой компенсации понесенных потерь, включая упущенную выгоду при незаконном прекращении контрактов. С учётом высокой доли госзакупок в экономике и значительного количества судебных споров, вопрос возмещения убытков имеет выраженное прикладное значение для правоприменителя. Проблема возмещения убытков в контрактной системе выходит за рамки простого имущественного спора между юридическими лицами, и остро обращает внимание на вопрос доверия бизнеса к государственным институтам.

Вопросы гражданско-правовой ответственности и возмещения убытков широко освещены в отечественной доктрине обязательственного права. Вместе с тем специфика их применения в особом регулировании контрактной системы изучена фрагментарно и нередко через призму разнородной судебной практики, что предопределяет необходимость полноценного анализа.

Методы

Методология исследования включает общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, правоприменительный анализ судебных актов арбитражных судов, Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ).

Обсуждение

Институт возмещения убытков занимает центральное место в системе мер гражданско-правовой ответственности. И. В. Тордия понимает под убытками «причиняемые незаконным деянием имущественные потери, влекущие наложение на правонарушителя (либо лицо, указанное в законе) обременения по восстановлению имущественного положения потерпевшего, с возложением обязанности по доказыванию понесенных потерь на последнего в установленной законом процессуальной форме» [3, с. 117]. В соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса РФ[1], убытки состоят из реального ущерба и упущенной выгоды. Реальный ущерб выражается в фактически понесенных потерпевшей стороной расходах, а также в утрате или повреждении ее имущества. Упущенная выгода – это неполученные доходы, которые лицо получило бы при нормальном развитии гражданского оборота, если бы его права не были нарушены. Столь четкое законодательное разграничение подчеркивает двуединую природу убытков, направленную на максимально полную компенсацию за нарушение прав и законных интересов потерпевшей стороны.

Основываясь на данных указаниях закона, можно сделать вывод, что убытки как правовая категория представляет собой вызываемые неправомерным поведением отрицательные последствия в имущественной сфере потерпевшего. По мнению О. С. Иоффе, они называются положительным ущербом в имуществе, когда сопряжены с уменьшением наличного имущества потерпевшего и неполученными доходами, если представляют величину, на которую могло бы возрасти, но вследствие правонарушения не возросло имущество потерпевшего [4].

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

В. А. Хабенкова считает, что принципиальное отличие реального ущерба от упущенной выгоды состоит в том, что первый представляет собой расходы на восстановление права, то есть фактически понесенные затраты или затраты будущего периода, а второй – сумму дохода, который пострадавший субъект неминуемо должен был получить, но из-за противоправного поведения другого лица не получил [5].

Т. В. Сухобок указывает, что убытки и возмещение убытков являются двумя взаимосвязанными понятиями [6], однако между этими понятия существует принципиальное различие, которое выражается в том, что убытки по своей сути являются статическим явлением, тогда как возмещение убытков – динамическое проявлением [7].

Обязательственное право традиционно исходит из принципа полного возмещения убытков. Согласно ст. 393 ГК РФ должник является обязанным возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства[1]. Данное правило отражает базовую идею справедливости и равенства сторон [8].

Однако на практике реализация этого принципа сталкивается с рядом трудностей, как справедливо отмечают многие ученные, дела о взыскании убытков является одной из самых сложных категорий судебных дел [9; 10]. Во-первых, взыскание упущенной выгоды требует доказывания не только факта нарушения, но и вероятности получения дохода. Во-вторых, в сфере публичных закупок существует необходимость учета интересов государства, что приводит к ограничению объема ответственности. А. Л. Маковский отмечает, что при разрешении споров Гражданское законодательство предоставляет большую свободу судейскому усмотрению, поскольку содержания таких категории, как «существенное нарушение договора», «разумный срок», «несоразмерность неустойки с убытками», может определить лишь суд с учетом обстоятельств конкретного дела [11]. Указанного мнения придерживаются и С.Л. Дегтярев, А.В. Андреев при анализе института возмещения убытков [12].

Федеральный закон № 44-ФЗ в значительной мере опирается на нормы гражданского законодательства, в том числе нормы о гражданско-правовой ответственности. М. В. Шмелева указывает на то, что действующим законодательством, регламентирующим контрактные правоотношения, устанавливаются определенные особенности гражданско-правовой ответственности заказчиков и участников государственных закупок за нарушение обязательств, возникающих при проведении государственных закупок [13]. По мнению автора, данные особенности обусловлены тем, что заказчиком по государственному контракту выступает публично-правовое образование и исполнение государственного контракта призвано обеспечить эффективное использование бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования [13].

Наиболее ключевой нормой о гражданско-правовой ответственности является ч. 23 ст. 95 № 44-ФЗ, устанавливающая, что при расторжении контракта вследствие одностороннего отказа стороны от его исполнения другая сторона вправе требовать возмещения только фактически понесенного ущерба. Таким образом, возможность взыскания упущенной выгоды исключается. Эта норма вызвала широкий резонанс в научной литературе и судебной практике, поскольку она в определенной мере ограничивает права участников закупок и ставит исполнителей в менее защищенное положение по сравнению с заказчиками. В настоящее время существуют разные точки зрения относительно целесообразности и справедливости данного положения [14;15;16].

Тем не менее п. 1 ст. 400 Гражданского кодекса РФ установлено, что по отдельным видам обязательств и по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности, законом может быть ограничено право на полное возмещение убытков (ограниченная ответственность)[2]. Следовательно, ограничение ответственности по возмещению убытков по государственным и муниципальным контрактам не противоречит нормам действующего законодательства.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Там же.

По мнению А. Е. Кирпичева, формулировка, установленная ч. 23 ст. 95 № 44-ФЗ неоднозначна. Односторонний отказ может быть как мерой оперативного воздействия на нарушителя, то есть санкцией, так и не обусловленным каким-либо злоупотреблением правом одной из сторон (в случае немотивированного отказа) [14].

Ограничение, закрепленное в ч. 23 ст. 95 № 44-ФЗ, носит императивный характер. По буквальному смыслу нормы стороны не вправе претендовать на возмещение упущенной выгоды даже в случае неправомерного поведения при одностороннем отказе. Соответственно, даже если отказ не обусловлен нарушениями со стороны исполнителя, он фактически и юридически лишен на получение справедливой компенсации путем взыскания неполученной (упущенной) выгоды. В этом контексте ограничение ответственности по ч. 23 ст. 95 ФЗ № 44-ФЗ можно рассматривать как форму принудительного перераспределения предпринимательских рисков на частный сектор, что в долгосрочной перспективе ведет к росту цен в госзакупках, так как бизнес вынужден закладывать эти риски в стоимость своих услуг.

Для сопоставления полезно обратиться к закупкам по Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[1], где регулирование более диспозитивно и вопросы ответственности шире подчинены ГК РФ и корпоративным положениям заказчика.

По № 223-ФЗ прямого запрета на взыскание упущенной выгоды нет, в отличие от ч. 23 ст. 95 № 44-ФЗ; поэтому правовая возможность на взыскание упущенной выгоды – теоретически есть, однако, необходимо отметить, что отсутствие прямого запрета еще не гарантирует удовлетворения исковых требований в суде: на практике взыскание таких убытков превращается в сложный процесс доказывания гипотетической прибыли, которую участник закупки получил бы при добросовестном поведении заказчика.

Результаты

Сравнительный анализ правовых норм выявляет, что жёсткость № 44-ФЗ – осознанная политика законодателя в отношении бюджетных средств, однако это усиливает риски для исполнителя. В условиях такого нормативного ограничения ключевая роль в определении баланса интересов переходит к судебной системе. Изучение реальных споров показывает, что даже при невозможности взыскания упущенной выгоды, суды стремятся к максимально детальному учету состава реального ущерба.

Суды последовательно признают подлежащими возмещению расходы подрядчика на приобретение материалов, оплату услуг субподрядчиков и банковские комиссии, связанные с обеспечением исполнения контракта.

Так, суд установил, что заказчик не выполнил свои обязательства по предоставлению подрядчику строительной площадки. Подрядчик в одностороннем порядке отказался от исполнения контракта и обратился с исковым заявлением о взыскании затрат на строительные материалы и их доставку. Суд признал стоимость этих материалов ущербом, подлежащим возмещению, и обязал заказчика компенсировать понесенные подрядчиком расходы[2].

В представленном случае применение ч. 23 ст. 95 № 44-ФЗ судом обоснованно, не требует подробного растолкования, так как предъявленные требования являлись реальным ущербом.

По другому делу сторона требовала взыскания неполученных доходов по контракту, который признан расторгнутым в одностороннем порядке со стороны заказчика. Истец обосновал сумму требований исходя из реального размера прибыли при условии, что контракт был бы выполнен в полном объеме. Однако арбитражный суд не удовлетворил исковые требования, мотивируя решение тем, что упущенная выгода не является реальным ущербом, а частью 23 статьи 95 Закона № 44-ФЗ не предусмотрена возможность требовать

[1] Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" // СЗ РФ. 2011. N 30. ст. 4571.

[2] Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-5665/26 от 13.11.2017 по делу № А83-849/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

других убытков, за исключением фактически понесенного ущерба[1]. Аналогичный спор рассматривался в Арбитражном суде Дальневосточного округа по делу № А51-25575/2019. Истец, при обращении в суд с иском о взыскании убытков в виде упущенной, ссылался на негативные последствия в виде неполучения прибыли, которую он мог получить, если бы продолжил выполнять работы по заключенному государственному контракту, от исполнения которого заказчик отказался в одностороннем порядке. Кассация поддержала доводы нижестоящих инстанций о недопустимости расширенного толкования положений части 23 статьи 95 ФЗ № 44-ФЗ. Суд подчеркнул, что сметная прибыль, заложенная в стоимость невыполненных работ, не может квалифицироваться как упущенная выгода, подлежащая взысканию. Поскольку такая прибыль является производной от фактического результата работ и выплачивается только по итогам их приемки, требование о её возмещении при отсутствии исполнения контракта признано необоснованным[2].

Отдельного внимания заслуживает ситуация, при которой поставщик оспаривает решение заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта. В таком случае возникает вопрос: появляется ли у поставщика возможность взыскать упущенную выгоду по контракту, так как по решению суда односторонний отказ признается незаконным и ч. 23 ст. 95 № 44-ФЗ не применима.

Проанализировав решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-12981/2022 по иску общества с ограниченной ответственностью «Экостройресурс» к государственному унитарному предприятию города Москвы «Московский ордена Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени метрополитен имени В. И. Ленина» о взыскании 164 800 045 руб. 80 коп. убытков в виде упущенной выгоды, представляется возможным констатировать, что суд первой инстанции отклонил довод ответчика о недопустимости взыскания упущенной выгоды на основании части 23 статьи 95 Федерального закона № 44-ФЗ. Суд исходил из того, что формальное применение нормы об ограничении ответственности при наличии признаков злоупотребления правом со стороны заказчика способно привести к несоразмерному ограничению прав истца. В действиях ответчика, выразившихся в незаконном одностороннем отказе от исполнения контракта и создании препятствий для его дальнейшего исполнения, суд усмотрел злоупотребление правом, что также было подтверждено вступившими в законную силу судебными актами по делу № А40-131270/2020[3]. В связи с этим исковые требования о взыскании упущенной выгоды были удовлетворены.

Суд апелляционной инстанции поддержал правовую позицию суда первой инстанции. Вместе с тем Арбитражный суд Московского округа постановлением от 10.05.2023 отменил судебные акты нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение. Кассационная инстанция мотивировала свое решение тем, что исходя из императивных положений специального законодательства о контрактной системе стороне государственного контракта не предоставлено право требовать возмещения упущенной выгоды при одностороннем отказе от его исполнения. Данный правовой подход корреспондирует правовым позициям, изложенным в определениях Верховного Суда Российской Федерации № 307-ЭС21-7771 от 15.06.2021, № 303-ЭС21-14182 от 21.07.2021, № 304-ЭС21-12257 от 03.08.2021 и № 303-ЭС21-12430 от 09.08.2021[4].

При новом рассмотрении Арбитражный суд города Москвы в решении по делу №А40-12981/22-139-119 от 13 октября 2023 г. отказал в удовлетворении исковых требований. Суд при повторном рассмотрении дела исходил из следующего:

---

[1] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.10.2019 № Ф06-53188.2019 по делу № А06-848/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 16.02.2026).

[2] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 марта 2021 года № № Ф03-853/2021 по делу № А51-25575/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.02.2026).

[3] Решение Арбитражного суда города Москвы от 04.08.2022 по делу № А40-12981/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 16.02.2026)

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.05.2023 по делу № А40-12981/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 16.02.2026)

«Императивный запрет на взыскание упущенной выгоды, установленный ч. 23 ст. 95 ФЗ № 44-ФЗ от 05.04.2013, не ставит возможность взыскания упущенной выгоды в зависимость от наличия злоупотребления правом другой стороной спорных правоотношений при отказе стороны контракта от исполнения контракта.

Вступившего в законную силу судебного акта, которым положения ч. 23 ст. 95 ФЗ № 44-ФЗ от 05.04.2013, оспорены в административном или конституционном порядке, и по результату спора признаны не соответствующими иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, а решение по настоящему делу может быть пересмотрено, не представлено.

При таких обстоятельствах не имеет правового значения для рассмотрения настоящего спора само наличие/отсутствие доказательств упущенной выгоды и ее размера»[1].

Резюмируя анализ дела № А40-12981/2022, нельзя не отметить трансформацию правоприменительного подхода в вопросе соотношения общих институтов гражданского права и специальных норм законодательства о контрактной системе. Если суды первой и апелляционной инстанций изначально руководствовались приоритетом принципа недопустимости злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ)[2], допуская взыскание упущенной выгоды как санкцию за недобросовестное поведение заказчика, то сформированный в итоге правоприменительный подход утвердил безусловный приоритет специальной нормы над общей и не допущения иного толкования.

В настоящее время судебная практика придерживается подхода, согласно которому запрет на возмещение упущенной выгоды, установленный ч. 23 ст. 95 Закона № 44-ФЗ, носит абсолютный, иными словами, императивный, характер. Суд пришел к значимому выводу: наличие признаков злоупотребления правом или незаконность одностороннего отказа заказчика не являются юридическими фактами, преодолевающими данный законодательный барьер. Устанавливается жесткая иерархия норм, где стабильность публичного правопорядка и бюджетной системы обеспечивается через ограничение ответственности, которое не может быть нивелировано судом без признания нормы неконституционной.

Таким образом, с учетом действующего нормативного регулирования, устанавливающего ограничение ответственности пределами фактически понесённого реального ущерба, правовые основания для удовлетворения требований о взыскании упущенной выгоды в рассматриваемой категории споров являются существенно ограниченными, что обусловливает преобладающую ориентацию судебной практики на буквальное толкование части 23 статьи 95 Федерального закона № 44-ФЗ.

В ходе оспаривания ООО «ГлавИнвестСтрой» части 23 статьи 95 Федерального закона № 44-ФЗ на соответствие статьям 17, 19 и 34 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 24.12.2020 № 2990-О указал, что установленное данной нормой ограничение ответственности при одностороннем отказе от исполнения государственного контракта направлено на обеспечение эффективного использования бюджетных средств, поддержание добросовестной конкуренции и предотвращение злоупотреблений в сфере закупок[3]. Также Суд отметил, что «рассматриваемая в системе действующего правового регулирования, в частности во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 400 ГК Российской Федерации, предусматривающим, что по отдельным видам обязательств и по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности, законом может быть ограничено право на полное возмещение убытков (ограниченная ответственность), данная норма с учетом вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа свободы договора, включая свободу вступления в договорные отношения, не может расцениваться

[1] Решение Арбитражного суда города Москвы по делу от 13 октября 2023 г. по делу №А40-12981/22-139-119 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 16.02.2026)
[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
[3] Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2990-О // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

как нарушающая в указанном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в процессе рассмотрения дела которого судом установлена невозможность исполнения государственного контракта в полном объеме каждой из сторон»[1].

По итогам рассмотрения Конституционный Суд РФ не усмотрел оснований для принятия жалобы к рассмотрению.

Вместе с тем остается дискуссионным вопрос о правовой квалификации последствий «незаконного» одностороннего отказа. Если отказ признан судом недействительным, отношения сторон должны оцениваться как продолжающиеся, следовательно, нормативно закрепленные ограничения в виде взыскания упущенной выгоды не должны применяться.

Выводы

Анализ законодательства и судебной практики показывает, что институт возмещения убытков в контрактной системе имеет ряд существенных особенностей, отличающих его от общегражданских правил. Наиболее дискуссионным остаётся вопрос о возможности взыскания упущенной выгоды при одностороннем отказе заказчика. Законодатель, ограничив ответственность пределами реального ущерба, преследовал цель защиты интересов государственных (муниципальных) заказчиков и стремился минимизировать риски массовых судебных разбирательств со стороны поставщиков, подрядчиков и исполнителей, которые могли бы возникнуть в результате одностороннего отказа от исполнения контракта. Однако такое ограничение влечет риски недобросовестного поведения и перекладывает значительную часть экономических потерь на исполнителей.

Представляется обоснованным нормативное уточнение пределов применения части 23 статьи 95 Федерального закона № 44-ФЗ посредством закрепления дифференцированного подхода в зависимости от правомерности одностороннего отказа от исполнения контракта. В частности, целесообразно установить, что ограничение ответственности пределами фактически понесенного ущерба распространяется исключительно на случаи правомерного одностороннего отказа. В ситуации же признания такого отказа незаконным (недействительным) в судебном порядке соответствующее ограничение не подлежит применению, а к отношениям сторон подлежат применению общие положения гражданского законодательства о полном возмещении убытков, включая возможность взыскания упущенной выгоды.

В целях реализации указанного подхода предлагается дополнить часть 23 статьи 95 Федерального закона № 44-ФЗ абзацем следующего содержания: «Ограничение права на возмещение убытков пределами фактически понесенного ущерба, установленное настоящей частью, применяется исключительно в случае правомерного одностороннего отказа стороны от исполнения контракта. В случае признания одностороннего отказа от исполнения контракта незаконным (недействительным) в судебном порядке указанное ограничение не применяется, и убытки подлежат возмещению в полном объеме в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации».

Подобный подход обусловлен тем, что противоправное поведение стороны не может пользоваться преимуществами специального ограничительного регулирования, направленного на защиту добросовестных участников контрактной системы. Иное толкование фактически легитимирует недобросовестное поведение заказчика и нарушает баланс публичных и частных интересов, поскольку перекладывает риск незаконного прекращения обязательства исключительно на исполнителя.

Вместе с тем важно учитывать, что ограничение на взыскание упущенной выгоды должно рассматриваться как временная и исключительная мера. Развитие контрактной системы предполагает постепенное смещение акцента от «формальной защиты бюджета»

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2990-О // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к созданию справедливых условий для участников закупок. Чем более предсказуемым и справедливым будет регулирование, тем выше будет уровень конкуренции и доверия бизнеса к государственным закупкам, что, в конечном итоге, положительно скажется и на эффективности расходования бюджетных средств.

В завершение следует отметить, что современная модель возмещения убытков в сфере государственных закупок по-прежнему сохраняет «обвинительный» уклон в сторону исполнителя. Фактическое исключение упущенной выгоды из состава требований дестимулирует заказчиков к тщательному планированию и соблюдению договорной дисциплины, поскольку цена ошибки для бюджета оказывается искусственно заниженной. Подлинная эффективность контрактной системы достижима лишь через внедрение принципа паритета: право государства на односторонний отказ должно быть уравновешено гарантией того, что добросовестный подрядчик не понесет убытков из-за административного произвола. Только тогда институт гражданско-правовой ответственности станет не просто инструментом экономии, а реальным механизмом повышения качества управления государственными ресурсами.

Список источников

1. Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: Монография. М.: Проспект, 2015. 304 с. ISBN: 978-5-392-18084-4 EDN: UZSGVJ
2. Шевченко Л. И. Регулирование отношений поставки: теория и практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 286 с. EDN: QCSJCR
3. Тордия И. В. Возмещение убытков как способ защиты нарушенных прав // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 3. С. 116–121. EDN: OYKSET
4. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. III: Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 837 с.
5. Хабенкова В. А. Внесение в реестр недобросовестных поставщиков: кто возместит убытки? // Современная наука. 2017. Т. 8. № 1-3. С. 39–42. https://doi.org/10.24411/2079-4401-2017-10007. EDN: XPPNFB
6. Сухобок Т. В. Проблемы возмещения убытков в гражданском праве: теория и практика // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 октября 2017 г. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.). 2017. С. 57–61. EDN: ZOTDTT
7. Сергеев А. П. Гражданское право. Изд. 6-е / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Велби, 2002. 784 с.
8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2020. 847 с.
9. Гурулева Э. А., Иванова Н. А. Отдельные проблемы возмещения убытков и взыскания неустойки как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 145–147. https://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39052. EDN: QPZUFM
10. Ковязина Н. М. Убытки как самая распространенная мера гражданско-правовой ответственности // Юрист. 2021. № 3. С. 57–63. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-3-57-63. EDN: KVPGGV
11. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). М.: Статут, 2010. ISBN: 978-5-8354-0636-4. EDN: QRMNLF
12. Дегтярев С.Л., Андреев А.В. Новые вопросы доказывания убытков в условиях цифровизации // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 9. С. 33–38. https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-9-33-38 EDN: KEZZAH
13. Шмелева М.В. Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с. EDN: SVEPMJ
14. Кирпичев А.Е. Закупки для нужд публичного сектора и система обязательственного права: терминология и выбор применимых норм // Закон. 2021. № 8. С. 52-66. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-8-52-66. EDN: YDBJKY
15. Камалиева Г. А., Галиева В. Д. Особенности разрешения споров, вытекающих из договорных правоотношений, урегулированных конкурсными процедурами // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2022. № 1(24). С. 69–83. EDN: ITZLEZ

16.Шустова Ю. В., Осташ А. В. Недопустимость одностороннего немотивированного отказа заказчика от исполнения государственного контракта // Бизнес, менеджмент и право: Digital reality: материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 29 октября 2021 г. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 168-173. EDN: OUKOHN

References

1. Bogdanov D.E. *The Evolution of Civil Liability from the Perspective of Justice: A Comparative Legal Aspect (Monograph)*. Moscow: Prospekt, 2015. 304 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-392-18084-4. EDN: UZSGVJ
2. Shevchenko L.I. *Regulation of supply relations: theory and practice.* Saint Petersburg: Yuridichesky Tsentr Press; 2002. 286 p. (In Russ.). EDN: QCSJCR
3. Tordiya I.V. Indemnity as a method of protection remedy. *Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research.* 2012;(3):116–121. (In Russ.). EDN: OYKSET
4. Ioffe O.S. *Selected Works: In 4 Volumes. Vol. III: Law of Obligations.* St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press; 2004. 837 p. (In Russ.)
5. Khabenkova V.A. Inclusion in the register of unscrupulous suppliers: who will reimburse the losses? *Modern Science.* 2017;8(1–3):39–42. (In Russ.). https://doi.org/10.24411/2079-4401-2017-10007. EDN: XPPNFB
6. Sukhobok T.V. Problems of damages recovery in civil law: theory and practice. In: *Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations: Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference*. Penza, 25/10/2017. Penza: "Nauka i Prosveshcheniye" (IP Gulyayev G.YU.); 2017:57–61. (In Russ.). EDN: ZOTDTT
7. Sergeev A.P. *Civil Law.* 6th ed. A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy (eds). Moscow: Velbi; 2002. 784 p. (In Russ.)
8. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. *Contract Law.* Book 1: General Provisions. Moscow; 2020. 847 p. (In Russ.)
9. Guruleva E.A., Ivanova N.A. Individual problems of damages recovery and collection of penalties as a measure of civil liability for breach of obligations. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences.* 2019;(10): 145–147. (In Russ.). https://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39052. EDN: QPZUFM
10. Kovyazina N.M. Damages as the most common measure of civil liability. *Jurist.* 2021;(3):57–63. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-3-57-63. EDN: KVPGGV
11. Makovskiy A.L. *On the codification of civil law (1922-2006).* Moscow: Statut; 2010. (In Russ.). ISBN: 978-5-8354-0636-4. EDN: QRMNLF
12. Degtyarev S.L., Andreyev A.V. New issues of proving damages in the context of digitalization. *Arbitrazh and Civil Procedure.* 2021;(9):33–38. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-9-33-38. EDN: KEZZAH
13. Shmeleva M.V. *Civil law regulation of contractual relations in state and municipal procurement in the Russian Federation*: Abstract. Dis. Cand. Sci. (Law). Saratov; 2013. 26 p. (In Russ.). EDN: SVEPMJ
14. Kirpichev A.E. Procurement for public sector needs and the system of obligations law: terminology and choice of applicable norms. *Zakon.* 2021;(8):52–66. (In Russ.). https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-8-52-66. EDN: YDBJKY
15. Kamaliyeva G. A., Galiyeva V. D. Peculiarities of resolving disputes arising from contractual legal relations regulated by competitive procedures. *Ekonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii*. 2022; 1(24):69-83. (In Russ.). EDN: ITZLEZ
16. Shustova Yu.V., Ostash A.V. Inadmissibility of unilateral unmotivated refusal of the customer from the execution of a state contract. In: *Proceedings of the International Scientific and Practical conference*, Yekaterinburg, October 29, 2021. Yekaterinburg: Ural State Law University; 2021. P. 168–173. (In Russ.). EDN: OUKOHN

Информация об авторе

В. В. Тарасов – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина.

Information about the author

V. V. Tarasov – Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; одобрена после рецензирования 05.05.2026; принята к публикации 11.05.2026. The article was submitted 13.03.2026; approved after reviewing 05.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 146–155
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):146–155

Научная статья
УДК 343.3+343.7
EDN HKTOFW

Вопросы квалификации и меры противодействия преступлениям, совершаемым с использованием онлайн-платформ

Ирина Анатольевна Семенцова[1, 2, 3]

[1]Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия
[2]Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия
[3]Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия
irina_semen@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-0888-0877

Аннотация

Введение. Использование социальных сетей для реализации преступных схем создаёт ряд сложностей при уголовно-правовой оценке деяний. Одной из проблем видится в том, что уголовное законодательство не успевает эволюционировать в соответствии с бурным развитием современных информационных технологий. В связи с этим цель статьи – определить конкретные вопросы квалификации указанных деяний и сформулировать действенные меры профилактического значения.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении актуальной проблемы.

Результаты. Социальные сети являются благоприятной средой для преступности, появления новых цифровых форм поведения, часто граничащих на стыке административного и уголовного законодательства. Основная проблема сводится к выявлению субъекта преступления в условиях анонимности и трансграничного характера цифровой преступности. Профилактические меры в первую очередь связаны с реформированием уголовного законодательства, в частности, ужесточение мер ответственности за противоправные деяния, осуществляемые посредством цифровых сервисов, в том числе за привлечение лиц к незаконной деятельности через интернет, установление вредоносного контакта с целью эксплуатации, а также за удаленную реализацию запрещённых психоактивных веществ. Относительно правоохранительных органов необходимо отметить необходимость постоянного повышение цифровой компетенции с целью выявления и пресечения преступности в сети интернет.

Выводы. Для эффективной профилактики правонарушений в социальных сетях необходим многогранный и упорядоченный подход, который будет включать в себя не только уголовно-правовые инструменты, но и организационные механизмы, технологические решения, а также меры, направленные на социально-психологическое воздействие. На государственном уровне необходимо выработать эффективную политику повышения цифровой культуры населения, оперативного реагирования на размещенный противоправный контент. Для правоохранительных органов крайне важно проводить на постоянной основе повышение цифровой квалификации.

© Семенцова И. А., 2026

Ключевые слова: социальные сети, преступность, цифровое поведение, цифровая культура, кибербуллинг, контент, субъект преступления, профилактика преступлений, электронные доказательства
Для цитирования: Семенцова И. А. Вопросы квалификации и меры противодействия преступлениям, совершаемым с использованием онлайн-платформ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 146–155. EDN HKTOFW

Original article

Qualification issues and measures to counter crimes committed using online platforms

Irina A. Sementsova[1, 2, 3]

[1]Branch of the S. Yu. Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia
[2]Rostov Institute (Branch) of the Russian Ministry of Justice, Rostov-on-Don, Russia
[3]Southern University, Rostov-on-Don, Russia
irina_semen@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-0888-0877

Abstract

Introduction. The use of social networks for the implementation of criminal schemes creates a number of difficulties in the criminal legal assessment of acts. One of the problems is that the criminal legislation does not keep up with the rapid development of modern information technologies. In this regard, the purpose of this article is to identify specific issues related to the qualification of these acts and to formulate effective preventive measures.

Theoretical foundations. Methods. The theoretical basis of the study consists of scientific articles, statistical reports of state departmental structures, and materials from judicial and investigative practices. The methodological basis is based on commonly used scientific research methods, which determine the choice of systemic, activity-based, functional, and interdisciplinary approaches to studying this relevant issue.

Results. So, social networks are a favorable environment for crime, the emergence of new digital forms of behavior, often bordering on the intersection of administrative and criminal legislation. The main problem is to identify the perpetrator of a crime in the context of anonymity and the cross-border nature of digital crime. Preventive measures are primarily related to the reform of criminal legislation, in particular, the tightening of liability for illegal acts carried out through digital services, including the involvement of individuals in illegal activities via the Internet, the establishment of malicious contact for the purpose of exploitation, and the remote sale of prohibited psychoactive substances. Regarding law enforcement agencies, it is necessary to note the need for continuous improvement of digital competence in order to detect and prevent crime on the Internet.

Conclusions. To effectively prevent offenses on social networks, a multifaceted and systematic approach is needed, which will include not only criminal law tools, but also organizational mechanisms, technological solutions, and measures aimed at socio-psychological impact. At the state level, it is necessary to develop an effective policy for raising the digital culture of the population and promptly responding to illegal content posted. It is crucial for law enforcement agencies to continuously improve their digital skills.

Keywords: social networks, crime, digital behavior, digital culture, cyberbullying, content, subject of crime, crime prevention, electronic evidence
For citation: Sementsova I.A. Qualification issues and measures to counter crimes committed using online platforms. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):146–155. (In Russ.). EDN HKTOFW

Введение

Использование социальных сетей в качестве средства совершения преступлений порождает комплекс проблем уголовно-правовой квалификации. Данные трудности обусловлены особенностями цифровой среды, высокой степенью анонимности пользователей, трансграничностью коммуникаций и недостаточной адаптацией уголовного законодательства к современным информационным технологиям.

Одной из наиболее значимых проблем является установление личности лица, совершившего преступление. Использование анонимных аккаунтов, фальшивых профилей, виртуальных номеров, программ анонимизации (VPN, TOR) существенно затрудняет определение фактического автора сообщения, публикации или распространённого контента [1, с. 52].

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении обозначенной проблемы.

Результаты и обсуждение

Социальные сети совмещают функции средства массовой информации, платформы коммуникации и цифрового пространства для совершения действий технического характера. В результате возникают сложности в квалификации, поскольку одно и то же деяние может содержать признаки нескольких составов преступлений [2, с. 356].

Рассмотрим проблему, которая выражена в оценке общественной опасности цифрового деяния. Скорость распространения информации и возможный охват аудитории значительно увеличивают потенциальный вред преступления, совершённого посредством социальной сети [3, с. 290]. Однако действующее уголовное законодательство не содержит специальных критериев, учитывающих, количество репостов, сохранений или просмотров, потенциальную «вирусность» контента, массовость вовлекаемого круга лиц.

Отсутствие таких критериев приводит к различиям в судебной практике и усложняет оценку степени общественной опасности деяния.

Для правильной квалификации противоправного деяния необходимо иметь доказательственную базу, что в условиях интернета является проблемой [4, с. 172]. Цифровая форма доказательств требует соблюдения специальных процедур их извлечения, фиксации и исследования. Скриншоты, ссылки и копии переписки сами по себе не всегда являются достаточными доказательствами, что создаёт ряд специфических трудностей.

Так, например, контент в сети может быть быстро отредактирован или удалён, что осложняет его фиксацию в качестве доказательства, а для установления обстоятельств необходимо учитывать метаданные, такие как IP-адрес, время публикации и геолокация. Кроме того, подтверждение принадлежности аккаунта конкретному лицу представляет значительные сложности и требует привлечения специалистов в области компьютерной криминалистики для проведения экспертных исследований.

Трансграничный характер социальных сетей затрудняет определение места совершения преступления, поскольку серверы, на которых размещён контент, могут находиться заграницей или же автор сообщения может находиться в одной юрисдикции, а пострадавший в другой, а также необходимо применять нормы международного сотрудничества и запроса данных у иностранных компаний.

Вследствие этого возникают сложности с применением национального уголовного законодательства и сбором доказательств за рубежом. Н. А. Крайнова [5, с. 43] справедливо отмечает относительно вопроса кибербезопасности, что он давно уже вышел за границы отдельных государств и нуждается в консолидации усилий мирового сообщества. Без построения тесного сотрудничества в этой области между государствами и международными организациями противостоять цифровой преступности будет затруднительно. Крайне необходимо привести к единому стандарту нормы национального законодательства отдельных государств, принимающих участие в разработке инициатив и конструктивных мер в борьбе с преступлениями в сети Интернет.

На сегодняшний день в научных кругах актуальными являются вопросы относительно криминализации ряда негативных действий в цифровой среде, например: создание и

распространение дипфейков, трансляция контента, представляющего угрозу для общества (например, треш-стримы), использование эмодзи в противоправных целях, манипуляции с лайками, блокировка пользователей в информационно-телекоммуникационных сетях, кибербуллинг, онлайн-харассмент, распространение интимных материалов без согласия, онлайн-груминг, подстрекательство к участию в опасных челленджах.

Вопрос касательно отнесения перечисленных деяний к информационным преступлениям, требует определения границ этого понятия, так как следует руководствоваться положениями относительно оснований уголовно-правового запрета и принимать во внимание тенденции, продиктованные цифровой трансформацией общества. В этой связи право является мощным инструментом регулирования социальных процессов. Посредством него представляется возможным определить границы новых социальных реалий. Вместе с тем законодательство не должно быть просто пассивным отражением уже сложившихся общественных отношений [6, с. 146]. Законодатель должен не просто автоматически копировать реальность, а подходить, субъективно формируя правовой образ рассматриваемых отношений, создавая законодательные установления, отвечающие потребностям общества.

На сегодняшний день действующие правовые нормы не содержат чётких мер ответственности за преступления, совершённые посредством дипфейков. Между тем данный вопрос поднимался уже на уровне законодательных органов. Так в Государственной Думе РФ в прошлом году подлежал рассмотрению законопроект № 885494-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации»[1], предлагающий квалифицировать использование дипфейков как обстоятельство, отягчающее наказание. Однако проект не получил одобрения на этапе предварительного рассмотрения и был направлен на доработку. Думается в ближайшем будущем, российский законодатель вернётся к данному вопросу, но пока до этого момента в практической деятельности будут существовать трудности относительно квалификации подобных деяний.

Данный пример дипфейков показывает нам слабые места в сфере информационной безопасности. Быстрый темп развития информационных и цифровых технологий вскрывает дефектность действующих механизмов защиты, а государство пока не успевает адаптировать законодательство и четко определить границы ответственности. Этим пользуются преступники, ощущая правовой вакуум, активно внедряют дипфейки в своих преступных схемах.

Однако можно увидеть попытки законодателя не отставать от процесса цифровизации на примере следующих уголовно-правовых норм: ст. с 272–274 охватывают компьютерные преступления, ст. 159.6 предусматривает ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, а ст. 238 – за предоставление услуг ненадлежащего качества.

Современные правовые нормы оказались не адаптированы к внедрению компонентов искусственного интеллекта в различные сферы жизни, особенно вызывают некоторые трудности инновационные разработки, как ChatGPT и Midjourney, несущие серьезные риски для социума. Необходимо понимать, что для целей исключения преступных деяний посредством данных компонентов, следует продумать теоретическую основу их правового регулирования. Видится, что законодателю следует пойти по пути закрепления в качестве отягчающего обстоятельства, использование искусственного интеллекта в соответствующих составах.

Находит положительный отклик у автора статьи установление уголовно-правовых запретов на иные виды информационных деяний: оправдание геноцида советского народа, пропаганда противоправного или аморального антиобщественного поведения. Правоведы

[1] Паспорт проекта Федерального закона № 885494-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ С.М. Мироновым, Я. В. Лантратовой, О. А. Ниловым, Н. В. Новичковым, А. А. Кузнецовым, М. Г. Делягиным, Д. Г. Гусевым, А. С. Аксененко) (снят с рассмотрения) // В данном виде документ опубликован не был.

спорят о целесообразности внесения изменений в УК РФ, путём закрепления квалифицирующего признака использования информационных и коммуникационных технологий, включая технологии искусственного интеллекта.

Усложняет квалификацию процесс разграничения уголовной и административной ответственности. Во многих случаях деяния в социальных сетях находятся на грани между административным и уголовно наказуемым правонарушением. Отсутствие четких критериев порождает неоднозначность в правоприменении и усложняет квалификацию [7, с. 46].

Несмотря на наличие специальных норм УК РФ, учитывающих использование сети Интернет, законодательство остаётся фрагментарным. В ряде случаев отсутствуют специальные квалифицирующие признаки, связанные с использованием социальных сетей, легальные определения современных цифровых терминов, а также единые методические рекомендации по расследованию таких преступлений. Это требует регулярного обновления правовой базы и развития судебной практики.

Наиболее значимыми проблемами квалификации выступают: сложности установления субъекта преступления, необходимость разграничения смежных составов; отсутствие чётких критериев оценки общественной опасности цифрового поведения; проблемы фиксации, сохранения и допустимости электронных доказательств; неопределённость юрисдикции при трансграничном характере коммуникаций; а также нормативные пробелы, связанные с отсутствием специальных юридических конструкций для новых форм цифрового девиантного поведения [8, с. 127].

Анализ показывает, что развитие социальных сетей стремительно опережает обновление уголовного законодательства, что приводит к фрагментарности правового регулирования. В этих условиях ключевую роль начинает играть судебная и экспертная практика, формирующая подходы к применению общих норм Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1] в условиях цифровизации.

Чтобы повысить качество квалификации преступных деяний, совершённых посредством социальных сетей надлежит в первую очередь усовершенствовать содержание уголовно-правовых норм, в частности: определиться с трактовками понятий, ввести соответствующие квалифицирующие признаки, установить четкие критерии общественной опасности цифровых деяний, разработать методические рекомендации в части обращения с цифровыми доказательствами.

В настоящее же время процесс квалификация преступных деяний, совершенных посредством социальных сетей, отягощён целым рядом существенных проблем. Так в их число входит неопределенность законодателя относительно выражения вовне цифрового преступления, проблемы, связанные с определением субъекта преступного деяния, особенностей фиксации, хранения и оценки цифровых доказательств.

Установлено, что судебная и следственная практика складывается неоднородно в связи со стремительным развитием информационных технологий и отставанием за ним уголовного законодательства. Это снижает эффективность уголовно-правового реагирования и требует дальнейшего совершенствования правовых механизмов противодействия преступности в сети.

Противодействие преступлениям, совершаемым в социальных сетях, должно носить комплексный характер и сочетать правовые, организационные, технические, образовательные и социально-психологические меры [9, с. 88].

Ключевая задача профилактики – создание условий, при которых вовлеченность граждан в цифровое пространство не повышает вероятность преступных посягательств [10, с. 20]. Это требует модернизации уголовного законодательства, внедрения систем мониторинга

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

и анализа данных, усиления межведомственного сотрудничества, а также формирования цифровой культуры среди пользователей.

Современная практика расследования преступлений в социальных сетях показывает необходимость дальнейшей детализации норм, регулирующих ответственность за преступления в цифровой среде. Важными направлениями являются:

- Уточнение квалифицирующих признаков для мошенничества и незаконного доступа в цифровую инфраструктуру (ст. 159.6, 272–274.1 УК РФ).

- Расширение ответственности за действия, совершённые с использованием цифровых платформ, включая онлайн-вербовку, груминг, дистанционный сбыт наркотиков.

- Введение отдельных составов для цифровой травли и кибersталкинга, учитывая специфику воздействия на жертву.

- Усиление ответственности за распространение экстремистских материалов с использованием алгоритмов автоматического распространения.

Предприняв комплексный подход для упорядочивания цифровых отношений, законодатель в 2025 г. ввёл новые уголовно-правовые нормы (статьи 274.3 и 274.5[1]), направленные на установление ответственности в сфере создания и распространения вредоносного программного обеспечения, а также противоправное вмешательство в работу информационных систем. Указанные выше уголовно-правовые новшества призваны обеспечить профилактику преступных деяний в цифровой среде и дополнить существующие административно-правовые меры, установив повышенную ответственность за кибепреступления.

Помимо рассмотренных изменений, общая часть уголовно-правового законодательства также была изменена, в частности, в статью 63 УК РФ, было введено отягчающее обстоятельство, связанное с использованием VPN, которое усиливает ответственность за преступные деяния в киберпространстве, тем самым создавая препятствия для сокрытия цифровых следов незаконной деятельности.

Политика государства в области обеспечения информационной безопасности преследует цель построения безопасного цифрового пространства, путем принятия совокупности мер относительно социальных платформ [11, с. 239].

Ключевыми элементами политики являются блокировка запрещённой информации, включая материалы экстремистского характера, пропаганду наркотиков и порнографию, а также идентификация пользователей по номеру телефона, что снижает анонимность потенциальных злоумышленников.

Владельцы социальных сетей несут ответственность за несвоевременную реакцию на сообщения о преступном контенте, а интеграция платформ с системами Роскомнадзора позволяет оперативно фильтровать опасные материалы и предотвращать их распространение [12, с. 22].

Деятельность правоохранительных органов необходимо совершенствовать в соответствии с развитием технологий. Для эффективного противодействия преступлениям в социальных сетях необходимо развитие следующих направлений:

- цифровая криминалистика, включающая анализ метаданных, цифровых следов, сетевой активности;

- скрытая работа в сетевых сообществах, позволяющая выявлять преступные группы;

- создание единых межведомственных центров мониторинга социальных сетей, интегрирующих МВД, ФСБ, Роскомнадзор, Следственный комитет;

- использование технологий искусственного интеллекта для обнаружения признаков экстремизма, вербовки, сетевой агрессии и незаконного оборота наркотиков. В эпоху цифровизации особое значение приобретает интеграция современных технологий в повседневную

[1] Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 04.08.2025. № 31. Ст. 4636.

практику. Это открывает новые горизонты для совершенствования способов мониторинга и обработки информации. Так распространенным стало использование специальных алгоритмов в целях осуществления анализа структурированных и неструктурированных массивов данных (Big Data), что может стать полезным и для целей построения цифровой криминологии [13, с. 222].

Возможность посредством специализированных программных средств осуществлять мониторинг сети в целом является актуальным запросом сегодняшнего времени, так как даёт возможность оптимизации ресурсов человека и увеличения количества информации, подлежащей обработке. Внедрение подобных технологий в правоохранительную деятельность, способно улучшить её эффективность.

Нельзя не упомянуть и важность международных каналов взаимодействия, так как внушительная часть цифровых платформ принадлежит иностранным государствам, что подталкивает Россию активно заключать транснациональные соглашения [14, с. 68].

Автор статьи убежден, что на законодательном уровне необходимо внедрить такие меры борьбы с киберпреступностью, как:

- разработка инструментов, дающих возможность оперативно блокировать счета и онлайн-сервисы, которые задействованы в преступных схемах;

- внедрение продуманного механизма обмена данными между органами правопорядка, провайдерами связи, банковскими учреждениями и юридическими лицами, осуществляющими деятельность в области финансовых технологий. Требуется законодательно установить срок равный не более 24 часов для направления ответов на запросы следственных органов, посредством сертифицированных защищенных каналов связи;

- установление чётких правил и порядка для блокировки транзакций и SIM-карт, вызывающих подозрения;

- разработка правовой базы, которая позволит контролировать применение средств анонимизации, включая VPN-сервисы. Полагаем необходимо создать государственный реестр VPN-платформ с чётким определением условий их законного использования, что как представляется должно позитивным образом отразиться, на состоянии преступности в этой сфере.

Конечно, значимым событием следует считать внесенные в 2025 году изменения в уголовный закон, когда в ст. 63 УК РФ[1] был добавлен подп. «ф» п. 1. В соответствии с ним, факт совершения противоправного деяния с применением программно-аппаратных комплексов, обеспечивающих доступ к информационным ресурсам и информационно-телекоммуникационным сетям с ограниченным доступом, теперь рассматривается как отягчающее обстоятельство. Данное законодательное новшество подчёркивает актуальность разработки и внедрения, дополнительных мер, позволяющих контролировать и идентифицировать пользователей, которые применяют технологии маскировки IP-адресов и используют защищённые каналы для передачи данных.

Процесс раскрытия преступлений в цифровой сфере, имеет свои отличительные черты. В качестве характерной особенности следует отметить необходимость фиксировать электронные доказательства в порядке, отражённом в уголовно-процессуальном законодательстве. Ключевую роль в рассматриваемом аспекте играет выстроенное взаимодействие следственных органов с администрациями социальных сетей и интернет-провайдерами, в целях выявление данных о пользователях, преступающих закон [15, с. 159].

В настоящее время специалисты соответствующих подразделений непрерывно повышают свою квалификацию и углубляют профессиональные знания. Так, заметное улучшение результатов работы достигается благодаря, например, внедрению образовательной

[1] Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. 4 августа (№ 31). Ст. 4636.

программы «Конкурентная разведка в Интернете» для сотрудников, которые ведут борьбу с преступными деяниями в сфере информационно-коммуникационные технологий.

Автоматизированный мониторинг интернет-пространства посредством специализированных программных продуктов в современных реалиях приобретает особую важность. Благодаря обозначенному методу, возможно, провести оптимизацию человеческих ресурсов и существенно расширить объем обрабатываемой информации. Экспертами утверждается, что внедрение подобных технологических инструментов в несколько раз повысит результативность работы правоохранительных органов.

Набирают значимость программы раннего выявления цифровой радикализации и профилактики онлайн-груминга.

Социальные сети несут ответственность за создание безопасного цифрового пространства и обязаны внедрять инструменты, направленные на предотвращение преступной активности. К таким мерам относятся автоматическая фильтрация контента, содержащего признаки агрессии, экстремизма или пропаганды наркотиков, внедрение систем верификации аккаунтов, а также обеспечение эффективных механизмов подачи жалоб и оперативной блокировки нежелательных материалов.

Важным аспектом современной цифровой безопасности является повышение уровня личной защиты в сети. К ключевым мерам относятся использование сложных паролей и двухфакторной аутентификации, ограничение публичности личной информации, а также осторожность при переходе по подозрительным ссылкам и общении с незнакомыми контактами. Не менее важно регулярно обновлять программное обеспечение и использовать антивирусные средства для предотвращения возможных угроз. Чем выше индивидуальная цифровая культура, тем меньше вероятность стать жертвой преступлений [16, с. 145].

Профилактика преступлений, совершаемых через социальные сети, представляет собой многоуровневую систему, включающую законодательные, технические, организационные и образовательные меры. Усиление цифровой грамотности населения, совершенствование уголовного законодательства, развитие оперативно-розыскных возможностей и внедрение автоматизированных технологий мониторинга являются ключевыми факторами в снижении преступной активности в сети [17, с. 156].

Заключение

Таким образом, профилактика преступлений в социальных сетях должна носить комплексный и системный характер, сочетая уголовно-правовые, организационные, технические и социально-психологические меры. Эффективное предупреждение цифровой преступности невозможно без координации деятельности государственных органов, правоохранительных структур, операторов цифровых платформ и общества в целом.

Установлено, что особую роль в системе профилактики играют меры, направленные на повышение уровня цифровой грамотности пользователей, защиту несовершеннолетних, развитие механизмов мониторинга и оперативного реагирования на противоправный контент. Реализация указанных направлений способствует снижению уровня преступности в социальных сетях и укреплению системы уголовно-правовой охраны в цифровой среде.

Список источников

1. Гильмутдинова Ю. Ю. Проблемы уголовно-правовой квалификации киберпреступлений по законодательству Российской Федерации. *Lex criminalis scientiarum*. 2025;1(3):51–55. https://doi.org/10.63118/3034-3259.2025.3.1.008. EDN: ABTRHW

2. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов; 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 505 с. ISBN: 978-5-534-17301-7. EDN: CPYAZP

3. Каражеляскоv Б. А., Проблемы уголовной ответственности в сети интернет / Б. А. Каражеляскоv, Л. Н. Карпушева, М. Ф. Юнусов. *Образование и право.* 2022;11:289–292. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-11-289-292. EDN: BONYBL

4. Анисимова А. М., Кубиевич С.В. Проблемы квалификации общеуголовных киберпреступлений. *Закон и право.* 2023;12:169-174. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2023-12-169-174. EDN: GUREHY

5. Крайнова Н. А. "Международная цифровая безопасность": миф или реальность? *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019;4(55):42–46. EDN: JFVITS

6. Ключко Р.Н. Информационная безопасность в социально-гуманитарном измерении: дискурс уголовно-правовой институционализации. *Журнал российского права*. 2025;10:140–155. https://doi.org/1010.61205/jrp.2025.10.4. EDN: IFDLSS

7. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: автореф. дис. док. юрид. наук. М., 2023. 73с.

8. Ефремова И. А. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и противодействия им. *Правоприменение*. 2025;1:122–131. https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(1).122-131. EDN: MQUHVB

9. Чабукиани О. А. Способы противодействия киберпреступности / О. А. Чабукиани, Е. А. Зорина, В. В. Солодовник. *Социология и право.* 2020;3 (49):84–93. https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-3-84-93. EDN: CHKQVI

10. Ванина А. В. Проблемы юридической регламентации уголовно-правового запрета на преступления в сфере компьютерной информации. *Научный компонент.* 2022;2 (14):17–22. https://doi.org/10.51980/2686-939X_2022_2_27. EDN: YZHZSO

11. Клещина Е. Н. Проблемы и основные направления совершенствования правового регулирования противодействия киберпреступности. *Государственная служба и кадры.* 2024;4:237–241. https://doi.org/10.24412/2312-0444-2024-4-237-241. EDN: SELUZW

12. Родина Е. А. Криминологические проблемы противодействия киберпреступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 27 с. EDN: MYDGRO

13. Пинкевич Т.В. Криминологический мониторинг преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. *Право и управление*. 2024;10:221–224. https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-10-221-224. EDN: IUVRKJ

14. Петров П. К., Денисович В.В. Преступность в виртуальном пространстве: криминологическая характеристика. *Проблемы права*. 2025;1(97):66–70. https://doi.org/10.14529/pro-prava250111. EDN: FVVUHA

15. Рясов А. А., Багиров З. Р. Возможности использования социальных сетей при расследовании преступлений. *Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2025;1. (73):157–162. https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-1-157-162. EDN: JMCQUA

16. Юзиханова Э. Г., Корсикова Н.А. Профилактика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Правопорядок: история, теория, практика. 2025;4:143–146. https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-47-4-143-146. EDN: DPUPTL

17. Берестовой А. Н. Законодательная регламентация вопросов противодействия новым формам девиантного поведения в сети "Интернет". *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2024;3(103):152–160. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160. EDN: BUJBGR

References

1. Gilmutdinova Yu.Yu. Problems of Criminal Law Qualification of Cybercrimes under the Legislation of the Russian Federation. *Lex criminalis scientiarum.* 2025;1(3):51-55. (In Russ.). https://doi.org/10.63118/3034-3259.2025.3.1.008. EDN: ABTRHW

2. *Criminal Law. Special Part: Textbook for Universities* / V.B. Borovikov, A.A. Smerdov; 7th Edition, Revised and Expanded. Moscow: Yurayt; 2023. 717 p. (In Russ.)

3. Karazhelyaskov B.A., Karpushcheva L.N., and Yunusov M.F. Problems of Criminal Liability on the Internet. *Obrazovanie i pravo*. 2022;11:289-292. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-11-289-292. EDN: BONYBL

4. Anisimova A.M., Kubievich S.V. Problems of Qualification of General Criminal Cybercrimes. *Zakon i pravo.* 2023;12:169-174. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-3313-2023-12-169-174. EDN: GUREHY

5. Krajnova N.A. "International Digital Security": Myth or Reality? *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra.* 2019;4(55):42-46. (In Russ.). EDN: JFVITS

6. Klyuchko R.N. Information Security in the Social and Humanitarian Dimension: The Discourse of Criminal Law Institutionalization. *Zhurnal rossijskogo prava.* 2025;10:140–155. (In Russ.). https://doi.org/1010.61205/jrp.2025.10.4. EDN: IFDLSS

7. Evdokimov K. N. *Countering Computer Crime: Theory, Legislation, and Practice.* Doctoral Dissertation in Law. Moscow; 2023. 73 p. (In Russ.)

8. Efremova I. A. Features of Qualifying Crimes in the Field of Computer Information and Countering Them. *Pravoprimenenie.* 2025;1:122–131. (In Russ.). https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(1).122-131

9. Chabukiani O. A. Methods of Countering Cybercrime / O. A. Chabukiani, E. A. Zorina, V. V. Solodovnik. *Sociologiya i pravo.* 2020;3 (49):84–93. (In Russ.). https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-3-84-93. EDN: CHKQVI

10.Vanina A. V. Problems of Legal Regulation of the Criminal Law Prohibition of Crimes in the Field of Computer Information. *Nauchnyj komponen*t. 2022;2 (14):17-22. https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-3-84-93. EDN: CHKQVI 10.51980/2686-939X_2022_2_27 (In Russ.)

11.Kleshchina E. N. Problems and Main Directions of Improving the Legal Regulation of Countering Cybercrime. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry.* 2024; 4:237-241. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2312-0444-2024-4-237-241. EDN: SELUZW

12.Rodina E. A. *Criminological problems of countering cybercrime* : abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences / E. A. Rodina. Saratov; 2022. 27 c. EDN: MYDGRO. (In Russ.)

13.Pinkevich T.V. Criminological monitoring of crimes committed using digital technologies. *Pravo i upravlenie.* 2024;10:221-224. https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-10-221-224 (In Russ.)

14.Petrov P. K., Denisovich V.V. Crime in the Virtual Space: A Criminological Analysis. *Problemy prava.* 2025;1 (97):66-70. (In Russ.). https://doi.org/10.14529/pro-prava250111. EDN: FVVUHA

15.Ryasov A. A., Bagirov Z. R. Opportunities for Using Social Media in Crime Investigation. *Vestnik vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj Federacii.* 2025;1 (73):157-162. (In Russ.). https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-1-157-162. EDN: JMCQUA

16.Yuzikhanova E. G., Korsikova N. A. Prevention of Crimes Committed Using Information and Telecommunication Technologies. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2025;4:143–146. (In Russ.). https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-47-4-143-146. EDN: DPUPTL

17.Berestovoy A. N. Legislative Regulation of Countering New Forms of Deviant Behavior on the Internet. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii.* 2024; 3 (103):152–160. (In Russ.). https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160. EDN: BUJBGR

Информация об авторе

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. A. Sementsova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 03.06.2026.
The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 156–167
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):156–167

Научная статья
УДК 347.9
EDN IGPFOR

Эволюция научных представлений об участии граждан в осуществлении правосудия в советской юриспруденции

Александр Андреевич Стешенко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в отечественной историко-правовой науке исследований об участии граждан в осуществлении правосудия как самостоятельной доктринальной конструкции. Данная проблематика в основном рассматривается в рамках общей характеристики советского судоустройства либо отдельных процессуальных институтов.

Целью статьи стало выявление этапов формирования научных представлений об участии граждан в осуществлении правосудия в советской юридической науке, изменений доктринальных подходов к его природе, функциям и пределам, а также определение их влияния на организацию судебной деятельности.

Методологическую основу исследования составляет историко-правовой подход, позволяющий рассматривать развитие научных представлений об участии граждан в осуществлении правосудия в контексте изменения правовой политики и нормативного регулирования. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и герменевтический методы, а также метод научной реконструкции при изучении нормативных актов и научных трудов советских правоведов.

Результаты и выводы. В статье доказывается, что развитие советских юридических представлений об участии граждан в правосудии носило этапный характер и определялось изменением характера его теоретического обоснования. Установлено, что участие граждан последовательно осмыслялось как способ непосредственного осуществления государственной власти, как элемент институциональной организации централизованной судебной системы и как характеристика правосудия в условиях общенародного государства. Показано, что при сохранении основных институтов содержание участия граждан трансформировалось в зависимости от представлений о природе советского суда и задачах правосудия.

Сделан вывод о том, что советская юридическая наука сформировала целостную доктринальную модель участия граждан в правосудии, основанную на сочетании расширения форм участия с институциональным ограничением их содержания. Представители общественности признавались участниками правосудия, но их деятельность была встроена в профессионально организованную судебную систему и подчинена её логике.

Ключевые слова: участие граждан в правосудии, советская юридическая доктрина, народный суд, народные заседатели, общественные обвинители, общественные защитники, советское правосудие, социалистическая законность, социалистическое правосознание, судебная система СССР

Для цитирования: Стешенко А. А. Эволюция научных представлений об участии граждан в осуществлении правосудия в советской юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 156–167. EDN IGPFOR

© Стешенко А. А., 2026

Original article

Evolution of scientific concepts about citizens' participation in the administration of justice in Soviet juriprudence

Alexander A. Steshenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the lack of research in the domestic historical and legal science on the participation of citizens in the administration of justice as an independent doctrinal construct. This issue is mainly considered within the framework of the general characteristics of the Soviet judicial system or individual procedural institutions.

The purpose of the article was to identify the stages of the formation of scientific ideas about the participation of citizens in the administration of justice in Soviet legal science, changes in doctrinal approaches to its nature, functions and limits, as well as to determine their influence on the organization of judicial activity.

The methodological basis of the study is a historical-legal approach, which allows us to consider the development of scientific ideas about the participation of citizens in the administration of justice in the context of changes in legal policy and regulatory regulation. The work uses formal legal, comparative legal and hermeneutic methods, as well as the method of scientific reconstruction in the study of regulations and scientific works of Soviet jurists.

Results and conclusions. The article proves that the development of Soviet legal ideas about the participation of citizens in justice was of a stage-by-stage nature and was determined by a change in its theoretical justification. It has been established that citizen participation has been consistently conceptualized as a way of directly exercising state power, as an element of the institutional organization of a centralized judicial system, and as a characteristic of justice in a nation-wide state. It is shown that while maintaining the basic institutions, the content of citizen participation was transformed depending on ideas about the nature of the Soviet court and the tasks of justice. It is concluded that Soviet legal science has formed a holistic doctrinal model of citizen participation in justice, based on a combination of expanding forms of participation with institutional restrictions on their content. Representatives of the public were recognized as participants in justice, but their activities were embedded in a professionally organized judicial system and subordinated to its logic.

***Keywords**:* citizen participation in justice, Soviet legal doctrine, people's court, people's assessors, public prosecutors, public defenders, Soviet justice, socialist legality, socialist legal consciousness, USSR judicial system

For citation: Steshenko A. A. Evolution of scientific concepts about citizens' participation in the administration of justice in Soviet juriprudence. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2026;(2):156–167. (In Russ.). EDN IGPFOR

Введение

Проблема участия граждан в осуществлении правосудия занимает особое место в истории советского государства и права. В советской модели суда участие населения не сводилось к отдельному процессуальному институту, а включалось в более широкую конструкцию народного суда. Народные заседатели, общественные обвинители и защитники, представители трудовых коллективов, товарищеские суды рассматривались в единой логике включения общества в осуществление государственных функций.

Актуальность обращения к данной теме определяется тем, что в советской юридической науке была сформирована развернутая доктринальная модель участия граждан в правосудии, задававшая не только формы его реализации, но и пределы допустимого влияния общественного элемента на судебную деятельность.

Вместе с тем в современной историко-правовой науке данная проблематика, как правило, рассматривается сквозь призму организации судебной власти, тогда как развитие научных представлений об участии граждан как самостоятельная теоретико-правовая проблема не получает специального исследования.

В советской юридической науке участие граждан исследовалось в рамках доктрины народного суда и представлений о народном характере государственной власти. В работах П. И. Стучки [1, с. 5], Н. В. Крыленко [2, с. 12], Е. Б. Пашуканиса [3, с. 24] участие трудящихся в судебной деятельности раскрывалось как форма осуществления государственной власти. В трудах А.Я. Вышинского данное участие было переосмыслено с целью укрепления социалистической законности и подчинения судебной деятельности требованиям точного применения советских законов [4, с. 7]. В исследованиях М. С. Строговича [5, с. 9], Г. З. Анашкина [6, с. 4], И. М. Гальперина, Ф.А. Полозкова [7, с. 8], Л. Д. Кокорева [8, с. 10] и других авторов были разработаны процессуальные и организационные аспекты участия граждан, включая правовое положение народных заседателей, общественных обвинителей и защитников.

В постсоветской литературе проблема участия граждан преимущественно рассматривается в рамках исследований судоустройства и судебной деятельности. Работы А. Я. Кодинцева [9, с. 18], Р. С. Абдулина посвящены анализу институциональной организации советской судебной системы [10, с. 66], исследования А. В. Крыжан направлены на изучение истории народного суда [11, с. 6]. В трудах А. А. Тарасова и О. Р. Гарифуллиной [12, с. 13] выявлено соотношение общественного и профессионального начала в правосудии. При этом участие граждан в правосудии как самостоятельный предмет теоретико-правового анализа исследуется фрагментарно.

Цель данного исследования состоит в определении этапов формирования научных представлений об участии граждан в осуществлении правосудия в советской юридической науке, изменений доктринальных подходов к его природе, функциям и пределам, а также определении их влияния на организацию судебной деятельности.

Методологическую основу исследования составляет историко-правовой подход, который позволяет рассматривать развитие научных представлений об участии граждан в осуществлении правосудия в неразрывной связи с эволюцией правовой политики советского государства и изменениями нормативного регулирования судоустройства и судопроизводства.

В рамках данного подхода формально-юридический метод применяется в ходе исследования нормативных актов для понимания того, в какой мере доктринальные положения получали нормативное закрепление. Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления трёх выделенных этапов эволюции доктрины, что даёт возможность установить изменение содержания институтов народных заседателей, общественных обвинителей и защитников в различных историко-правовых условиях.

Герменевтический метод направлен на интерпретацию основных понятий советской юридической науки – «революционного правосознания», «социалистического правосознания», «социалистической законности», «народного суда» – с учетом их смыслового наполнения в разные периоды.

Метод научной реконструкции позволил представить взгляды советских правоведов не как изолированные суждения, а как целостную, внутренне связанную систему, развивавшуюся по собственной логике, обусловленной не только политическими факторами, но и внутренними потребностями юридической науки.

Периодизация развития научных представлений об участии граждан в советском правосудии

Развитие научных представлений об участии граждан в советском правосудии не совпадает напрямую с этапами развития советского государства и подчиняется собственной внутренней логике, связанной с изменением взглядов на природу суда и организацию судебной власти.

Критерием периодизации выступает характер доктринального обоснования участия граждан в осуществлении правосудия, отражающий эволюцию представлений о его допустимости, назначении и пределах в судебной деятельности. С учетом данного критерия

выделяются три этапа, различающиеся по содержанию научных представлений об участии граждан, его соотношению с профессиональным началом в правосудии и месту в системе взглядов на судебную власть.

Первый этап (1917 – конец 1920-х гг.) – научно-идеологическое осмысление непосредственного участия граждан в осуществлении правосудия в условиях диктатуры пролетариата. В юридической науке этого периода участие граждан рассматривалось как форма прямого осуществления государственной власти трудящимися. Допустимость участия лиц без юридической подготовки связывалась с представлениями о революционном, а позднее социалистическом правосознании как основании оценки фактов и разрешения дел.

Второй этап (1930-е – середина 1950-х гг.) – теоретическое обоснование участия граждан в правосудии в рамках централизованной модели судоустройства, ориентированной на единообразие судебной практики. Участие граждан включается в структуру государственного суда и рассматривается как элемент организации судебной власти. Его содержание определяется требованиями социалистической законности и процессуальной формы, а общественный элемент осмысливается как встроенный в профессионально организованное правосудие.

Третий этап (конец 1950-х – 1980-е гг.) – научное обоснование участия граждан как характеристики судебной системы общенародного государства. В научной литературе участие граждан рассматривается как признак социалистической демократии и организации судебной власти в условиях общенародного государства, связывается с расширением форм участия и их системным осмыслением.

Предложенная периодизация позволяет установить внутреннюю логику развития советской юридической доктрины участия граждан в правосудии. Она показывает, что изменялось не столько содержание отдельных форм участия, сколько их смысл в системе представлений о природе советской судебной власти.

В рамках данной логики прослеживается последовательное переосмысление участия граждан: от способа осуществления государственной власти – к элементу организации судебной системы – и далее к характеристике её функционирования в условиях общенародного государства.

Таким образом, участие граждан выступает как доктринально обусловленный способ включения общественного элемента в осуществление правосудия, содержание которого определяется представлениями о назначении суда и задачах правосудия. Предложенная периодизация позволяет зафиксировать различия в понимании роли участия граждан при сохранении внешней преемственности соответствующих институтов и уточнить его место в системе советской юридической науки.

Научно-идеологическое обоснование участия граждан как способа осуществления государственной власти в условиях диктатуры пролетариата

В первые послереволюционные годы участие граждан в осуществлении правосудия рассматривалось не как процессуальный институт, а как способ непосредственного осуществления государственной власти трудящимися. Эти воззрения опирались на марксистскую теорию государства и права, в которой суд трактовался как элемент государственного аппарата, обслуживающего интересы экономически господствующего класса.

В этих условиях преобразование суда рассматривалось как преобразование формы осуществления государственной власти, что предполагало включение трудящихся в его деятельность не как внешнего элемента, а как её носителя. К. Маркс, критикуя концепцию «надклассового» государства, заложил теоретическую основу для последующего отрицания буржуазной модели суда как института, формально равного для всех, но по существу защищающего интересы собственников [13, с. 384–385].

В. И. Ленин перевёл эту критику в плоскость революционной программы. В работе «Государство и революция» он обосновал необходимость разрушения старого государственного, в том числе судебного аппарата, и создания новых органов власти, формируемых при непосредственном участии трудящихся [14, с. 64–65].

Народный суд должен был стать не только карающим, но и вовлекающим и обеспечивающим участие населения в осуществлении государственной власти институтом. Эти положения были восприняты раннесоветской юридической наукой и положены в основу теоретического обоснования участия граждан в правосудии. В этой логике участие граждан выступало не факультативным элементом, а необходимым условием реализации новой модели государственной власти в сфере правосудия.

Уверенность В. И. Ленина в необходимости создания единого народного суда не была изначально бесспорной и формировалась в условиях дискуссии о принципах организации новой судебной системы. Как показывает В. А. Буков, в первые годы советской власти обсуждались различные варианты построения суда, включая модели, допускавшие большую децентрализацию и вариативность его форм, что отражало позицию левых эсеров [15, с. 206]. Данная дискуссия имела принципиальное значение для формирования институтов участия граждан в правосудии. Она определила отказ от децентрализованных и вариативных форм народного суда и закрепление участия населения как элемента единой государственной судебной системы.

Участие граждан рассматривалось как условие включения населения в осуществление государственной власти и придания судебной деятельности социально обусловленного характера. В этом смысле народный суд понимался не только как орган разрешения дел, но и как способ организации власти, в которой участие граждан выступало её неотъемлемым элементом.

В основу организации нового суда был положен принцип формирования суда самим населением. Это придавало участию граждан значение способа легитимации новой судебной власти. Данный подход получил развитие в работах П. И. Стучки, Н. В. Крыленко, Д. И. Курского и др. Стучка связывал суд с осуществлением политики пролетарского государства и рассматривал участие трудящихся как проявление социалистического характера правосудия [16, с. 5-6]. Крыленко, анализируя вопросы судоустройства, определял суд как орган власти трудящихся, соединяющий разрешение дел с задачами политического воздействия [2, с. 13]. Курский подчёркивал приоритет правосознания при рассмотрении дел в народном суде и допускал отступление от дореволюционных юридических форм [17, с. 33].

Обращение к идее «народного суда» в раннесоветской юридической литературе сопровождалось указанием на разрыв между дореволюционным судом и массовыми представлениями о справедливости. В этой связи участие граждан рассматривалось как средство преодоления данного разрыва и придания судебной деятельности социально приемлемого характера.

Теоретическим основанием участия граждан в правосудии выступало революционное правосознание, получившее разработку в раннесоветской юридической литературе. В работах П. И. Стучки и Н. В. Крыленко оно рассматривалось как основание разрешения дел, допускавшее отступление от формально установленного нормативного регулирования [16, с. 32; 2, с. 18].

Такое понимание позволяло обосновать допустимость участия лиц без юридической подготовки. От них не требовалось владение юридической техникой. Решающее значение придавалось способности дать социально обусловленную оценку фактических обстоятельств. В этом смысле участие граждан связывалось не с дополнением профессиональной деятельности судьи, а с иной моделью правосудия, в которой содержание решения определялось представлениями о задачах пролетарского государства.

К началу 1920-х гг. в научных представлениях фиксируется ограничение значения правосознания как самостоятельного основания разрешения дел и его подчинение задачам упорядочения судебной деятельности и обеспечения её устойчивости [18, с. 185].

Рубежом стала судебная реформа 1922 г., закрепившая систему народных судов с участием народных заседателей. В нормативных актах этого периода участие граждан получает институциональное оформление. Одновременно происходит и его фактическое ограничение. В состав суда начинает отбираться более узкий круг лиц, что свидетельствует о переходе от принципа всеобщего участия к управляемой модели правосудия. Это означало изменение доктринального понимания участия граждан: от способа непосредственного осуществления государственной власти к элементу организационно оформленного судебного механизма.

Обоснование данного процесса содержится в работах Я. Бермана. В них народный суд рассматривался как суд с ограниченной компетенцией и определённым кругом дел, что отражает изменение его реальной роли как низового звена государственной судебной системы [19, с. 15].

Тем самым формируется новое доктринальное понимание участия граждан в правосудии. Оно сохраняет связь с идеей народной власти, но реализуется в рамках институционально организованной судебной системы, что предопределяет дальнейшую эволюцию научных представлений.

Доктринальное обоснование институциональной организации участия граждан в системе советского правосудия (1930-е – середина 1950-х гг.)

В 1930–1950-е гг. в советской юридической науке участие граждан в правосудии осмысливается в связи с организацией судебной деятельности и в рамках социалистической законности. В отличие от предшествующего периода оно не рассматривается как способ непосредственного осуществления государственной власти, а включается в структуру судебной деятельности. Участие граждан перестаёт выступать самостоятельным основанием правосудия и подчиняется логике нормативно организованного правоприменения.

Данный сдвиг обусловлен переосмыслением советскими юристами соотношения правосознания и закона. Если ранее правосознание допускалось как самостоятельное основание разрешения дела, то в рассматриваемый период оно утрачивает это значение и рассматривается как внутреннее убеждение, формируемое в ходе применения закона. В этих условиях участие граждан перестаёт связываться с определением содержания решения и рассматривается как участие в его принятии в пределах установленной законом процессуальной формы.

В 1930-е годы происходит закрепление основных элементов судебной системы, а участие граждан получает нормативное оформление как постоянная характеристика организации суда. Конституция СССР 1936 г. закрепила участие народных заседателей в рассмотрении судебных дел, превратив его из элемента революционной практики в устойчивый принцип организации судебной власти. В юридической литературе данного периода народный суд всё чаще рассматривается как орган государственной судебной власти, построенный на сочетании профессионального и общественного начала, при доминировании требований правовой формы и единообразия правоприменения.

Наиболее последовательное выражение данный подход получил в трудах А. Я. Вышинского. В его работах правосудие рассматривается как деятельность по применению закона, а правосознание фактически отождествляется с внутренним убеждением судьи, формируемым в процессе оценки доказательств в рамках правовой нормы. В этой конструкции участие народных заседателей сохраняется, но его значение переосмысливается. Оно включается в деятельность суда, утрачивая самостоятельное содержание вне нормативно организованного правоприменения, и не определяет юридическую квалификацию обстоятельств дела.

В советской юридической науке 1930–1950-х гг. утвердилось представление о судебной системе как о централизованной, ориентированной на обеспечение единообразия судебной практики и управляемости правосудия. Как отмечал Д. С. Карев, именно в этот период завершается формирование модели, в которой единство судебной системы становится условием её эффективности [20, с. 29, 42, 43]. В этих условиях участие граждан сохраняется, но реализуется в рамках судебного разбирательства при определяющей роли профессионального суда.

В процессуальной доктрине подчёркивалось, что равноправие участников процесса при разрешении дела не снимает с суда обязанности руководить судебным разбирательством и обеспечивать точное применение закона. Как писал М. С. Строгович, руководящая роль председательствующего является необходимым элементом социалистического правосудия, обеспечивающим его законность и процессуальный порядок [5, с. 75].

Представители общественности (народные заседатели, общественные обвинители и защитники) рассматривались в литературе как участники процесса, не обладающие самостоятельными властными полномочиями, которые могли бы конкурировать с судебной властью. Р. Д. Рахунов, анализируя участников уголовного процесса, подчёркивал их особое положение. Они действуют в рамках процессуальной формы и не наделены функциями, позволяющими самостоятельно определять исход дела [21, с. 46].

Таким образом, на данном этапе советская доктрина окончательно оформила модель, при которой участие граждан, оставаясь обязательным атрибутом судебной системы, утратило способность влиять на содержание правосудия. Оно было встроено в профессионально организованный механизм правоприменения, где народным заседателям отводилась роль, не затрагивающая ни юридической квалификации дел, ни процессуального руководства. В этой конструкции сохранялось внешнее соответствие идее народного суда, но внутренняя логика судебной деятельности не предполагала реального разделения власти между профессионалами и общественностью.

Научное обоснование участия граждан в правосудии как характеристики судебной системы общенародного государства

В конце 1950-х – 1980-е гг. в советской юридической науке утверждается новый взгляд на участие граждан в правосудии. Оно перестаёт быть совокупностью отдельных институтов и определяется как характеристика судебной системы в целом.

Разработка Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР и союзных республик (1958 г.), Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.), а также принятие уголовно-процессуальных кодексов союзных республик 1959–1961 гг. сопровождались переосмыслением места общественного элемента в судебной деятельности. Это выразилось в переходе от рассмотрения отдельных форм участия к их осмыслению как взаимосвязанных элементов единой модели правосудия, в которой участие граждан приобретает системный характер и включается в общую конструкцию судебной деятельности.

В работах М. С. Строговича участие народных заседателей рассматривается в системе принципов уголовного процесса, что свидетельствует о его закреплении на уровне общих начал правосудия [5, с. 98]. Г. З. Анашкин развивает данную линию, исследуя правовое положение народных заседателей и пределы реализации их равноправия с судьёй [6, с. 22]. В исследованиях И. М. Гальперина и Ф. А. Полозкова участие общественных обвинителей и защитников получает обоснование как форма процессуальной деятельности, встроенная в структуру уголовного судопроизводства [7, с. 24]. В совокупности данные исследования формируют представление об участии граждан как системно организованном явлении, охватывающем различные формы и уровни судебной деятельности.

Системное теоретическое обоснование данная проблематика получила в монографии П. П. Якинова. В ней общественное обвинение и общественная защита исследуются как

самостоятельные формы участия граждан, встроенные в механизм уголовного процесса [22, с. 72]. В работе показано, что участие граждан не формирует самостоятельного уровня правосудия, а осуществляется в пределах единой процессуальной конструкции, предполагающей расширение субъектного состава при сохранении институционального единства судопроизводства.

Одновременно в юридической науке формируется более широкое понимание участия, выходящее за пределы процессуальной формы. В работах, посвящённых товарищеским судам (Э. Ф. Куцова и др.), они рассматриваются как элемент системы общественного воздействия, функционально связанный с правосудием [23, с. 398]. Это расширяет границы участия граждан за пределы судебного разбирательства и позволяет рассматривать его как часть более широкой системы правового и социального регулирования.

В результате в советской юридической доктрине данного периода складывается представление об участии граждан как системе, объединяющей различные формы и субъектов судебной деятельности. Расширение форм участия сопровождается увеличением круга лиц, вовлечённых в правосудие, но все они функционируют в пределах единой модели, определяемой её процессуальной и организационной структурой.

Таким образом, в позднесоветской юридической доктрине участие граждан получает системное теоретическое обоснование, охватывающее различные формы и уровни судебной деятельности. При этом его расширение не сопровождается приобретением самостоятельного значения. Участие граждан сохраняет подчинённое положение в структуре профессионально организованного правосудия и реализуется в пределах, заданных его нормативной и процессуальной формой.

Объём и пределы участия граждан в осуществлении правосудия в советской юридической доктрине

Развитие научных взглядов на участие граждан в советском правосудии сопровождалось формированием представлений о его объёме и пределах, которые по мере становления судебной системы приобретали самостоятельное доктринальное значение. В центре внимания юридической науки оказалось соотношение полномочий представителей общественности и профессиональных участников судебной деятельности — именно оно определяло характер их взаимодействия и границы допустимого влияния общественного элемента на содержание правосудия.

В раннесоветской доктрине участие граждан рассматривалось как выражение народного характера государственной власти, поэтому вопрос о его пределах фактически не ставился. Предполагалось, что представители трудящихся, вовлечённые в судебную деятельность, выражают интересы общества и тем самым обеспечивают социальную основу правосудия.

Однако в первые годы существования советской судебной системы обозначилось противоречие между идеей широкого участия населения и задачами централизованного управления судебной деятельностью. Первоначальные представления о народном характере правосудия трансформируются, на первый план выходит ориентация на управляемость судебной системы. Массовое участие населения в этих условиях начинает восприниматься как фактор, затрудняющий её функционирование и подлежащий организационному ограничению.

По мере развития процессуальной науки проблема участия граждан всё отчётливее трансформируется в проблему его допустимых пределов. В юридической литературе закрепляется двойственное понимание: с одной стороны, народные заседатели признаются участниками осуществления правосудия, что выражается в их равных правах с судьёй при разрешении дела по существу (М. С. Строгович, Г. З. Анашкин и др.). С другой – последовательно утверждается необходимость профессионального руководства судебным

разбирательством, точного применения закона и единообразия судебной практики. В этих условиях объём участия граждан определяется не столько перечнем формально закреплённых правомочий, сколько пределами их реального влияния на содержание правосудия.

Разрешение данного противоречия в советской юридической науке происходит посредством формирования модели включённого участия. Её сущность состоит в признании представителей общественности участниками правосудия при одновременном их институциональном встраивании в профессионально организованную судебную деятельность. Народный заседатель участвует в разрешении дела, но его участие осуществляется под руководством председательствующего судьи и не предполагает самостоятельного осуществления судебной функции.

Аналогичный подход прослеживается в исследованиях, посвящённых общественному обвинению и защите (И. М. Гальперин, Ф. А. Полозков, П. П. Якинов и др.). Участие общественных представителей расширяет субъектный состав процесса, но не образует автономных форм обвинения и защиты.

Данная логика распространяется и на иные виды участия граждан в правосудии. В работах Э. Ф. Куцовой товарищеские суды и иные институты общественного воздействия рассматриваются как функционально связанные с правосудием, но не включённые в систему судебных органов. Тем самым в доктрине закрепляется представление о многоуровневом характере участия граждан при сохранении единства судебной деятельности и её институциональной целостности.

В рамках указанного подхода пределы участия граждан обусловлены степенью их влияния на организацию и содержание судебной деятельности. Анализ юридической литературы показывает, что самостоятельное значение общественного элемента признается лишь в ограниченной степени. Народные заседатели обладают равным голосом при постановлении решения, но не определяют организацию судебного разбирательства и не формируют юридическую квалификацию обстоятельств дела. Общественные обвинители и защитники участвуют в исследовании доказательств и судебных прениях, но действуют в рамках заданной процессуальной конструкции (И. М. Гальперин, Ф. А. Полозков и др.). В работах Р. Д. Рахунова, С. А. Альперта, В. Н. Шпилева подчеркивается, что представители общественности не обладают властными полномочиями, их участие ограничено процессуальной формой и не предполагает самостоятельного принятия решений.

Организация участия народных заседателей наиболее наглядно отражает данную доктринальную конструкцию. Формально закреплённое равноправие при разрешении дела сочетается с процессуальными правилами, обеспечивающими ведущую роль профессионального судьи. Краткосрочность участия, отсутствие юридической подготовки и зависимость от руководства председательствующего ограничивают влияние народных заседателей на содержание судебного решения. Этот вывод подтверждается современными историко-правовыми исследованиями (А. Я. Кодинцев, Р. С. Абдулин, М. В. Немытина [24, с. 180], Т. В. Шатковская [25, с. 38], Д.Г. Герасимов [26, с. 398] и др.), указывающими на ограниченность реального влияния народных заседателей и формализованный характер участия общественности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что понятие «пределы участия граждан в правосудии» играло в советской юридической доктрине не столько ограничительную, сколько конституирующую роль. Посредством установления пределов происходило встраивание общественного элемента в профессионально организованное правосудие.

Пределы не просто очерчивали границы допустимого влияния, но и определяли способ существования общественного участия как подчинённого, функционально зависимого компонента судебной системы. Советская доктрина изначально проектировала участие граждан как ограниченное, поэтому вопрос о том, должно ли оно быть ограниченным, во-

обще не ставился. Соответственно, научные дискуссии велись не о степени свободы общественного элемента, а о формах его институционального закрепления при сохранении профессионального суверенитета суда.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что советская юридическая наука создала целостную модель участия граждан в правосудии, внутренняя логика которой определялась последовательным разрешением фундаментального противоречия. Противоречие это заключалось в необходимости одновременно признавать общественный элемент полноправным участником правосудия и сохранять профессиональный контроль над его содержанием. Разрешение данного противоречия не было единовременным актом, а составило содержание всей эволюции доктрины, прошедшей три этапа, различающихся не столько формами участия, сколько способами их доктринального обоснования.

На первом этапе (1917 – конец 1920-х гг.) участие граждан трактовалось как непосредственное осуществление государственной власти трудящимися. Понятие революционного правосознания позволило легитимировать участие непрофессионалов, но уже в начале 1920-х гг. обнаружилась несовместимость такой модели с задачами централизации правосудия.

На втором этапе (1930-е – середина 1950-х гг.) произошло институциональное встраивание общественного элемента в профессионально организованную судебную систему. Участие граждан сохранилось как обязательный атрибут, но утратило самостоятельное значение и стало подчиняться логике социалистической законности.

На третьем этапе (конец 1950-х – 1980-е гг.) расширение форм участия (общественные обвинители, защитники, товарищеские суды) сопровождалось их научным осмыслением в рамках концепции общенародного государства. Иерархия профессионального и общественного начал осталась неизменной: общественный элемент был включён в правосудие, но лишен способности определять его содержание.

Важным результатом трансформации научных подходов стало формирование модели «включённого участия». Ее оригинальность состоит в том, что пределы участия граждан в правосудии выполняли не ограничительную, а конституирующую функцию. Через установление пределов происходило встраивание общественного элемента в профессионально организованное правосудие, при котором он признавался участником процесса, но не приобретал самостоятельной роли в юридической квалификации дел.

Советская доктрина изначально проектировала участие граждан как подчинённый, функционально зависимый компонент судебной системы. Поэтому научные дискуссии велись не о степени свободы общественного элемента, а о формах его институционального закрепления при сохранении профессионального суверенитета суда.

Значение советской модели выходит за историко-правовые рамки. Она демонстрирует, что участие граждан в правосудии может быть организовано как формальное расширение субъектного состава при сохранении реального контроля за содержанием судебных решений. Этот опыт важен для современных дискуссий о реформировании институтов народного участия, включая суд присяжных и арбитражных заседателей. Он показывает, что расширение форм участия само по себе не гарантирует их реального влияния на правосудие.

Список литературы

1. Стучка П. И. Народный суд в вопросах и ответах. М.: Гос. издательство, 1918. 120 с.
2. Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР: (лекции по теории и истории судоустройства). М.: Юридическое издательство, 1923. 416 с.
3. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизма: (Опыт критики основных понятий); Социалист. акад. Секция прав и государства. Москва: [б. и.], 1924. 160 с.

4. Вышинский А. Я. Теория доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 227 с.

5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с. EDN: BURJKE

6. Анашкин Г. З. Народные заседатели в советском суде. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1960. 84 с.

7. Гальперин И. М., Полозков Ф. А. Участие в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1961. 167 с.

8. Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. 268 с.

9. Кодинцев А. Я. Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933-1956 гг.: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 576с. EDN: QFFFZN

10. Абдулин Р. С. Кадровое и организационное обеспечение судебной системы после Октябрьской революции 1917года // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 65–70. EDN: HTZMTH

11. Крыжан А. В. Проблемы организации народного суда как элемента системы советской юстиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 5–15. https://doi.org/10.37482/2227-6564-V044. EDN: PVYEZV

12. Тарасов А. А., Гарифуллина О. Р. Народное участие в правосудии: вопросы теории, истории и современного состояния в постсоветских государствах // Вестник ТГУПБП. 2011. № 1 (45). С. 12–25. EDN: OKLPKJ

13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 699 с.

14. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Политиздат, 1974. С. 1–120.

15. Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М.: Археографический центр, 1997. 450с.

16. Стучка П. И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Изд-во Ком. Акад., 1924. 141 с.

17. Курский Д. И. Гарантии правосудия и правосудие без гарантий // На путях развития советского права. М., 1927. 118 с.

18. Шатковская Т. В. История отечественного государства и права. Ростов-на-Дону, 2015. 364 с. EDN: WCWPUD

19. Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 71 с.

20. Карев Д. С. Советская юстиция. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 124 с.

21. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.

22. Якимов П. П. Правосудие и общественность. Свердловск: Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1977. 168 с.

23. Куцова Э. Ф. Организация и порядок деятельности товарищеских судов // Советское государство и общественность в условиях развернутого строительства коммунизма / Под ред.: Александров Н.Г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 357–409.

24. Немытина М. В. Суд в начале России, вторая половина XIX – XX вв.: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01. Москва, 1999. 403 с. EDN: NLWOHR

25. Шатковская Т. В. Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 35–39. EDN: PLSSVB

26. Герасимов Д. Г. Основные демократические принципы судебной реформы 1956-1964 годов // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3. С. 135-138. EDN: NCMYZD

References

1. Stuchka P.I. *People's Court in statements and responses.* Moscow: State Publishing House, 1918. 120 p. (In Russ.)

2. Krylenko N.V. *Judicial system of the RSFSR: (lectures on the theory and history of judicial system).* M.: Legal publishing house, 1923. 416 p. (In Russ.)

3. Pashukanis E.B. *General theory of law and Marxism:* (Experience of criticism of basic concepts); Socialist. acad. Section of Rights and State. Moscow: [b. i.], 1924. 160 p. (In Russ.)

4. Vyshinsky A.Ya. *Theory of evidence in Soviet law.* Moscow: Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941. 227 p. (In Russ.)

5. Strogovich M.S. *Course of the Soviet criminal process.* T. 1. Moscow: Nauka; 1968. 470 p. (In Russ.)

6. Anashkin G.Z. *People's assessors in the Soviet court.* Moscow: State legal publishing house Literary, 1960. 84 p. (In Russ.)

7. Galperin I.M., Polozkov F.A. *Participation in the Soviet criminal process.* Moscow: Legal literature; 1961. 167 p. (In Russ.)

8. Kokorev L.D. *Participants in justice in criminal cases.* Voronezh: Voronezh Publishing House. University, 1971. 268 p. (In Russ.)

9. Kodintsev A.Ya. *State policy in the justice system of the USSR in 1933–1956*: dis. Doctor of Law. Sci. Ekaterinburg, 2010. 576 p. (In Russ)

10. Abdulin R.S. Personnel and organizational support of the judicial system after the October Revolution of 1917. *Russian justice.* 2006;(6):65–70. (In Russ.)

11. Kryzhan A.V. Problems of organizing the people's court as an element of the Soviet justice system. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series. Humanities and social sciences.* 2020;(5):5–15. (In Russ.). https://doi.org/10.37482/2227-6564-V044. EDN: PVYEZV

12. Tarasov A.A., Garifullina O.R. People's participation in justice: questions of theory, history and current state in post-Soviet states. *Bulletin of the TSUPBP.* 2011;1 (45):12–25. (In Russ). EDN: OKLPKJ

13. Marx K., Engels F. *Works.* T. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1955. 699 p. (In Russ.)

14. Lenin V.I. *State and revolution*. Lenin V.I. Complete works. Vol. 33. Moscow: Politizdat; 1974. P. 1–120. (In Russ.)

15. Bukov V.A. *From the Russian jury to proletarian justice: at the origins of totalitarianism*. Moscow: Archaeographic Center; 1997. 450 p. (In Russ.)

16. Stuchka P.I. *The revolutionary role of law and state. General doctrine of law*. 3rd ed., revision. and additional. Moscow: Publishing House Kom. Acad., 1924. 141 p. (In Russ.)

17. Kursky D.I. *Guarantees of justice and justice without guarantees. On the paths of development of Soviet law.* Moscow; 1927. 118 p. (In Russ.)

18. Shatkovskaya T.V. *History of the domestic state and law.* Rostov-on-Don; 2015. 364 p. (In Russ.). EDN: WCWPUD

19. Berman Ya.L. *Essays on the history of the judicial system of the RSFSR. M., Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice*, 1923. 71 p. (In Russ.)

20. Karev D. S. *Soviet justice.* 2nd ed., rev. and additional. Moscow: State. legal publishing house lit., 1950. 124 p. (In Russ.)

21. Rakhunov R.D. *Participants in criminal procedural activities under Soviet law*. M.: Gosyurizdat, 1961. 277 p. (In Russ.)

22. Yakimov P.P. Justice and the public. Sverdlovsk. Middle-Uralsk. book publishing house, 1977. 168 p. (In Russ.)

23. Kutsova E.F. *Organization and procedure for the activities of comradely courts. The Soviet state and the public in the conditions of the expanded construction of communism.* Edited by: Aleksandrov N.G. M.: Publishing house Mosk. Univ., 1962. P. 357–409. (In Russ.)

24. Nemytina M.V. *Court at the beginning of Russia, the second half of the 19th - 20th centuries: dissertation ... Doctor of Law:* 12.00.01. Moscow, 1999. 403 p. (In Russ.)

25. Shatkovskaya T.V. Lynching as a manifestation of the Russian legal mentality. *Gaps in Russian legislation.* 2012;(6). P. 35–39. (In Russ.). EDN: PLSSVB

26. Gerasimov D. G. Basic democratic principles of judicial reform of 1956-1964. *Man: crime and punishment.* 2010. № 3. P. 135–138. (In Russ.). EDN: NCMYZD

Информация об авторе

А. А. Стешенко – аспирант кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Steshenko – Graduate Student of the Department of Theory and History of Law and State, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.03.2026; одобрена после рецензирования 05.05.2026; принята к публикации 08.05.2026. The article was submitted 29.03.2026; approved after reviewing 05.05.2026; accepted for publication 08.05.2026.

20 мая 2026 г. прошло заседание Дискуссионной площадки научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Участникам площадки, которая прошла с использованием онлайн-формата, была предложена для обсуждения **научная статья «Актуальные вопросы правового регулирования трудовых отношений в условиях цифровой трансформации: проблемы дифференциации и охраны труда» авторов:** ***Богатыревой М. Р.*** – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой «Гражданское право и процесс» Юридического института Северо-Кавказской государственной академии; ***Боташевой М. К***. – старшего преподавателя кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института Северо-Кавказской государственной академии (г. Черкесск), Россия. Статья была опубликована в 1 выпуске журнала за 2026 г.

В статье показано, что современный этап социально-экономического развития Российской Федерации характеризуется глубокой трансформацией, которая закономерно затрагивает одну из основополагающих сфер общественной жизни – трудовые отношения. Актуальность темы обусловлена нарастающим противоречием между традиционной, сложившейся в индустриальную эпоху моделью трудового права, ориентированной на стандартные, стабильные трудовые отношения, и динамичной, гибкой реальностью постиндустриального рынка труда. В ходе исследования авторами был сделан вывод о том, что дальнейшее развитие трудового законодательства России должно основываться на синтезе рыночной гибкости, сильной государственной гарантирующей роли и опоре на ценности социальной солидарности. Предложены конкретные меры, направленные на совершенствование законодательства в сфере дистанционного труда («право на отключение»), охраны здоровья работников (гибкая шкала страховых тарифов) и обеспечения подлинного баланса интересов сторон трудовых отношений.

Мероприятие открыла начальник отдела развития научных ***Людмила Леонидовна Садовая.*** Людмила Леонидовна отметила, что дискуссионная площадка «Северо-Кавказского юридического вестника» в текущем году отмечает свой пятилетний юбилей. Примечательно то, что это единственная площадка, формат которой строится вокруг обсуждения статей, опубликованных в научном журнале «Северо-Кавказский юридический вестник». Открытый онлайн-формат дискуссий способствует расширению круга участников: к обсуждению регулярно присоединяются ученые из различных российских и зарубежных вузов. За сравнительно непродолжительный период площадка приобрела статус традиционной, выработав собственные устойчивые практики, которые получили высокую оценку со стороны научного сообщества.

Во вступительном слове главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС ***Дамир Юсуфович Шапсугов*** отметил, что предстоящее обсуждение посвящено весьма значимой для всего человечества проблеме, о чем свидетельствует вековая борьба всех трудящихся за ограничение времени трудовой деятельности до 8 часов, продолжавшаяся в течение XIX и XX вв. Сегодня очевидны уже происходящие коренные изменения трудовой деятельности, главной из которых является возможность дистанционной формы её осуществления и связанные с её функционированием условия, способы осуществления, режим работы, ресурсное обеспечение и т.п., значительно расширяющуюся свободу человека, которая уже не укладывается даже в хорошо «отшлифованное» традиционное трудовое право, происходит смена парадигмы, основанной на жесткой регламентации трудовой деятельности на парадигму разумной, свободной творческой деятельности. Этот новый подход к данной проблеме пока только обозначен и далек от детальной проработки, которая все же необходима.

Мы надеемся, что сегодняшнее обсуждение, в котором участвуют видные ученые, занимающие разные позиции по основным проблемам трудового права, выдвинут новые идеи или аргументируют обоснованность старых, и дадут возможность нашей редколлегии опубликовать интересные научные статьи в последующих номерах журнала.

С основным докладом на тему: «Цифровизация как фактор изменения парадигмы трудовых отношений: правовые вызовы и риски для работника» выступила ***Марта Расуловна Богатырева*** – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой «Гражданское право и процесс» Юридического института Северо-Кавказской государственной академии (г. Черкесск).

В обсуждении статьи приняли активное участие:

• ***Эльвира Николаевна Бондаренко*,** докт. юрид. наук, проф. (г. Москва). Тема доклада: «Дифференциация и её многостороннее значение в отношениях трудового права». В своем выступлении она поддержала авторов статьи, представленной для обсуждения. Подчеркнула актуальность проблем трудового права в условиях цифровой трансформации. Обратила внимание на особое значение дифференциации трудового законодательства, которая, помимо всех её значений, позволяет расширить сферу трудового законодательства и тем самым взять под охрану трудовые права иных групп наемных работников. Ею были высказаны и критические замечания. В частности, проф. Э. Н. Бондаренко не находит противоречия между традиционной моделью трудового права и динамичной, гибкой реальностью постиндустриального рынка труда. Во-первых, не надо путать рынок труда и занятость, так как именно в последней и «действует» трудовое право и трудовое отношение. Во-вторых, не меняются атрибуты старой и новой модели. То есть, не меняются субъекты, содержание и прочие признаки трудового отношения, указанные в ст. 15 ТК РФ. В том-то и дело, что в новых условиях остаются прежние субъекты и содержание отношения (работник, работодатель, личный характер, определенная работа и подчинение работодателю), а изменяется способ исполнения (ИИ, дистанционный, заёмный труд и т.д.). Чрезвычайно важно сохранить трудовое отношение в его легальном содержании. Потеряв его, мы теряем трудовое законодательство, ибо лишь одно оно защищает трудовые права наемных работников.

Вызывает некоторые возражения мнение авторов рассматриваемой статьи о том, что развитие дифференциации, в частности, должно идти по направлению защиты «наиболее уязвимых». Однако законодатель в ст. 1 ТК РФ таковых не выделяет, а имеет в виду всех наёмных работников. А как же «неуязвимые» (если такие найдутся): остаются без защиты?

Соглашаясь с мыслью об индивидуализации труда в период трансформации, однако сомневаясь по поводу коллективной ответственности сторон соцпартнерства, предлагается подумать о расширении нормативной части содержания актов соцпартнерства.

• ***Мария Александровна Драчук,*** канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой трудового и социального права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Тема доклада: **«**Цифровая трансформация социального партнерства в условиях современных технологических вызовов: основные векторы развития».

• ***Джамбулат Хамидович Сайдумов***, докт. юрид. наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН. Тема доклада: ««Искусственный интеллект VS человеческий фактор» – необратимость инноваций в современных отечественных трудовых отношениях». Доклад осуществляется в рамках проекта: «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и её применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России».

• ***Гузель Римовна Баймурзина*,** канд. экон. наук, вед. научн. сотр., зав. Лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Тема доклада: «Соотношение формальных и неформальных практик платформенной занятости в России (на примере данных Профи.ру)».

• ***Светлана Гавриловна Климова*,** канд. филос. наук, вед. науч. сотр. Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, центра теоретических и историко-социологических исследований. Тема доклада: «О социально-профессиональном составе и защите труда платформенных занятых».

• ***Юлия Сергеевна Сергеенко***, канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой трудового права Саратовской государственной юридической академии. Тема доклада: «Правовое положение лиц предпенсионного и пенсионного возраста в трудовых отношениях».

Шапсуговские чтения в ЮРИУ РАНХиГС: метаправо как новый горизонт современной юридической науки

28 мая 2026 года состоялись VI-е «Шапсуговские чтения», объединившие участников вокруг концепции метаправа. Мероприятие стало научной площадкой для осмысления фундаментальных изменений, происходящих в праве и юридической науке под влиянием цифровизации, искусственного интеллекта, трансформации общественных институтов и новых технологических вызовов. В центре внимания участников оказались вопросы философии права, общей теории государства и права, методологии юридической науки, правосознания, когнитивной безопасности личности, правового государства и новых форм нормативного регулирования.

Центральным событием Чтений стало вступительное слово и основной доклад ***Дамира Юсуфовича Шапсугова*** – «Становление концепции метаправа в современной юридической науке России», задавшего общую теоретическую рамку последующей дискуссии.

В своем вступительном слове Д.Ю. Шапсугов обосновал идею о том, что XX1 век станет третьим веком юриспруденции вслед за X11 и X1X в., когда происходили существенные изменения в юридическом знании, юридическом образовании и юридической практике, что станет неизбежным и в России в XX1в.

Современным поколениям людей предстоит осмыслить и осуществить подобные изменения во всех названных сферах, которые будут означать новый этап в правовом развитии общества, - подчеркнул докладчик. Далее он отметил особенности предмета метаправового исследования как научной проблемы становления метаправа, не являющегося уже существующим подобно позитивному праву, которое, как уже существующее можно наблюдать и описывать на основе методологии, являющейся общей схемой и внешним порядком исследования, способными дать, по мнению Г. Гегеля, только поверхностное, примитивное знание.

Познание метаправа, отметил докладчик, требует другого способа познания, чем способы познания положительного права, основывающиеся на парадигме отражения сознанием бытия. Парадигмой его познания является парадигма научного творчества в познании и осуществлении права, реализуемая посредством свободы мысли в познании права, свободы воли в его осуществлении, рассматриваемые в их несовместимости с произволом исследователя и практика-юриста; интуиции, учения о рассудке (познание существующего, видимого, единичного) и разуме (познание несуществующего, существующего невидимого, всеобщего).

Такая парадигма, по мнению докладчика, обеспечивает познание онтологических особенностей метаправа, адекватных им гносеологических способов их познания на основе познания и развития эволюционного потенциала человека, включающего не только возобновляемые биологические ресурсы человека, но и возможности, открываемые его разумной деятельностью по обеспечению коэволюционного соразвития с окружающим миром, включая космос. Опираясь на эти исходные идеи докладчик обосновал роль искусственного интеллекта в реализации данных возможностей как важного инструмента- имитатора. необходимого для развития юриспруденции как прикладной науки о праве, разработки и применения современных технологий создания и использования адекватных метаправу нормативных юридических систем, через которые метаправо будет действительно влиять на процессы развития человечества.

Далее докладчик проанализировал высказанные в научной литературе точки зрения по проблемам сущности метаправа, его познания, которые по его мнению, имеют общее свойство: при всем их многообразии выступают как новые способы организации существующего знания о праве, в основном опирающиеся на сложившуюся методологию его получения, подчеркнув при этом, что они имеют важное звено в становлении исследований метаправа.

В заключение Дамиром Юсуфовичем были сформулированы основания- принципы гипотетической концепции метаправа в современных условиях, ставшие предметом обсуждения.

Концентрация доклада Дамира Юсуфовича: **«Метаправо – есть завершение предыстории права и начало становления его подлинной истории».** Участники дискуссии согласились с тем, что современная юридическая наука находится на рубеже перехода от описания и систематизации уже сложившихся правовых явлений к более глубокому пониманию права как сложного социального, культурного, антропологического и цивилизационного феномена. Метаправо в таком понимании не отрицает позитивное право, а позволяет увидеть его в его действительном, исключительно прикладном значении, связанном с разработкой нормативных юридических систем.

Дискуссия, развернувшаяся в ходе доклада, содержательно продолжила проблематику основного выступления и позволила обозначить ряд методологических вопросов, связанных с пониманием природы метаправа, его предметного поля и места в системе современной юридической науки. В ходе чтений прозвучала мысль о том, что мы наблюдаем новый этап принципиального изменения структуры юридической науки, позитивного права и юридической практики. Эти изменения связывались прежде всего с технологическими процессами, включая развитие искусственного интеллекта и его проникновение в судебную, правоприменительную и образовательную сферы.

Внимание было уделено происхождению и смысловому наполнению собственно термина «метаправо», историческим аспектам его применения, связи с исследованиями в области космического права и проблемами взаимодействия различных цивилизационных порядков. Такой ракурс позволил показать, что метаправо возникает там, где традиционные правовые модели оказываются недостаточными для объяснения новых форм взаимодействия, еще не охваченных привычными юридическими нормами, институтами и процедурами.

Рассмотрены различные подходы к пониманию метаправа, во-первых, оно рассматривалось как метатеоретический уровень изучения права, при котором предметом анализа становится не столько само позитивное право, сколько теория права как система знания. Во-вторых, внимание было обращено на категориальный подход, связанный с систематизацией правовых понятий и категорий. В-третьих, был выделен расширенный системный подход, включающий в сферу анализа не только собственно правовые, но также околоправовые и внеправовые явления: правосознание, правовую культуру, язык, ценности, социальные ожидания и иные факторы, влияющие на существование права. Участники обсуждения отметили риск терминологического хаоса, возникающего при чрезмерном расширении предметного поля юридической науки. Если в сферу правового анализа включаются все новые и новые явления, возникает необходимость в строгой методологической рамке, позволяющей различать собственно правовые, метаправовые и внеправовые феномены.

Одним из наиболее принципиальных вопросов стал вопрос о предмете исследования метаправа. Было отмечено, что многие существующие подходы говорят о метаправе как о новом исследовательском направлении, однако не всегда раскрывают его онтологическую составляющую. Если позитивное право традиционно описывает действующие нормы, институты и юридическую практику, то метаправо требует более сложного определения: оно должно ответить на вопрос не только о том, что регулирует право, но и о том, каковы основания самого правового бытия.

Широта научной программы «Шапсуговских чтений» проявилась и в тематике заявленных докладов. Так ***Т. В. Шатковская***, докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, представила тему *«Волеизъявление в условиях скрытого нейротехнологического воздействия: пределы классической доктрины пороков воли и проблема когнитивной безопасности личности».* Доклад затронул один из наиболее сложных вопросов будущего права: может ли классическая конструкция воли сохранять прежнее значение в условиях, когда на сознание, выбор и поведение человека потенциально воздействуют нейротехнологии.

Профессор ***А. Х. Рамазанов***, докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой истории государства и права юридического института Дагестанского государственного университета, посвятил свое выступление проблемам метаметодологии в юридической науке.

Профессор ***А. М. Муртазалиев***, докт. юрид. наук, зав. кафедрой теории государства и права юридического института Дагестанского государственного университета в докладе «Правовое государство в России: между конституционным идеалом и институциональной реальностью» обосновал тезис: правовое государство в России целесообразно рассматривать как конституционный идеал, институциональная реализация которого остается незавершенной и противоречивой. Его становление зависит не только от совершенствования законодательства и правоприменения, но и от обновления теоретико-методологических оснований юридической науки. В этом смысле обращение к метаправу представляет собой не терминологическую новацию, а способ более глубокого понимания тех условий, без которых правовое государство не может перейти из сферы нормативного провозглашения в сферу устойчивой социальной и институциональной реальности.

М. Д. Шапсугова, канд. юрид. наук, доц. кафедры информационного права и правового обеспечения искусственного интеллекта Высшей школы метаправа и искусственного интеллекта Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета, посвятила свое выступление теме «Метаюрист – портрет юриста будущего», сопроводив изложение темы развернутой презентацией.

Ю. С. Овчинникова, канд. юрид. наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, раскрыла особенности применения метаправа в страховании.

М. В. Дышеков, канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета, посвятил свое выступление проблемам использования технологий искусственного интеллекта в историко-правовой науке.

В. И. Крупницкая, канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой процессуального права ЮРИУ РАНХиГС, посвятила свое выступление перспективам использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Н. М. Альханов, канд. пед. наук, доц. (Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова), отметил, что развитие метаправа в цифровую эпоху имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно помогает оценивать не отдельные нормы, а саму направленность правовой трансформации. Если цифровые технологии работают на расширение возможностей человека, повышение доверия к праву и защиту от произвольного вмешательства, они становятся частью гуманистического правового развития.

А. Н. Ларионовым, канд. юрид. наук, доц. кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета, в выступлении на тему *«Морально-нравственные основы правового регулирования искусственного интеллекта и его признаки самообучаемости и автономии принятия решений»* было отмечено, что в искусственный интеллект невозможно непосредственно встроить механизмы правового и нравственного регулирования, поэтому он не может являться полноценным субъектом права.

В докладе на тему: *«Внедрение в российское уголовное судопроизводство негласных следственных действий технологического типа»* ***Ю. Б. Чупилкин,*** канд. юрид. наук, доц. кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС, представил эту проблему как системную метаправовую коллизию. Бланкетная норма закона об ОРД, отсылающая к УПК, порождает фундаментальную правовую неопределённость, проявляющуюся в противоположных судебных решениях об оценке допустимости доказательств, а корень проблемы лежит в отсутствии единых метаправовых стандартов согласования двух автономных правовых режимов. Опираясь на масштабное анкетирование и сравнительный анализ УПК постсоветских стран, докладчик обосновал метатенденцию «легализации через процессуализацию» и предложил модель «опосредованного собирания доказательств», где следователь инициирует негласные следственные действия, а техническую реализацию осуществляют специализированные подразделения, – эта модель поддержана большинством судей, прокуроров и адвокатов.

Ю. Б. Чупилкин также предложил дифференцированный судебный контроль в зависимости от степени вторжения в права, абсолютный запрет негласных следственных действий в отношении адвокатов и обязательное постфактумное уведомление лиц как реализацию метапринципов пропорциональности и правовой определённости. Резюмируя, докладчик подчеркнул, что такая технологическая модернизация представляет собой сознательный метаправовой проект, сохраняющий фундаментальные ценности уголовного процесса и отвечающий вызовам цифровой эпохи, что было поддержано участниками дискуссии.

С интересными докладами выступили А. Р. Гончарова, аспирант 2 года обучения (Волгоградский государственный университет), Б. Н. Лизько, аспирант 1 курса кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета, студенты Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции М. Саадуев, М. Е. Чубенко, К. С. Сукпарова, О. Д. Тарасова.

Шапсуговские чтения показали, что концепция метаправа обладает существенным эвристическим потенциалом. Главный научный итог чтений заключается не в окончательном разрешении поставленных вопросов, а в их точной, своевременной и принципиальной постановке. Метаправо сегодня выступает незавершенной теоретической конструкцией, а открытым направлением научного поиска, требующим дальнейшей разработки, методологического уточнения и междисциплинарного осмысления. Искусственный интеллект, цифровые платформы, трансформация представлений о суверенитете, новые формы воздействия на личность и усложнение общественных институтов ставят перед юридической наукой задачи, которые уже не могут быть решены исключительно в пределах традиционных отраслевых подходов.

«Шапсуговские чтения» вновь предстали как научная площадка, на которой соединяются фундаментальность теоретического поиска, внимание к современным вызовам и стремление к обновлению юридического знания, формируют язык и стиль будущего правоведения.

Е. А. Пащенко,
канд. юрид. наук, доцент,
декан юридического факультета
ЮРИУ РАНХиГС

А. П. Скибе – 50 лет

Скиба Андрей Петрович родился 7 июня 1976 г. в г. Енакиево Донецкой области в семье инженеров. В 1993–1998 гг. проходил обучение на юридическом факультете Ростовского государственного университета (в настоящее время – Южный федеральный университет), по окончании которого работал в Ростовской прокуратуре по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Ростовской области. С 2001 г. занимается преподавательской деятельностью.

В 2003 г. в Ростовском юридическом институте МВД России защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Исполнение наказания в лечебно-профилактических учреждениях» по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. В 2008 г. получил ученое звание доцента по кафедре уголовно-правовых дисциплин.

В 2004-2016 гг. работал на должностях профессорско-преподавательского состава в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС.

Ведет активную общественную деятельность, состоял в общественной наблюдательной комиссии Ростовской области по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, и в Общественном Совете при ГУФСИН по Ростовской области.

В 2013 г. в Академии права и управления ФСИН России защитил докторскую диссертацию на тему: «Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование» по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. В 2021 г. получил ученое звание профессора по специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

С 2022 г. по настоящее время – председатель диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Академии права и управления ФСИН России по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Является главным редактором журнала «Уголовно-исполнительное право», а также членом редакционной коллегии (редакционного совета) ряда журналов («Ведомости уголовно-исполнительной системы», «Вестник Кузбасского института», «Вестник Санкт-Петербургской юридической академии», «Пролог»).

Андрей Петрович, ученый с южным характером и яркой харизмой, увлекается российской и мировой историей, сопоставляет и критически исследует различные исторические события, археологические находки. «Оптимизм – это наилучшее средство двигаться вперед по жизни. Плохое же настроение обычно возникает из-за негативного отношения человека к какому-либо событию, не обязательно однозначно плохому или неудачному. Поэтому важно помнить о том, что «и это пройдет…», а плохое настроение впоследствии может отрицательно повлиять и на Ваши конструктивные идеи и действия» – мнение-девиз Андрея Петровича.

Для Андрея Петровича важно периодически отвлекаться от однообразия рабочей или иной обстановки. И здесь на помощь приходят увлечения «альтернативной» историей, особенно с учетом современных археологических находок, мнений специалистов, применение методов выявления нестыковок в общепризнанной истории, российская и зарубежная классическая художественная литература, театры и музеи, путешествия по историческим местам, шахматы и плавание. Многогранность, разноплановость, личная глубина – это черты, о которых можно говорить много.

Уважаемый юбиляр! Не останавливайтесь на достигнутом ни в науке, ни в образовании, ни в карьере, ни в спорте, хотя такой локомотив, как Вы, ничто не остановит! Впитываем в себя Ваш очередной интересный профессиональный труд!

Коллектив юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем оригинальной научной статьи должен быть не менее 20 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках: - заголовок статьи; - имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»; - аннотация (300-350 слов). **Аннотация должна быть структурирована**, в ней обязательно указываются: Введение, Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы); - ключевые слова или словосочетания (не менее 10).

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор) и код EDN (коды проверять на сайте: https://elibrary.ru/find_edn_list.asp?).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице **автором указывается**: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». **При написании текста статьи и составлении списка источников не использовались средства искусственного интеллекта**».

Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник». Тел. 8-863-279-41-62;

e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

Мы не запрещаем позитивизм, но стремимся определить его действительное место в познании права.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2026

Выход в свет 30.06.2026. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3208-26

Адрес издателя:
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:
Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru